

КАРПАТОРУССКИЙ

Календарь

Демко Союза

на

1941

Составил Ваньо Тунянка

У КАЖДОГО
ЛЕМКА-КАРПАТОРОССА
ПОВИННА БЫТИ

Мапа Лемковины

ТОЧНА МАПА ЗАПАДНОЇ ЧАСТИ

КАРПАТСКОЙ РУСИ

ОТ ПОГРАДА ПО УЖ И СЯН

СТІННА МАПА НА ПОЛОТНІ \$2.00
СТІННА МАПА НА ПАПЕРІ 0.50

УЧТЕСЯ ГРАМОТЫ!
НАУЧТЕСЯ САМИ И СВОИ ДІТИ
ЧИТАТИ ПО РУССКИ ИЗ

КАРПАТОРУССКОГО БУКВАРЯ

ВАНЯ ГУНЯНКИ

Буквар выпущенный в продажу по:

15ц. ЗА ПРИМІРНИК. —

8 ПРИМІРНИКОВ ЗА \$1.00

ОРДЕРУЙТЕ В РЕДАКЦИИ
“КАРПАТСКОЙ РУСИ”

556 YONKERS AVE.

YONKERS, N. Y.

НАРОДНА БУДОВА

Карпаторусского Американского Центра в Юнкерс, Н.Й.

ОТКРЫТА ВСЕГДА ДЛЯ КАРПАТОРУССКИХ ЛЮДЕЙ.

В Народной Будові К. А. Центра ест велика, модерно устроена галя на концерты, представления и други предприятия. В ней може поміститися 1,200 особ.

В Народной Будові К. А. Центра ест ресторан, открытый всегда для публикы.

В Народной Будові К. А. Центра ест удобне поміщение на братскы и клубовы митингы.

В Народной Будові К. А. Центра поміщаеся типография и редакция нашей народной газеты “Карпатска Русь”, а также головна канцелярия Лемко-Союза.

На землі К. А. Центра ест прекрасне місце на пикники. Літом отбываються пикники каждую неділю.

Каждый карпаторосс може и должен быти членом Карпаторусского Американского Центра.

Полный пожизненный членский взнос: \$25.00. Кто внесе 5.00, буде числитися членом на один рок, а по 5 роках рочного членства, як сумма рочных членских взносов дойде до 25 дол., он стаеся полным пожизненным членом.

Carpatho - Russian American Center

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

КАРПАТОРУССКИЙ КАЛЕНДАР ЛЕМКО-СОЮЗА

на
1941

СОСТАВИЛ
ВАНЬО ГУНЯНКА

Год Издания 16-ый

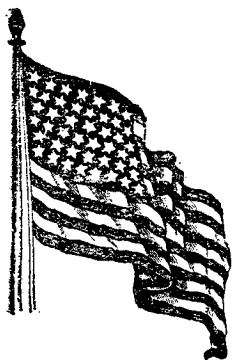

Печатано в типографии Лемко-Союза Йонкерс, Н. Й.

556 Yonkers Ave. Yonkers, N. Y.

ЦІНА 50 ЦЕНТОВ

Американскы Легальны Свята

1) Каждая неділя (воскресенье в году.

2) 1-го января — Новый Год, празднуют во всіх штатах за исключением штатов: Массачусетс, Аркансас, Миссиссиппи и Нью Гемпшир.

3) 12-го февраля, день рождения президента Авраама Линкольна, празднуют: Коннектикут, Нью Джерси, Нью Йорк, Пенсильвания, Делаваре, Каролайна, Вест Вирджиния, Иллинойс, Индиана, Кензас, Мичиган, Миннесота, Севт Дакота, Норт Дакота, Монтана, Юта, Колорадо, Айова, Орегон, Вашингтон и Вайоминг.

4) 22-го февраля, день рожления первого президента Соединенных Штатов. Юрия Вашингтона — празднуют во всіх штатах за исключением штата Миссиссиппи.

5) Велика Пятница, празднуют в штатах: Массачусетс, Миссиссиппи, Пеннсильвания, Алабама, Луизиана и Теннесси: в других штатах губернаторы проголошуют той день святочным.

6) 30-го мая — Декорейшн Дей. — То-го дня украшают гробы — могилы погибших воинов в часі гражданской войны. Празднуют во всіх штатах, за исключением штатов Аркансас, Флорида, Джорджия, Луизиана, Миссиссиппи, Нью Мексико, Норт Каролайна, С. Каролайна и Техас.

7) 4-го юлия — Форт оф Джулай — день проголошения независимости Соединенных Штатов. Празднуют во всіх штатах.

8) В первый понедельник сентября — День Труда — Лейбор Дей. — празднуют во всіх штатах.

9) Последний четверг в ноябрі — День Благодарения — Тенксгивинг Дей, празднуют во всіх штатах, за исключением штата Вайоминг.

10) 25-го декабря — Рождество Христова — латинский Кризмас. Празднуют во всіх штатах.

Кромі вышеназванных праздников, глечкы штаты празднуют: День Колумба — 12-го октября; День штатных и федеральных выборов — Елекшин Дей — обыкновенно в первый вторник в ноябрі. Кромі того, каждый штат має свои отдільны праздники.

АМЕРИКАНСКА ЛІТОПИСЬ

Годы

1492. Христофор Колумб, итальянец, открыл Новый Світ.

1497. Ивон Кабот, англичанин, открыл континент Сіверной Америки.

1565. Испанцы поселилися в Ст. Августин, Флорида, на старший тепер город в Соединенных Штатах.

1607. Поселение Вирджинии, первая успешная колония в 13-ти первоначальных штатах начата англичанами.

1609. Генри Гудсон, англичанин, находящийся на службе голландцев, открыл ріку Гудсон.

1620. Англичане начали заселяти Массачусетс.

1647. Массачусетс ухвалил закон о устройстве публичных школ.

1664. Англичане забрали голландцам город Нью Амстердам и назвали го Нью Йорк.

1682. Английскы Квакеры поселилися в Пеннсильвании.

1733. Англичане начали заселяти Джорджию, послідну из первоначальных стейтов.

1759. Англичане отнесли окончательную победу над французами в Квебек.

1775. Началася революционная война против Англии.

1775. Битва у Бункер Гилт между американцами и англичанами.

1776. Декларация Независимости от Англии, проголошена в Филадельфии.

1776. Американцы выиграли битву в Трентон.

1777. Американцы выиграли битву у Саратога.

1789. Американцы при помощи французов отнесли окончательную победу над англичанами у Йорктауна.

1789. Согласно Конституции, Джордж Вашингтон стал первым президентом Соединенных Штатов.

1803. Соед. Штаты откупили от французов Луизиану.

1807. Роберт Фултон побудовал первый пароход.

1812 — 1815. Вторая война с Великом Британием.

1819. Флориду купили Соед. Штаты от Испании.

1819. Первый пароход, Саваннаг, переплыл Атлантический океан.
1823. Объявлено доктрину Монро, чьим остережено европейцев перед устройством колоний в Америке.
1825. Открыт Канал Ири, через что Нью Йорк стал торговым центром Соед. Штатов.
1830. В Соед. Штатах по раз первый употреблено с успехом первый локомотив.
1845. Анектано Техас.
- 1846 — 1848. Война с Мексикой, по которой Соед. Штаты получили югозападные стейты и территории.
1848. Открыто в Калифорнии золото и там начали поселиться американцы.
- 1861 — 1865. Гражданская война между южными и северными стейтами.
1863. Президент Линкольн проклимовал свободу для негров.
1863. Северные стейты выиграли битву под Геттисбург.
- 1865 — 1870. Принято 13, 14 и 15 добавок до Конституции, дающий неграм свободу и право голосования.
1869. Окончено будову железной дороги, соединяющей Нью Йорк с Сан Франциско.
- 1882 — 1902. Запрещено иммиграцию китайских рабочих на 10 лет.
1884. Начато употреблять электрические трамваи (стриткар).
1898. Анектано Гавайские острова.
1898. Война Соед. Штатов с Испанией. освобождение Кубы и присоединение Филиппинских островов и Порто Рико.
1902. Братья Райт вынашли летательную машину.
1914. Окончание будовы Панамского Канала.
- 1917 — 1918. Война Соед. Штатов с Германией.
1920. Победа республиканской партии на президентских выборах.
1923. Смерть Президента Гардинга. Вице-президент Кальвин Кулидж вступил на пост Президента Соед. Штатов.
1924. Переизбрание Кальвина Кулиджа на президентских выборах.
1926. Празднование 150-летия Американской Независимости.
1929. Крах на Американской бирже и початок страшной депрессии и безработя.
1932. Провал республиканской партии на выборах, выбор президента Франклина Делано Рузвельта, демократа.
1933. Президент Рузвельт и його "Нью Дил", НРА.
1935. Найвысший Суд С. Ш. рішыл, што НРА противится Конституции С. Ш.
1936. Выбор Президента. Президент Рузвельт переизбранный рекордным числом голосов. Получил 523 електоральных голосов, його републиканский противник Ландон лем 8 голосов.
1940. Выбор Президента. Президент Рузвельт выбранный на третий термин Президентом США. То случилось первый раз в истории США, абы дакий Президент был выбранный на третий термин.

*

*

Phone: PAss. 3-2048

NATIONAL WINES & LIQUORS, Inc.

WHOLESALE DISTRIBUTORS

СКЛАД ВИН И ЛИКЕРОВ

найліпших сортів.

585 MAIN AVE., PASSAIC, N. J.

ARmory 4-3737

4-3738

SONOMA VINEYARDS WINERY

Bottlers of the Famous EI TORO WINES

Склад найлучших Вин.

ALBERT VISCHIA

188-194 - 21st Ave.

General Manager

PATERSON, N. J.

Январ 1941 January

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В	Новый Год, О. Г. Вас. В.	14	Январь — Феликса
2 С	Св. Сильвестра	15	Св. Павла Пуст.
3 Ч	Преп. Малахия	16	Маркила
4 П	Собор 70 Апостол.	17	Антония
5 С	Нав. Бог., Теопемпта	18	Св. Петра
6 Н	Богоявление Госп.	19	Н. 2. по 3 Кр. Мария
7 П	Иоанна Крестителя	20	Севастиана
8 В	Георгия Преп.	21	Св. Агнеты
9 С	Св. Филиппа	22	Винкента
10 Ч	Св. Григория	23	Раймунда
11 П	Прп. Теодозия Вел.	24	Тимофея
12 С	Татьяны мч.	25	Нав. Ап. Павла
13 Н	Нед. по Просв. Муч. Арм.	26	Н. 3 по 3 Кр. Полик.
14 П	Отцев в Синаи	27	Иоанна Златоуст.
15 В	Павла и Ив.	28	Св. Леонида
16 С	Поклон. Вер. Ап. Петра	29	Францишка
17 Ч	Антония Вел.	30	Мартина
18 П	Афанасия и Кирилла	31	Петра из Н.
19 С	Макария прп.	1	(Фев.) Игнатия
20 Н	32 по С.С.Д. † Прп. Ефт В.	2	Марии Гром.
21 П	Максима прп.	3	Власия
22 В	Тимофея апостола	4	Св. Андрея
23 С	Преп. Максима Сир.	5	Агаты
24 Ч	Прп. Ксении	6	Тита еп.
25 П	† Григория Богослова	7	Попел. Ромульда
26 С	Ксенофонта прп.	8	Иоанна прп. из М.
27 Н	О Митарі † Пер. М. I. Зл.	9	7 Десятн. Св. Кирил.
28 П	Ефрема прп.	10	Схолястик.
29 В	Пер. Мощ. Игнатия	11	Об. МБ. Люр.
30 С	Трех Святителей	12	Григория
31 Ч	Кира и Иоанна безср.	13	Валентина

Tel. PAss. 2-3188 R

SAPOLIGA'S DAIRY CO.

GRADE "A" MILK & CREAM PRODUCTS

Наилучшы продукты
для здоровья.

122 SPEER AVE., CLIFTON, N. J.

Февраль 1941 February

ЗАПИСКИ

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 П	Муч. Трифона	14	Фавстияна и Ювва
2 С	Стрічение Господне	15	Фавстияна и Иовва
3 Н	О Блуд. Сыні Сим. и Ан.	16	6 Десятн. Юлианны
4 П	Исидора прип.	17	Фавстина
5 В	Агафии муч.	18	Св. Симеона
6 С	Вукола пр.	19	Маркелина
7 Ч	Парфения и Луки	20	Льва еп.
8 П	Влмч Теодора Стр.	21	Феликса еп.
9 С	Никифора мч.	22	Маргар из К.
10 Н	Мяс. Пуст. Харл., Порф.	23	5 Десятн. Петра Д.
11 П	Власня мч.	24	Матей
12 В	Мелетии и Ал.	25	Мафтея ап.
13 С	Мартинияна прп.	26	(Попелец) Цезария
14 Ч	Авксентия прип.	27	Нестора
15 П	Ап. Онисима	28	Александра
16 С	Памфила мч.	1	(Март) Альбина еп.
17 Н	Сыропустна Теод. вмуч.	2	1 Нед. Поста Павла
18 П	Льва папы рим.	3	Св. Кунекунды
19 В	Архипа и Максима	4	Казимира
20 С	Льва еп. Кат.	5	Иоанна Від. Хр.
21 Ч	Тимофея преп.	6	Перпетуи
22 П	Свмч. иже во Евгении	7	Өом. Аквилины
23 С	Поликарпа свмч.	8	Иоанна Бож.
24 Н	1 Поста † Сбр. Гл. Иоан. Кр.	9	2 Н. поста Францш.
25 П	Тарасия св.	10	40 Мучеников
26 В	Св. Порфирия	11	Евлогия
27 С	Св. Прокопия Д.	12	Григория
28 Ч	Василия прп.	13	Катерины

"SUGAR DAN CAFE"

НАЙКРАСША КОРШМА

на Валлингтоні

ДАНИИЛА БАЙКО

Ваш краян, завсе Вас найлучше
угостит.

19 MAIN AVE., WALLINGTON, N. J.

Март 1941 March

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П	Евдокія прп.	14	Матильды к.
2 С	Феодота свмч.	15	Климентя
3 Н	2 Поста Евтроп. и др. мч.	16	3 Н. пост. Кирияка
4 П	Преп. Герас.	17	Св. Патрика
5 В	Конона Муч.	18	Кирилла
6 С	42 мч в Амор.	19	Иосифа Обручн.
7 Ч	Ефрема свмч.	20	Евфимий д.
8 П	Прп. Теофилакта	21	В. Чет. Венедикта
9 С	† Муч. Севастийских	22	В. Пят., Катерины
10 Н	3 Н. Поста Кондр. свмч.	23	4 Н. поста Феликса
11 П	Св. Софрония птр.	24	Св. Гавриила
12 В	Теофана Григория Прп.	25	Зв. Н. М. П.
13 С	Никифора свмч.	26	Людгера
14 Ч	Венедикта прп.	27	Йоанна
15 П	Агапія мч.	28	Сикста
16 С	Трофима Муч.	29	Кирилла
17 Н	4 Нед. Поста Алекс. прп.	30	Н. Пасийна, Квирина
18 П	Св. Кирила Иерус.	31	Св. Бальбины д.
19 В	Хризанта и Дарии мч.	1	(Апр.) Валерияна
20 С	Преп. Иоанна и Сергия	2	Францишка
21 Ч	Пр. Якова еписк.	3	Ришарда
22 П	Василия свмч.	4	Изидора
23 С	Никона свмч.	5	Винцентия
24 Н	5 Н. Поста, Захр. и Якв.	6	Н. Пальмы, Юлиана
25 П	Благовіщ. Преп. Богор.	7	Св. Сатурна
26 В	Собор Арх. Гавриила	8	Дионосія еп.
27 С	Св. Матроны Солун.	9	Марии Егип.
28 Ч	Прп. Илариона и Стефан.	10	Езекиила
29 П	Прп. Кирила и Мярка	11	Льва Папы Рим.
30 С	Йоанна Ліств. прп.	12	Юлия
31 Н	Нед. Квітна Ипатия свмч	13	Воскр. Христово

BEER GARDEN

ГОСТИНИЦА

СТЕФАНА ФЕДОРЧАКА

Завсе свіже пиво и водки. Смачны закус-
ка и услуга первокласна. — Заходте
а погоститеся приятно.

2 KULIK STREET, CLIFTON, N. J.

Апріль - 1941 - April

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Прп. Марии Егп.
2 В Тита и Поликарпа
3 С Никиты прп.
4 Ч Йосифа Прп. (Вел. Чет.)
5 П Феодосия (Вел. Пятн.)
6 С Евтихия св. (Вел. Суб.)

14 Свт. Понед. Юстин.
15 Анастасии мч.
16 Ламберта
17 Аникита
18 Апполония
19 Леона

7 Н Воскресение Христово

20 Нед. Прев. Θεодора

8 П Св. Понедільник

21 Анзольма

9 В Св. Вторник

22 Сотера и Кай м.

10 С Терентия мч.

23 Войтеха

11 Ч Антипы свмч.

24 Феликса

12 П Василия прп. еп.

25 Марка Ап.

13 С Артем. свмч.

26 Клита и Маркила

14 Н Нед. Θεοмина Март. п. р

27 2 Нед. Петра Кан.

15 П Св. Аристарха

28 Св. Павла

16 В Агапии муч.

29 Петра из Вер.

17 С Симеона

30 Катерины

18 Ч Св. Космы и Йоанна

1 (Май) Филиппа

19 П Йоанна и св. Георгия

2 Возн. Госп., Атаназ.

20 С Прп. Анастасия

3 Обрѣт. Ч. Крес.

21 Н Нед. Миронос. Януар. см.

4 3 Нед. Св. Моники

22 П Луки и Клим.

5 Пиуса В.

23 В † Георгия вмч.

6 Иоанна еван.

24 С Саввы мч.

7 Станислава

25 Ч Марка еван.

8 Арх. Михаила

26 П Василия свмч.

9 Григория

27 С Симеона ап.

10 Изидора

28 Н О Розслабл. Ясона Ап.

11 4 Нед. Франтишка

29 П Св. 9 муч. из К.

12 Св. Нереуша

30 В † Якова Заведеева ап.

13 Серватия

Tel. PAss. 2-8323

NEW BOSTON SHOE STORE

We specialize in arch support shoes

BUY YOUR SHOES HERE:

*

132 MARKET ST., PASSAIC, N. J.

Май - 1941 - May

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Ефремии Преп.	14	Бонифатия
2 Ч	Афанасия вел.	15	Софии
3 П	Прп. Теодосия печ.	16	Юанна Непом.
4 С	Муч. Пелагии	17	Пасхалиса
5 Н	Нед. о Самар. Мч. Ирины	18	5 Нед. Феликса
6 П	Иова многострад.	19	Св. Петра
7 В	Явление Чест. Креста	20	Бернандина
8 С	Юанна Богосл.	21	Елены
9 Ч	Пер. Мощ. св. Николая	22	Сошест. Св. Духа
10 П	Симеона ап.	23	Св. Юана Р.
11 С	Св. Кирила и Методия	24	Юанны
12 Н	О Слпо-рожд. Епи., пат.	25	1 Н. по С. Д. Урб. п.
13 П	Мч. Александры	26	Св. Филиппа
14 В	Изидора мч.	27	Беды В.
15 С	Пр. Пахомия	28	Вильгельма
16 Ч	Вознесение Господне	29	Юлия д.
17 П	Андроника ап.	30	Феликса
18 С	Феодота мч.	31	Петронейя, Анелии
19 Н	Нед. Св. Отец Патрк. мч.	1	(Юнь) Боже Тіло
20 П	Св. Алекся	2	Св. Маркеля
21 В	† Константина и Елены	3	Клотильды
22 С	Свщ. мч. Василиска	4	Квирина
23 Ч	Михаила прп.	5	Бонифация
24 П	Симеона и Никиты	6	Норберта
25 С	† Обр. Гл. Юанна пред.	7	Роберта
26 Н	Сош. Св. Духа Мч. Авер.	8	Н. С. Тройцы, Мед.
27 П	Пресв. Тройцы, Свщ. Тер.	9	Св. Феликса
28 В	Никиты еп.	10	Маргагеты
29 С	Феодосия мч.	11	Варнавы
30 Ч	Исаакия прп.	12	Онуфрия
31 П	Ефрема ап., Ермии мч.	13	Антония

Tel. PAss. 3-0931 R.

JOHN DERCO, Prop.

Заходте до края — завсе мае свіже

мясо и деликатесы.

102 LAKE AVE., CLIFTON, N. J.

Юнь - 1941 - June

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С	Юстина мч.	14	Василия В.
2 Н	Всѣх Святых, Никиф. св.	15	4 Н. по С.Д. В. и М.
3 П	Мч. Лукияна (Петр. пост)	16	Св. Франца
4 В	Митрофана	17	Адольфа
5 С	Доротия свмч.	18	Ефрема
6 Ч	Висариона пр.	19	Юлианны
7 П	Теодора свмч.	20	Сильверия папы
8 С	Теодора влмч.	21	Альойзия
9 Н	Н. 2 по С.С.Д. Кирил. св.	22	5 Н. С.Д. Павлина еп
10 П	Свщ. Тимофтея	23	Св. Едильтруды
11 В	† Вартоломея и Варвары	24	Рожд. Иоанна Кр.
12 С	Онуфрия, Петра, Арсен.	25	Вильгелма
13 Ч	Акилины мчц.	26	Павла и Иоанна
14 П	Елисея прор.	27	Владислава
15 С	Амоса прор.	28	Льва Папы Рим.
16 Н	Н. 3 по С.С.Д., Тихона еп.	29	6 Н. С. Д. Петр., Пав
17 П	Муч. Мануила	30	Св. Павла Ап.
18 В	Леонтия мч.	1	(Юль) Теобалда
19 С	Ап. Иуды бр. Госп.	2	Посѣщ. П. Д. Марк.
20 Ч	Мофодия свмч.	3	Антолия
21 П	Юлиана и Терентия мч.	4	Ееодора
22 С	Евсения свмч.	5	Филомена
23 Н	Н. 4 по С.С.Д., Агрип. мчц	6	7 Н. С.Д. Лукы мч.
24 П	Рожд. Иоанна Крест.	7	Кирилла и Методия
25 В	Февронии мчц.	8	Елисаветы прп.
26 С	Давида, прп.	9	Вероники
27 Ч	Сампсона прп.	10	7 Братей мч.
28 П	Пер. мощ. Кира и Иоанна	11	Пия I.
29 С	Св. Апп. Петра и Павла	12	Генриха
30 Н	Н. 5 по С.С.Д., Соб. Апп.	13	8 Н. С.Д. Маргарет.

Phone: LAfayette 9698

Compliments of

H. I. TAVERN

BEER, WINE and LIQUOR

Русский Бир-Гарден

H. IWASKO, Proprietor

6609-6611 MICHIGAN AVE.

Bet. Cicotte & Clippert, DETROIT, MICH.

Юль - 1941 - July

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П	Космы и Дамьяна	14	Св. Бонавент.
2 В	† Пол. Риз. Пр. Бог.	15	Генрика
3 С	Якима мч. и Филипа св.	16	Мат. Б. Скап.
4 Ч	Андрея архиеп.	17	Алексия
5 П	Кирила и Методия	18	Симеона з. Л.
6 С	Сисоя вел.	19	Винкентия
7 Н	Н. 6 по С.С.Д., Ёомы, Ак.	20	9 Н. С.Д. Чеслава
8 П	Вмч. Прокопия	21	Св. Праскеды
9 В	Панкария и Кирила свмч.	22	Марии Магдалины
10 С	Антония печ.	23	Аполинария
11 Ч	Блаж. Кн. Ольгы	24	Кристины
12 П	Прокла и Илария мч.	25	Якова
13 С	Соб. Арх. Гавриила	26	Анны
14 Н	7-ма по С.С.Д., Прп. Онис-	27	10 Н. С.Д., Рудольф.
15 П	Вел. кн. Владимира	28	Св. Назария
16 В	Свмч. Павла, Алевтины	29	Марты д.
17 С	Марины вмчц.	30	Авдота, Юлиты.
18 Ч	Свмч. Емилияна	31	Игнатия
19 П	Макрыны прп.	1	(Авг.) Петра
20 С	† Илии пророка	2	Пр. Д. М. Анг.
21 Н	Н. 8 по С.С.Д., Сим., Иоан.	3	11 Н. С.Д., Св. Стеф.
22 П	Марии Магдал. Мрн.	4	Св. Доминик.
23 В	Трофима и Теофила мч.	5	МБ Снжной
24 С	Бориса и Гліба мч.	6	Преобр. Госп.
25 Ч	† Успение св. Анны	7	Каетана
26 П	Прп. Мойсея	8	Кирияка м.
27 С	† Пантелеймона вмч.	9	Романа
28 Н	Н. 9 по С.С.Д., Прох. ап.	10	12 Н. С. Д. Лаврент-
29 П	Свмч. Калиника	11	Св. Сусаны д.
30 В	Силы и св. Йоанна	12	Кляры д.
31 С	Евдокима и Йосифа	13	Гипололита

Phone: LAfayette 9688

POLAR BEAR BAR

I. T. PONEDELNIK, Prop.

BEER—WINE—LIQUORS

Regular Meals at All Hours

Завсе приятна и честна услуга!

5850 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.
(Near Webson)

Август - 1941 - August

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч Проис. Ч. Древ. 7 мч. М.
2 П Пр. мощ. мч. Стефана
3 С Исаака и Антония прп.

4 Н Н. 10 по С.С.Д., Ефесі мч.

5 П Евстигнея мч.

6 В Преображение Господне

7 С Доментия мч.

8 Ч Емилиана еп. и Григория

9 П † Матфея ап.

10 С Лаврентия мч.

11 Н Н. 11 по С.С.Д., Овп., Теод

12 П Фотия и Аникиты

13 В Максима исповід.

14 С Преп. Теодосия

15 Ч Успение Пресв. Богород.

16 П Пер. Неруктв. Образа

17 С Мирона мч.

18 Н 12 по С.С.Д. Фльора, Лав.

19 П Мч. Андрея стр.

20 В Самуила пророка

21 С Ёадея ап.

22 Ч Свмч. Афтанасия

23 П Лупы мч.

24 С Автихия свмч.

25 Н 13 по С.С.Д., Варф., Тита

26 П Андрияна и Наталии

27 В Пимона прп.

28 С Мойсея прор.

29 Ч Усікн. Главы Йоан. Предт

30 П Александр патр.

31 С Полож. Пояса Пр. Д. М.

14 Евсевия

15 Успение Пр. Бог.

16 Іакима В.

17 13 Н. С.Д., Яцка в.

18 Св. Елены

19 Людвика

20 Бернарда

21 Иоанны

22 Тимотея м.

23 Филиппа

24 14 Н. С.Д. Вартолм.

25 Св. Людв. к.

26 Зеферина

27 Йосифа

28 Августина

29 Ус. Гл. І. Кр.

30 Розалии, Якима

31 15 Н. С.Д. Раймунда

1 (Сент.) Св. Егид.

2 Юста

3 Брониславы

4 Розалии д.

5 Лаврентия

6 Онесифора

7 16 Н. С. Д. Бл. Моль.

8 Рожд. Пр. Д. М.

9 Петра Кл.

10 Николая

11 Прота

12 Им. Б. Мар.

13 Филиппа

Telephone: 300-301

ANSONIA LUMBER CO.

LUMBER & MASON SUPPLIES

also

Du Pont Paints & Varnish
Always Best Quality

CANAL STREET, ANSONIA, CONN.

Сентябрь - 1941 - September

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н	14 по С.С.Д. † Н. Г. Церк.	14	17 Н. С.Д. Возд. Ч.К.
2 П	Мч. Маманта-Иоан	15	Св. Катерины
3 В	Антима и Василия, мч.	16	Корнилия
4 С	Мойсея и Ермонии	17	Ламберта
5 Ч	Захария и Елисаветы прп.	18	Иосифа, Фомы.
6 П	Чудо Арх. Михаила	19	Ианурия
7 С	Розонта мч. Онисифора	20	Евстахия
8 Н	Рожд. Пресв. Богород.	21	18 Н. С.Д., Мафтея
9 П	Иаким. и Анны	22	Св. Оомы из В.
10 В	Климента Ап.	23	Текли д.
11 С	Ееодоры преп.	24	Герарда
12 Ч	Автонома мч.	25	Владислава
13 П	Обнов. Храма Воскр.	26	Киприяна
14 С	Воздвиж. Честн. Креста	27	Космы и Дамияна
15 Н	16 по С.С.Д., Никт. Фил.	28	19 Н. С.Д. Вячс. кор.
16 П	Евфимии и Людв.	29	Св. Михаила Арх.
17 В	Софии, Вiры и Надежды	30	Гiеронима
18 С	Евмения пр.	1	(Окт.) Ремигия
19 Ч	Трофима и Саввы	2	Ангел Стор.
20 П	Евтафия вмч. Мих. кн.	3	Тересы
21 С	Кондрата, Димтр. Апп.	4	Франца Ас.
22 Н	17 по С.С.Д., Фокии свмц.	5	20 Н. С.Д., Плакида
23 П	Зач. Иоан. Предт.	6	Св. Брунона
24 В	Теклы св. прмч.	7	Н. М. П. Рожан.
25 С	Евфросинии	8	Бригиды
26 Ч	† Св. Иоанна Богослова	9	Людвика, Викентия
27 П	Калистрата мч. Марка ап.	10	Франциска
28 С	† Харитона прп.	11	Емилиана
29 Н	18 по С.С.Д., Кир., Теоф.	12	21 Н. С.Д., Максимл.
30 П	Мч. Григория, Мих.	13	Св. Едвар. к.

Phone: LAf. 9668

ABICK'S CAFE

BEER — WINE — LIQUORS

Light Lunches

Коли хотите смачно закусити, а при
том и выпити, то заходте до крайнкы.
Гості из других плейзов радо витаны в

КАТЕРИНЫ АБИК

3500 GILBERT AVE., DETROIT, MICH.

Октябрь - 1941 - Oktober

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В	† Покров Пр. Богород.	14	Каликста папы
2 С	Киприяна Юстины Мч.	15	Тересы
3 Ч	Дионисия свмч.	16	Ядвигы
4 П	Горофея мч.	17	Мацгожаты
5 С	Петра, Алексия, Ионы св.	18	Луки
6 Н	19 по ССД. † Θомы апп.	19	22 Н. С.Д., Петра
7 П	Сергия и Вакха мч.	20	Св. Иоанн. Кант.
8 В	Пелагии прп.	21	Урсулы
9 С	Ап. Якова	22	Кордулы
10 Ч	Евлампия мч.	23	Серванта
11 П	Филиппа ап. Теофана	24	Рафаила
12 С	Прова Андрасина Ап.	25	Хризанта
13 Н	20 по ССД., Карпа, Никит.	26	23 Н. С.Д., ХР-Краля
14 П	Мч. Назария	27	Св. Фльорияна
15 В	Прп. Параскевы	28	Симеона и Θадея
16 С	Лонгина Сотн.	29	Наркиза
17 Ч	Мч. Андрея Крит.	30	Альфонса
18 П	Луки ап. Юлияна пр.	31	Квинтина
19 С	Юлия Иоанна пр.	1 (Нов.)	Всїх Святых
20 Н	21 по ССД. Артемия вмч.	2	24 Н. С.Д., Св. Марк.
21 П	Илариона В. Прп.	3	День Задушный
22 В	Каз. Ик. Пр. Богор.	4	Кароля Бором.
23 С	Якова ап.	5	Захарии и Елизав.
24 Ч	Ареты мч. Афтанасия св.	6	Леонарда
25 П	Маркиана мч.	7	Геркулана
26 С	† Димитрия вмч.	8	Северина
27 Н	22 по ССД., Нестора Лїт.	9	25 Н. С.Д., Θεодора
28 П	Параскевы вмч.	10	Св. Андр. из А.
29 В	Анастасия прп.	11	Мартина еп.
30 С	Зиновия, Зиновии мч.	12	Мартина Папы.
31 Ч	Стахия ап. прч.	13	Станислава

WEST SIDE TAILORS

Cleaning, Pressing, Dyeing & Repairing

FURS REMODELED

Коли мате даяку кравецку роботу, заходте до краяна, а он Вам зробит добре и порахуе не дорого.

ПЕТР СЕМЕНЧУК

6531 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.

Bet. Clippert & Clcotte

Ноябр - 1941 - November

ЗАПИСКИ

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 П	Космы и Дамиана Безср.	14	Йосафата
2 С	Акиндина преп.	15	Леопольда
3 Н	Н. 23 по ССД., Св. Йос. Ак	16	26 Н. С. Д. Отмара
4 П	Иоаникия В. прп.	17	Св. Григория
5 В	Галактиона и Григория	18	Романа м.
6 С	Павла св. и Лукы пр.	19	Елисаветы
7 Ч	Мч. Иерона и 33 муч.	20	Феликса
8 П	Собор Арх. Михаила	21	Введ. в Х. ПБ.
9 С	Онисифора и Порфирия	22	Сесилии
10 Н	24 по ССД., Ераста, Род.	23	27 Н. С. Д., Клим. п.
11 П	Мины, Викт. мч.	24	Св. Йоанна от. кр.
12 В	Йоанна милостивого	25	Екатерины д. и м.
13 С	Йоанна злат.	26	Конрада
14 Ч	Филиппа ап.	27	Валерияна
15 П	Гурия мч.	28	Здиславы
16 С	† Мафея апостола	29	Сатурнина
17 Н	25 по ССД., Грг. еп. чуд.	30	Н. Адвента, Андр. ап
18 П	Платона и Романа мч.	1	(Дек.) Св. Елигия
19 В	Авдия, Варлаама пр.	2	Бибияны д.
20 С	Григория пророка	3	Францушка
21 Ч	Вход в Прам Пр. Богор.	4	Варвары
22 П	Филиппа, Михаила св.	5	Саввы еп.
23 С	Александра Невск.	6	Николая
24 Н	26 по ССД., Ектр., Август.	7	2 Н. Адв. Амрос. еп.
25 П	Клемен. и Петра смч.	8	Неп. Зач. ПДМ.
26 В	Алипия стол. прп.	9	Леокадии д.
27 С	Муч. Якова персиан.	10	БМ Лорет.
28 Ч	Стефана, Василия мч.	11	Дамасия м.
29 П	Парамона мч. Нект. пр.	12	Александра
30 С	† Андрея ап. перевозчан.	13	Луции и Отилии

Phone: 404

LEHIGH VALLEY BAKING CO.

ABRAHAM BLAZEWSICH, Prop.

Найліпшы Печива:

Хліб, Булky, Кейкы

LEHIGHTON, PA.

Декабр - 1941 - December

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н	27 по ССД., Наума, Филр.	14	3 Н. Адв. Спирид еп
2 П	Аввак. пр. Иоана	15	Св. Кристины
3 В	Софиини Софронии пр.	16	Альбина, Аделаиды
4 С	Свщ. муч. Варвары	17	Лазария еп.
5 Ч	Сазвы Преп.	18	Грацияна
6 П	Николая Чудотворца	19	Немесия еп.
7 С	Амвросия еп. Мед.	20	Ееофила
8 Н	28 по ССД., Попатия прп.	21	4 Н. Адв. Еомы ап.
9 П	† Зач. Пр. Богородицы	22	Св. Зезона м.
10 В	Мины и Еромогена мч.	23	Виктории д.
11 С	Даниила, Лукы, преп.	24	Адама и Евы
12 Ч	Спиридона, Александра	25	Рожд. Христово
13 П	† Евстратия и Авксен.	26	Стефана Првмч.
14 С	Фирси Фрилимонда мч.	27	Иоанна Ев.
15 Н	Праотцев, Павла, Елевт.	28	1 Н. по Р.Х. 14 тыс д.
16 П	Аггея прор.	29	Св. Еомы
17 В	Даниила пр. Анании св.	30	Савина
18 С	Севастияна муч.	31	Сильвестра
19 Ч	Бонифатия мч. Илии пр.	1	(Янв.) Н. Год. 1942.
20 П	Игнатия Богон. мч.	2	Макария
21 С	Юлиании, мч. Петра мтр.	3	Геновефы
22 Н	Св. Отец., Анастасии вмч	4	2 Н. по Р.Х. Тита, Ев
23 П	10 мч. в Криті	5	Св. Емилия
24 В	Навеч Рожд. Евгении	6	Трех Королей
25 С	Рождество Христово	7	Лукияна
26 Ч	Собор Пр. Богородицы	8	Северина
27 П	Прмч. Стефана	9	Маркияна
28 С	Мчц. из Никодим	10	Вильгельма
29 Н	Нед. по Рожд. Макар. мч.	11	3 Н. по Р.Х. Альойс.
30 П	Муч. Анисии, Теодоры	12	Св. Родины
31 В	Мелании прп.	13	Леонтия еп.

Tel. NEpperhan 3468

**ПЕРВОКЛАСНА
ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕССЕН**

АННЫ СМЕРЕК

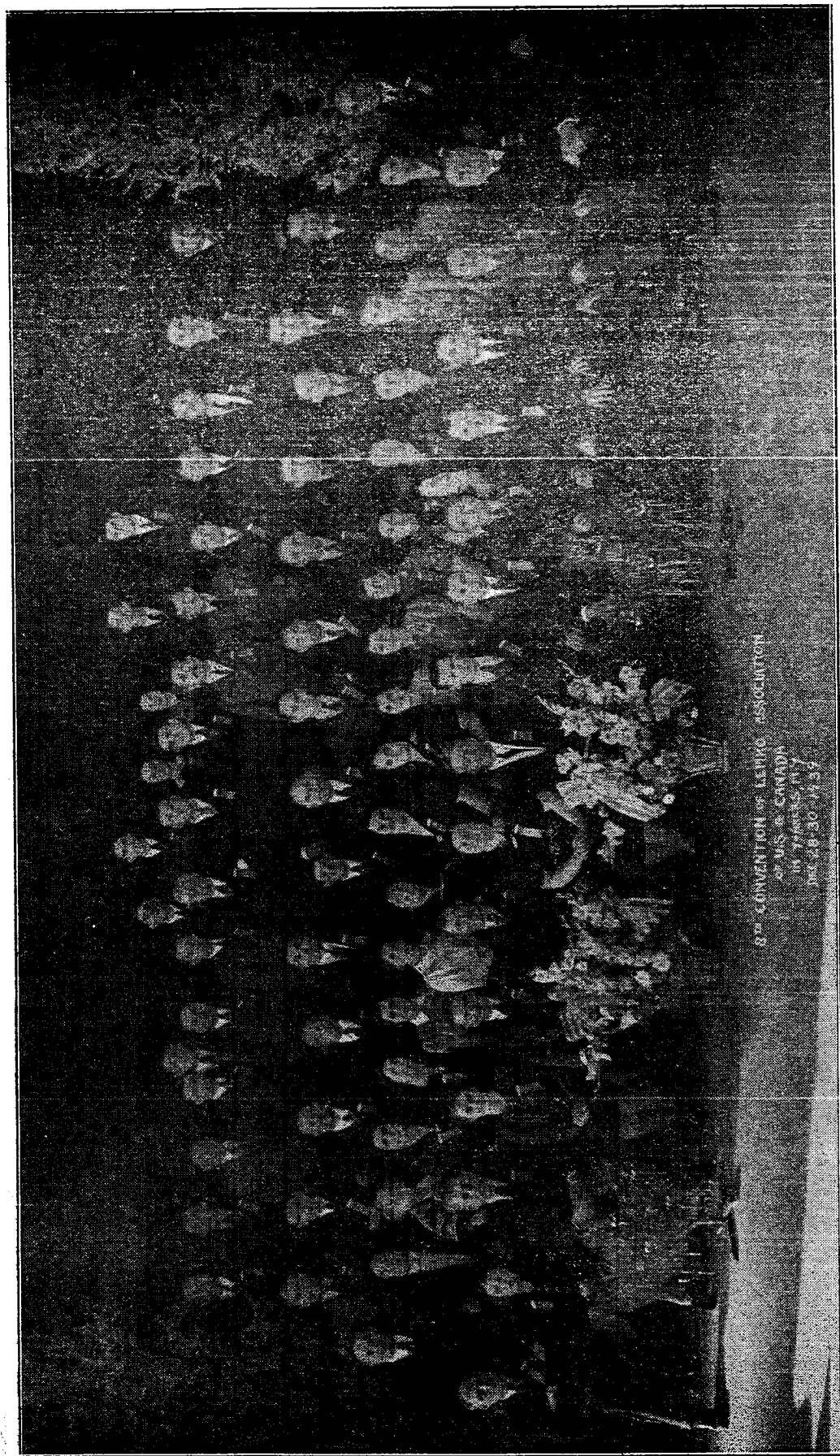
Завсе свіжый товар мае,
И всім честно наміряе.

Краяне! Свой до своего!

BOTTLED BEER, CIGARETTES, Etc.

GROCERIES & DELICATESSEN

886 NEPPERHAN AVE., YONKERS, N. Y.

ДЕЛЕГАТЫ 8-ГО С'ІЗДА ЛЕМКО-СОЮЗА 28—30 ДЕНАБРЯ, 1939 РОКУ, В НАРПАТОРУССКОМ АМЕРИ-
НАНСКОМ ЦЕНТРІ, В ЮНКЕРС, Н. Й., США.

Карпаторусска Емиграция и Карпатска Русь

Чи потребна нам народна організація?

Понад п'ятдесят літ тому почалася масова еміграція нашого народу из Карпат и до першої світової війни половина нашого народу нашлася ту, в Америці. Невеличка Карпатска Русь, то єдиний край старого світа, котрий вислал половину свого населення на еміграцію, што єст найліпшим доказом найтяжшого політичного и економічного положення нашого Родного Краю в старом світі. Лем єден такий край в Європі, котрий вислал на еміграцію половину свого населення — наш старий край.

Нашим першим церковним и запомоговым організаціям в Америці минуло п'ятдесят літ. Спочатку, при основі тых перших церковних и братських організацій мы не ділилися на “угорщанов” и “галициянов”, мы чувствовали себе тым самым народом из Карпат. Но позднійше почали к нам приходити пропагандисти из старого краю и они почали проповідувати нам, што мы не єдно, што “угорщане” другы люде, а “галицияне” другы люде, што каждым из них треба мати свои церковны організації, свои церкви, свои братства. Пришли в Америку агенти мадярських панов, то проповідували, што угорським руснакам треба держатися особно от галицких. Пришли галицко-українськи націоналісти, римськи и німецьки агенти, то проповідували, што нам треба основувати свои українськи націоналістичны організації и церкви для боротьбы з руссофільством и православиєм. Потом пришли и православны батюшки и ширили свою православну и царєфільську пропаганду. Вся тота пропаганда ширилася по церквам, нами побудованим. Церквей мы почали будувати столько, на сколько религийных групп нас поділили. В наших больших карпаторусских колониях мусіло быти што найменше штыри церкви для того самого народа с Карпат. Найперше мусіла быти “угорска греко-като-

лическа церков”, т. є. така, до якої мы належали в краю под режимом мадярських панов. Потом галицкы будували свою “греко-католицку” церков, котру прибившы из Восточной Галичины называли “українськом”. Коли пришол православный рух, то мусіла быти знов “угорска” православна и “галицка” православна. По поділі на церках ділилися и запомоговы братства попри церквах, котры федерувалися потом в запомоговы організації.

За сорок літ нашої еміграції мы набували множество церковей и запомоговых організацій, не для даякого об'єдинення нашої карпаторусской імміграції, а для ей поділу. Но на єдно народне руководство, на даяку культурно-просвітительну організацію, котра бы поставила за свою ціль просвіщення и об'єдинення нашого народа на еміграції, мы за первых 40 літ не здобылися.

Нам казали, што нам не треба такой особной організації, бо мы не ниякий особный народ. Єдны казали, што наше руководство в Римі, другы, што в Пешті, треті в Петербургу, четверты в Відню, а для самых нас непотребно своей народной організації, бо то был бы “сепаратизм”.

Та ище недавно, коли мы издали свою народну газету “Лемко” на народном языке и основали народну організацію Лемко-Союз, всі тоты стары патріоты закричали о “сепаратизмі”. Єдны кричали, што мы всі “руськы”, и мы не смієме иначе писати, лем “на русском литературном языке”, а другы кричали, што мы “українці”, и не смієме иначе писати, лем “на литературном украинском языке...”

А тым часом мы виділи, што наш народ, хотя запомоговы організації за примусову плату членов издают для него много газет, не читат тых газет, бо они пишутся не на його народном языке.

Выпущена 12 літ тому назад газета "Лемко", то перва газета на емиграции, котру наші люде из Карпат почали читати и почали учитися из ней читати другу газету. То была перша газета, котру наш народ, с цілою Карпатской Руси, так з галицкой Лемковщины, як с Пряшевщины, як и с Подкарпатской Руси принял за свою, бо люде почали за тоту газету присылати предплату сами, без запомогового примусу. А то ест такой доказ, што нам такой газеты было треба, што ничым, нияким аргументом збити того доказу немож.

Дальше поширение и рост нашей организации и издательства, доказали, што нам они были потребны, што без них наша карпаторусска емиграция вымерла бы без ниякого культурного сліду по собі, без ниякой культурной помочи свому Родному Краю.

Но многим из нас все ище не было ясно до недавного часу, чом мы уперамеся так при своей организации, чом нам не объединитися з русскими або украинскими организациями. Кто уважат себе русским, най иде до русской организации, а кто украинцом, най иде до украинской. Чом нам отділятися? Мы говорили, што нам треба своей карпаторусской народной организации не лем для дальшой культурно-просвітительной работы меж карпаторусскими народными массами ту, але и для культурно-политичной помочи Карпатской Руси. Розуміючи географичне положение нашего Родного Краю и його национальный характер, мы знали, што он становит свою географичну единицу и свою национальну группу, завдякы своему географичному и политичному положению.

Найліпший доказ тому маме ту на емиграции в том, што до нашей карпаторусской массы не мают доступу ни руководители галицко-украинских, ни русских организаций, ни в едних ни в других ніт карпаторусских членов, у карпаторуссов свои особы церковны и запомоговы организации и потому доступ до карпаторусской народной массы може мати лем карпаторусска культурно-просвітительна организация и карпаторусска газета. И тепер то стало ясным: У русских из России и у галицко-украинских эмигрантов были давнійше культурно-просвітительны организации и газеты, но они не нашли доступу до нашей эмиграции, не мог-

ли робити меж нами народну роботу, коли наша организация и газета за короткий час зробила огромну культурно-просвітительну работу.

Тых приміров старчит для развитых политично людей, што потребна была нам своя карпаторусска культурно просвітительна организация и газета.

Но тепер ясно уже и для мало развитых политично людей, бо до Совітского Союза была присоединена недавно Западна Украина, яко географична единица, а вся тотя территория, котру представляют наша организация, т. е. Карпатска Русь, была оставлена поза границы Совітского Союза, ни една часть из той территории в Галичині, за Саном, не была присоединена. Ци не ясно, што тотя лемковска территория за Саном творит разом с Пряшевском и Подкарпатском Русьом едну географичну единицу, котра мае быти объединена с Совітским Союзом яко така единица?

Мы наперед знали, што галицка часть Лемковщины не належит географично до Восточной Галичины, а до Карпатской Руси через Пряшевску Русь, и потому мы творили карпаторусску народну организацию по политичной и географичной причині, по географичном положению нашего Родного Краю и його национальных и языковых особливостях.

Тепер уж всім нам ясно, што коли бы мы не мали такой народной карпаторусской организации, не было бы кому представляти наш Родный Край, не было бы кому говорити в його имени. В имени нашего края не могут говорити галицко-украинскы ни русскы организации на емиграции, для того уполномочена лем организация эмигрантов из той территории, то ест Лемко-Союз и Карпаторусский Народный Комитет.

Дві головны задачи нашей организации

Пред нашим организациом стоят дві головны задачи: 1. объединение и культурне поднесение нашего народа на емиграции и, 2. культурна и политична помоч нашим родным в Карпатской Руси в их борьбі за свое освобождение.

Насколько мы выполнили свои задачи? Ци мы объединили и поднесли культурно нашу эмиграцию? Ци мы дали даяку культурно-политичну помоч нашим родным в

борьбі за освобождение?

Што тычится первой нашей задачи, объединения и культурного поднесения нашего народа на эмиграции, то мы за минувших десят літ зробили огромну роботу. Найперше што до объединения, то мы створили вколо нашей организации и газеты ядро нашей карпаторусской эмиграции, собрали найліпших наших работников без взгляду на религиозный и старокрайовый политичный поділ нашего народа. В нашей организации стоят и нашу газету читают эмигранты из всіх частей Карпатской Руси, почавше от Попрада и Дунайца по Сан и Тису. Дальше в том самом календарі його читатели найдут образки “Зо старого житя”, написаны эмигрантами из всіх частей Карпатской Руси—от Спиша аж по Мармарош, от православных и греко-католиков, “угорщанов” и “галициянов”. Ци то не доказ, што ліпшы, сознательнішы эмигранты из всіх частей Карпатской Руси группируются вколо нашей организации? Где, в какой ище другой, церковной або запомоговой организации, в какой запомоговой газеті або запомоговых календарях (бо лем такы сут), в какой церкви мож найти карпаторусских эмигрантов из всіх частей Карпатской Руси? Лем в наших народных организациях — Карпаторусском Народном Комитеті, в Лемко-Союзі, в Карпаторусском Американском Центрі, в нашей газеті и других изданиях нашей организации.

Дакто може сказати, што мы ище барз мало наших людей объединили што вколо церквей и запомоговых организаций ест больше нашего народа. Но у нас ядро нашего народа на эмиграции. Грекокатолицке Соединение мае все ище около 70 тысяч членов, то правда. Часто урядники в своей газеті хвалятся, што “Соединение найбільша карпаторусска организация на світі” Но котра организация сильніша культурно? Яка газета сильніша культурно, ци орган Соединения, ци наша “Карпатска Русь”?

Соединение печатат своей газеті парудесят тысяч за примусову предплату. Но если бы попробовали издавати таку газету за добровольну предплату, то для их газеты не нашли бы ани пятьдесят добровольных предплатников. Нияка карпаторусска церковь, нияка запомогова организация при добро-

вольной предплаті не найде больше от сто предплатников на свой орган. Так звана карпаторусска восточна церковь, епархия, издае (може уж перестала издавати) газету Вістник. Недавно на соборі нарікали, што нияка предплата за газету не приходит. И мы знаме, што не може приходит, бо тота церковна организация не мае ниякой культурной силы, ниякого культурного впливу на десятки тысяч своих членов. И нияка друга церковна або запомогова организация, не лем карпаторусска, но и украинска, не мае культурной силы, бо такы организации не опираются на просвіту, лем на темноту.

Итак, на нашей эмиграции мы мае лем одну народну организацию и газету, котры мають культурну силу, а то ест Лемко-Союз и газета “Карпатска Русь”. Лем тота една газета може издаватися на добровольны народны средства и организация може провадити роботу без посмертных обіцанок.

Без объединения вколо той организации и газеты найліпших наших людей, ядра карпаторусского народа на эмиграции и научения розуміти их значение народной организации и ей культурной работы, мы такой работы провадити бы не могли. Так, мы не объединили всю карпаторусску народну массу вколо нашей организации, може лем еден процент читат нашу газету и литературу, но тот еден процент стал культурным руководителем массы, выразителем ей стремлений и желаний.

Мы знаме, приміром, што руководителі церковных и запомоговых организаций ненавидят Совітский Союз. Што едны з них хотіли бы видіти нашу Карпатску Русь в дальшой неволі мадьярских панов, другы в гитлеровской неволі. Но они того членам церкви або запомоговой организации сказати не можут. Они мушены скрыватися пред своими членами с посылком телеграм мадьярским панам. Они мушены скрывати пред своими власными вірниками свои желания.

А сколько то раз трафилося, што церковный председатель на даяком собрании, банкеті выразил публично желание в имени членов церкви, абы наш народ в краю был объединенный зо своими восточными братами, штобы Карпатска Русь была объединена с Совітским Союзом. И всьо собрание, всі члены церкви приняли таке заявление цер-

ковного старосты с воодушевлением, всі хотят для Карпатской Руси того самого, чого хочеме мы, а не того, чого хоче их пан превелебный. И то члены всіх карпаторусских церквей и всіх карпаторусских заповоговых организаций по отношению до своего Родного Краю того самого хотят, чого хоче наша организация. То значит, што мы выражаеме стремления и желания не лем членов нашей народной организации, але цілою карпаторусской народной массы на эмиграции по отношению до нашего родного Краю. В том объединена вся наша карпаторусска трудовая эмиграция, а Карпаторусский Народный Комитет руководитель того объединения, выразитель його стремлений по отношению к Карпатской Руси.

Ци мы помогли Родному Краю?

Уж самым своим существование на эмиграции наша организация помогла политично и культурно Карпатской Руси.

Наш Родный Край был разорванный политично, поділений политичными границами. В краю мы даже не могли публично говорить, не могли писати о объединении нашего краю и народа. Даже за чешских часов, в чехословацкой республике не мож было говорить и писати о объединении нашего народа и краю. Така мысль была выражена за чешских часов в календарі “Лемко” и в “Карпаторусском народном букварі”, и за тоту мысль обі тоты книжки были конфискованы чехословацкими властями. Розуміеся, што тым меньше мож было говорить або писати о том в панской Польше, або тепер в панской Мадьярии. В интересі наших угнетателей было, абы мы як найменьше о собі знали, абы мы нич не знали о собі. Лем ту на эмиграции мы могли говорить и писати свободно о объединении и освобождению Карпатской Руси, могли мы основати правдиво народну культурно-просвітительну организацию, писати на своем родном языке, издавати свободну независиму газету. Уж тым самым, што мы досягли того сами о своих силах, мы доказали, што наш народ в краю способный до науки, культуры и прогресса, и тым мы доказали його право на свободу.

Спочатку наша газета шла в Польшу и Чехословакию. Коли была застановлена в

Польшу, переходила из Чехословакии. В 1937-ом року была застановлена и в Чехословакию наша газета и литература, но она зробила свою роботу. Наши братья дозналися много о нашей работе на эмиграции и почали ориентуватися на нашу программу объединения и освобождения Карпатской Руси. Посіяне зерно просвіты принесло плод. Уж сегодня ліпшы наши люде в краю знают, што им треба працювати над объединением и освобождением своего Родного Краю по нашей программе. В Пряшевской Руси розуміют, што лемкы по галицкой стороні, то их кровны братья, и што ніт для едних свободы, если други в неволі. В Подкарпатской Руси знают о том, што не лем они сами в неволі, але и их братья под гитлеровском оккупациом, ци то в Пряшевской Руси под опіком словацких клебанов, ци галицко-украинских панков, на службі у Гитлера, по галицкой стороні.

Тоты наши люде уж не дадут себе отстрашити нияком пропагандом против Сов. Союза. Они стали в руководстві народной массы в ей стремлению к освобождению и объединению с Советским Союзом. Того стремления, той стихийной тягы к своим родным братьям, к своей державі, уж никто убити не може.

Частичне переселение в СССР

Коли по галицкой стороні Лемковщины было объявлено, што кто хоче, може переселитися на землі Советского Союза, половина населения выразила охоту для переселения. Не так оно легко опускати свое гадздовство, свою землю, свою хижу. Мы знаме, як нам тяжело было опускати свой край, хоц никто з нас не іхал с тым, што уж николи не верне на свое родне обыстя. В родной хижі оставалися наши родиче, братья, сестры. При переселении на новы землі наши родны знали, бо им сказали, што лишают свое село, свое поле, свои хижы навсе. А они лишали и шли в таку державу, о которой слышали лем проклятия в церквах, школах, в урядах. Та и тепер, хотя уж не дают свободного выбору, из Подкарпатской Руси, с Пряшевщины, з галицкой Лемковщины біжит наш народ на восток, ку границам Советского Союза, ку своим.

Часто звідуеме едны других, ци Карпатска

Русь буде присоединена к Советскому Союзу? Розумієся, што буде присоединена, бо того желеа собі наш народ в краю и на емиграции. Такой силы больше нїт, абы могла перешкодити освобождению и объединению кровных братьов в краю, коли Красна Армия стоит на границі Карпатской Руси в Карпатах, коли народ того хоче. А мы знаме, што народ хоче того, ничего не желеа собі сегодня так горячо, як свободы и объединения зо своими восточными братьями.

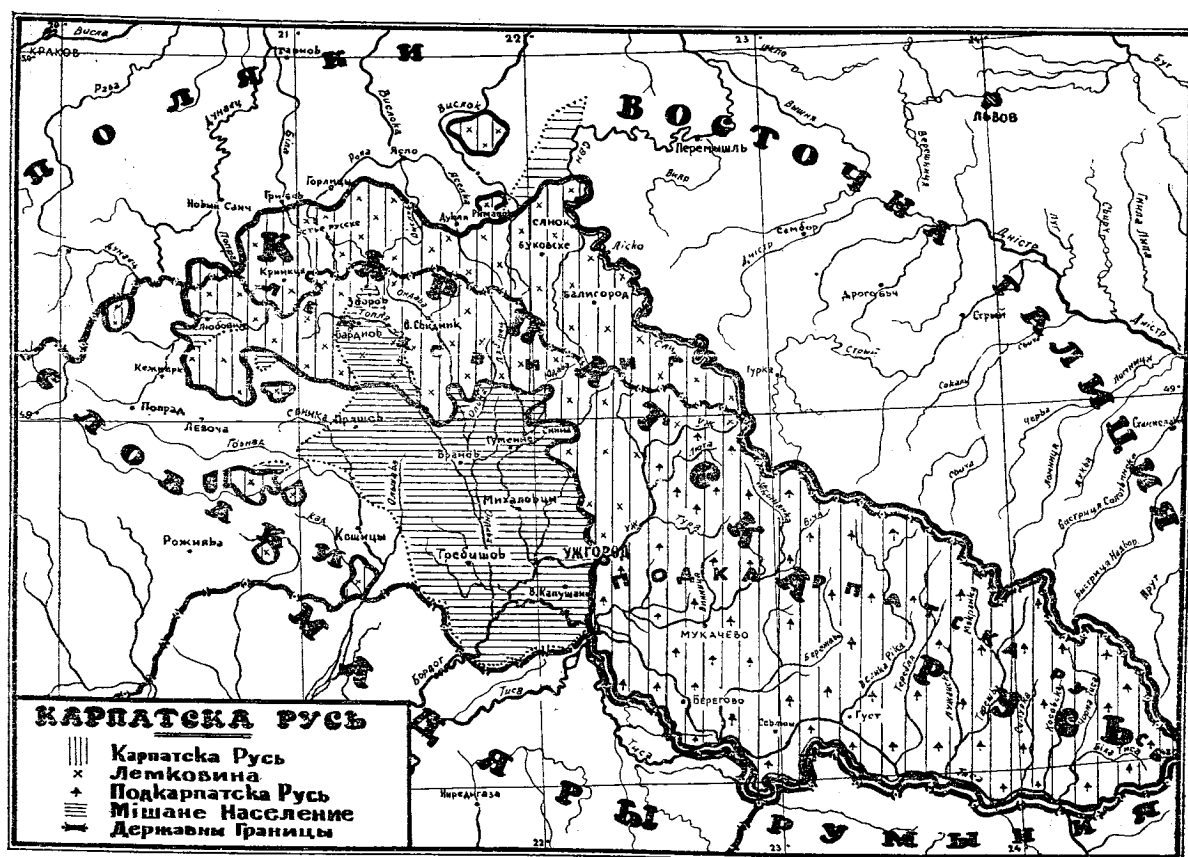
Ширме свою народну газету

Сегодня мы уж видиме, што нашу народну организацию, народне житя завдячае своей народной газеті. Без науки, яку нам дала и дае наша народна газета, мы не были бы способны до народного житя. И наша организация не истнувала бы, ни Лемко-Союз, ни Карпаторусский Народный Комитет, ни Карпаторусский Американский Центр. Мы были бы страченым народом в том бурном світі, так, як корабль на бурном морі без руля. И каждый з нас може тепер отвдячити-

ся своей газеті, а тым самым причинитися до укріплення самой организации через придбание новых читателей. Най то буде тепер головном задачом нашом — поширити “Карпатску Русь” дальше в массі карпаторусской эмиграции.

Тепер каждый дотеперішний читатель нашей газеты може быти гордый на то, што он причинилися до той работы, яку она зробила для нашей эмиграции и Родного Краю. Но того ише мало, треба и потрудитися, штобы други, ваши знакомы, сусіде, родны — так розуміли народне діло, як розуміете вы. Тогды вам буде приемнійше зыйтися и говорити з ними, бо вы будете розумітися.

Распространение печатного слова, газеты и литературы народной культурно-просвітительной организации мае огромне значение для культурного розвития народа. Через газету учатся тысячи работников, стают едной мысли з другими своими братьями. Так будеся народна сила, котра народу так потребна в тых переломовых часах.

В ДРУГОМ РОКУ ИМПЕРИА- ЛИСТИЧНОЙ ВОЙНЫ

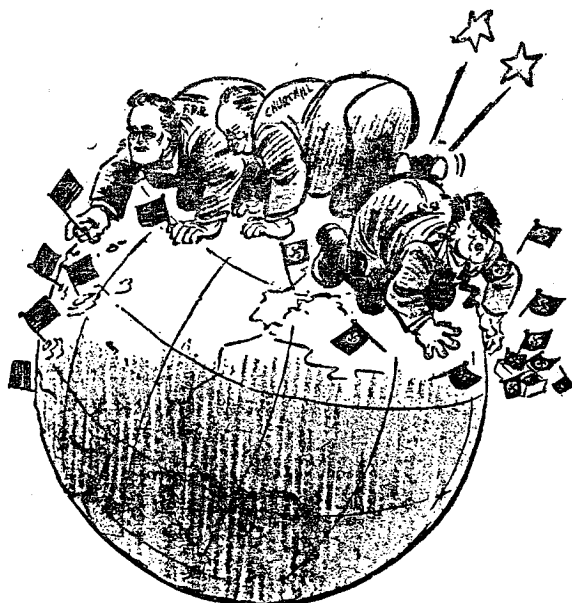
Світ знаходиться в другому року імперіалістичної війни. Всі предкази і обрахунки, що війна покончиться в короткому часі, зійшли наніч. Війна поширюється далі по світу і стає затяжним. Кінець війни, замість приближатися, — віддаляється. Так нам здається. Минулого року після розгрому Польщі предказували скорий кінець війни, а після розгрому Франції кінець війни уже бачили. Тепер, коли ми це пишемо, його зовсім не видно.

Але замість цього скоро, несподівано, міжнародне положення, бо воно залежить від зміни політичного положення в поодиноких воюючих державах. До половини цього року т. з. демократична Франція, одна з найбільших держав світа, воювала в тісному союзі з Великою Британією проти Німеччини. Оказалося, що французькій пануючій класі була вигідніша поразка Франції, бо така поразка давала їй в руки диктаторську владу над французьким народом і допомогла гитлерівській військовій машині проти нього. Тому французька пануюча класна допомога Гітлеру в розгромі своєї отчизни. Того ніхто передбачити не міг, що передові державні люди можуть пасти морально аж так низько, аби тільки врятувати свої привілеї і маєтки.

Це є доказ, що в кожній з воюючих держав ведеться внутрішня, домашня боротьба між пануючим класом і робітничим народом, між пануючим націєм і поневоленими народами. І ця боротьба всередині кожної воюючої держави загострюється.

Гітлерівська Німеччина за минулий рік отримала "великі перемоги", захопила багато країв і народів в Європі, знищила цілий ряд незалежних держав. Але тим гітлерівська Німеччина не стала сильнішою, а слабшою. Коли Німеччина вступала в війну, вона була об'єднана внутрішньо за допомогою гітлерівської пропаганди проти Версальського миру, за справедливість для німецького народу. Але коли німецькі війська

розлялися по західній і центральній Європі, по інших краях, поневолили інших народів, вони взяли в свою державу десятки мільйонів ненавидящих неволю людей, європейських, не колоніальних народів. Ці народи борються за свою свободу всіма засобами, якими тільки мають в своїй розпорядимості, і ослаблюють німецьку внутрішню силу, єдність, роз'їдають її. Своїми захоп-

Herblock in The Milwaukee Journal

тами інших народів і їх земель гітлерівська Німеччина не зміцніла, а ослабла внутрішньо і на фронті. Її військова сила розлялася серед ворожих їй народів, котрі її роз'їдають.

І як легко було Гітлеру відносити перемоги за допомогою зради пануючих класів тих народів, так йому тепер важко приходити контролювати самі народи.

Ведеться внутрішня боротьба в величезній Британській імперії. Ведеться внутрішня боротьба не тільки між пануючим і трудящимся класом, але і всередині самої пануючої класи, між капітулянтами і сторонниками ведення війни до перемоги над противником. Іде боротьба в Британській імперії і між паную-

чом нациом и колонияльними народами. Трудно требовати англичанам лояльности от 350 миллионов индусов, народа, позбавленого всяких людских прав на своей родной землі английским империализмом. В Индии иде завзята борьба за освобождение индусского народа от англо-саксонского владычества.

И чым дальше затянутся война, тым больше розгорятся тота внутренна борьба в воюющих державах. Покаль она ведется тихо, подпольно, но каждую хвилю, с дальшым ослаблением воюющих держав, подпольна борьба може розгоритися в открыту гражданску войну.

За што ведется война?

За што ведут войну Германия, Италия и Япония против Британской империи? Тоты державы ведут войну меж собом за новый переділ світа, за світовы богатства и рынки для своих промышленных товаров. Така война называется — империалистична война.

За што веде войну Китай против Японии? Китай, китайский народ ничего от Японии не хоче. Китай хотіл и хоче жити в мирі з Японием. Но японскы империалисты хотят контролювати Китай и земны богатства китайского народа и потому напали на Китай. На том примірі японо-китайской войны найліпше мож розуміти, што то ест империалистична, несправедлива война, а што ест война народна, оборонительна, справедлива. Япония веде в Китаю агрессивну, империалистичну захватничу войну, за контролю земель и земных богатств Китая, коли Китай

веде справедливу, оборонительну войну, войну за свою независимость, в обороні своей державы.

Война меж великими світовыми державами — меж Германием, Италием и Японием з одной стороны, а меж Великом Британием и Францием з другой — империалистична война, потому што она ведется за новый переділ світа, земны богатства, копальні, колонии и рынки збыта промышленных вырбов тых держав. Англия и Франция, т. е. англо-французский капитал посідал и контролювал огромны світовы богатства и рынки, тогда як германо-итало-японский капитал оставался при дуже скудных материалах для своей промышленности и при скудных рынках для ей вырбов. Дост вспомнати, што тоты три державы, заключившы меж собом агрессивный военный союз, остались без своей нефти, найвіжнйшого сегодня промышленного и военного материала. Отже, они связались военным союзом для империалистичной войны, абы вспольными силами вырвати земны богатства и рынки маючым державам, Англии и Франции.

Як знаме, Франция была розгромлена в первом року империалистичной войны, а з ньом разом малы европейскы державы, хотя великы колониально, Голландия и Бельгия. Но доступ во французскы, голландскы и бельгийскы колониальны богатства германо-итало-японским империалистам закрытый сильным бритийским морским флотом и поставом сильного американского флота.

Кто виноватый?

И як долго не буде розбитый або англійський флот, або не будут захвачены Бритийскы островы, то ест сама Англия, мозг Британской империи, так долго германо-итало-японский блок не може говорити о побіді.

Затяжна война

Послі капитуляції Франції, завдяки зрады французской пануючої кляссы, здавалося, што скоро наступит така сама капитуляція Англії. И Гитлер был в том свято переконаний. Тото своє переконання он основувал на такой самой зрадї части англійской пануючої кляссы и на силі свого воздушного флота. Завело єдно и друге. Англійскы лорды оказались выше морально стоячы от французской буржуазии. Зрадников, капитулянтов усунули. Завели Гитлера и його воздушны атаки на Англію. Воздушны атаки не стерроризували англійского народа. С часом англійский воздушный флот, при помочы американской авиационной промышленности так вскрип, што он почал наносити сильны удары по промышленным центрах самой Германии. Руководство военными дїями Англії нашлося в руках найзавзятішого и самого гордого представителя англійской пануючої кляссы, Черчилла, и як долго тото руководство буде находится в його руках, о капитуляції Англії не може быти бес ды.

Німецкий рисунок дня можеме сказати, што против себе стоят два блоки — германо-итало-японский блок. против англо-американского блока.

Сила противников

Спочатком войны Германия показала велику милитарну силу, найлучше организо-

вану и механизовану военну машину. Но тота военна машина была будувана для короткой блискавичной войны, а не для затяжной войны. Руководители гитлеровской Германии были увірены, што до єдного року война буде покончена. Старанно была подготовлена

зрада, пята колонна во всіх противогерманских европейских державах. Германская военна машина занимала край за крайом, обошла французску оборонну линию Мажино и розгромила Францию. Но Англия, под руководством Черчилла, оперлася германской военной машині, передержала кризис, так што война всту-

Английский рисунок пила в другой рок, то ест в период затяжной войны, дуже невыгодной для германо-итало-японского блока. В затяжной войні, в войні на вычерпание, головну ролю грают ресурсы, военны материалы и индустриальна сила. Англо-саксонский блок далеко богатший в военны ресурсы и во всякы промышленны и земледельскы материалы от германо-итало-японского блока, и сильніший индустриально.

Германская военна машина была будувана из англійских и американских военных материалов, бо была обрахована на войну против Советского Союза. Тоже Муссолини будувал свою военну машину из заграничных материалов. Што тычится японской военной машины, то мы всі знаме, што она не истнувала бы без американских желіза и нафты. Без американских военных материалов Япония не была бы способна вести трирочну войну в Китаю.

И если бы тота война опералася лем на военной силі, то ест, если бы она не крыла в собі революционных элементов, о котрых мы вспоминали на початку, то по материальной силі затяжну империалистичну войну должен "выиграти" англо-саксонский блок.

Но діло в том, што "побіда" над германо-итало-японским блоком не ест побіда в старом смысле побіды над противником. Побіда

в старом смысле означала для победителя новы богатства от победленного, яко отшкодование, покрытие коштов войны. Такого отшкодования для покрытия коштов войны немож взяти от германо-итало-японского блока, бо ніт што з них взяти, они ничего не мают, кромі того, што захватили в той войні. А они и притом, што захватили уже, при старой капиталистичной экономии истнувати не можут. Они не можут истнувати экономично в империалистично-капиталистичном світі без новых земных богатств для своей промышленности и новых світовых рынков для товаров.

Спасают свою найдорожшу отчизну

Та бо не лем Германии, Италии и Японии бракуе земных богатств и світовых рынков для экономичного истнувания при старой экономичной системі, тых земных богатств и світовых рынков замало уж для посідаючих тоты богатства и рынки, для Великой Британии и Соединенных Штатов. Ни Англия ни США не можут уж при старой экономичной системі дати всім своим гражданам в часі мира роботу и житя. А то значит, што для них самых мало світовых рынков, бо если было бы где продати с профитом выробы промышленности, то безработя не было бы.

Война обідніе ище больше народны массы світа, так што продати буде мож ище меньше. И если тепер за час войны роботники працюют на войну, то ест на уничтожение богатства, доробку, то послі империалистичной войны грозит рабочей кляссі страшне

безработя и нужда, не лем в "побіжденных" державах, але и "побідоносных". Мы не забыли, што минувша война принесла безработя и нужду не лем в Германии, но и в державах побідительницах, в США и Англии. Теперішня война доведе ище до страшнішого экономичного положения народны массы воюющих держав.

Голод

Уж спочатком другого року войны в блокованой западной и центральной Европі пачае голод. Западна Европа не може выжитися своим хлібом, и в часі мирном она получала хліб из-за моря за свои промышленны выробы. В часі войны западно-европейскы краи не всилі продукувати и столько хліба, што в часі мирном, а война пожерат хліба о много больше, як мирный час. Найліпшы людскы продуктивны силы едны запряжены в военну машину на фронті або мобилизованы в поготові, другы працюют на войну, в военной промышленности, котра не продукуе для людского ужитку. Ужиточно трудятся лем найслабшы, наименьше продуктивны людскы силы и стара машинерия. А из тых ужиточных продуктов для житя лем найгорша часть остаеся для ужитку народа, для його житя, всьо што ліпше пожерат военна машина.

Косари

Коли в минувшу империалистичну войну, до котрой приступали европейскы державы лучше заосмотрены в пожизну, голод в Европі отчувался аж в третьом и четвертом року войны, то в часі теперішной войны в

другом року голодує уж вся западна и центральна Европа. Уж сама война почалася разом с картками на поживу.

Голод, недоїдання несе зо собою и разны хвороты, котры уж поширюються в западной и центральной Европі. Спочатком другого року войны почала ширитися епидемия тифа в Польщі, в Словакии, перекинулася в Чехию и Германию.

Наближаючися зима буде страшна для европейских народов.

СОВІТСКИЙ СОЮЗ И ИМПЕРИАЛИСТИЧНА ВОЙНА

Кажут, што коли Германия готовилася до той войны сім літ, то Англия и Франция нашілися спочатком войны совсім не подготовлены к обороні. Но не кажут, чом? Ци они не знали, што Германия вооружатся? Знали о том дуже добри, бо сами помагали Германии вооружатися. Германия, не маючи недостатком своих материалов для вооружений, получала их от тых, што мают, от Англии, Франции и Америки. Тепер выяснилось, што Гитлера поставили в Германии світовы капиталисты при помочы своих німецких товаришов для будовы германской военной машины. Против кого? Розумієся, што не против себе, против своих держав, а против социалистической державы, против Советского Союза. Гитлеровска Германия должна была быти орудием против Советского Союза. Лем тым толкуєся тот факт, што Германию вооружали своими капиталами и материалами, а сами занедбали свои вооружения. Вся политика западных, т. з. демократических держав была обрахована на войну Германии с Советским Союзом. Не лем политика, но и их економия.

Но початковий план был выробленный, основанный на послушенстві Гитлера своим опікунам, германским и світовым капиталистам. Гитлеровска Германия и гитлеровска военна машина мали быти лем орудием в руках международного капитала против единой социалистической державы світа. То был международный заговор против Советского Союза.

Правдоподобно, шо Гитлер хотіл выполнить тоту миссию, бо в Советском Союзі організувалася його "пята колонна" из контр-

революционеров — троцкистов, бухаринцев и всяких выбросков советского общества. Но советское правительство вчас открыло и вылапало зрадников, а тым самым советска держава стала объединенном и сильным.

Правда, заграницом роскричалися, што чистка в Советском Союзі, то доказ слабости советской державы. Но Гитлер понял так, як треба было понимать, што то доказ внутренней силы.

И нам здаєся, што от часу вылапання зрадников в Советском Союзі, його пятой колонны, Гитлер увиділ, што його путь не на восток против Советского Союза, а на запад, против слабо подготовленных к войні и ослабленных внутренне деморализованом буржуазии т. з. демократических держав. Но он не зрадился зо своим планом, абы як найбільше средств выдерти от тых богатых держав и богатой пануючой кляссы для будучой войны против ним самым. И для того он до самого літа 1939 року голосил свой поход против СССР для засліплення запада.

Нараз, літом 1939 року германское правительство заключат с советским правительством торговый договор и предлагат договор о взаимном не-нападении. В том то и діло, што не советское правительство германскому, а германское советскому предложило заключение такого договора. А тым самым признало силу Советского Союза. Само собом розумієся, што советское правительство подписало выгодный для себе договор, як бы то зробило кажде инше вірне своему народу правительство.

На западі поднесли крик, што Советский Союз зрадил "демократию" таким договором. Поднесли крик тоты самы, котры рок тому назад зрадили в Мюнхиху не лем Советский Союз, но свою дитину Чехословакию, свои державы и свои народы, в обрахунку, што тота их зрада, то послідня жертва з их стороны для гитлеровской Германии для ей походу против зненавидженного ними Советского Союза. Они сами заключили тот найганебнійший, який знає история, договор, пополнили найганебнійшу зраду не лем своих союзников, але своих власных держав и народов.

Мюнхих доказал найяснійше, што они, руководители Франции ни Англии, не лем за ниякого своего союзника не уважали Со-

вітський Союз, але за найбільшого свого врага. А гитлеровську Германию, Гитлера уважали своїм союзником против того свого "найбільшого врага".

Мюнхен открыл всю огидную политику руководителей Англии и Франции. Доказал, што Советский Союз не може вірити им, не може заключати з ними военных договоров, нияких союзов больше, бо они при первой случайности зрадят. Если они были способны зрадити Чехословакию, свои власны державы и народы лем з ненависти до Советского Союза, з ненависти до його социального устройства, то як мож было вірити им самому Советскому Союзу?

Своим зрадом они выкликали войну, в котрой Советский Союз остаеся нейтральным так долго, як долго не будут загрожены його границы або державны интересы з одной або другой стороны.

Советский Союз за цілий час свого существования веде политику мира. Штобы спасти народы от страшной войны, Советский Союз долги роки боролся против войны, предлагал коллективне обеспечение мира, договор миролюбивых держав против агрессоров, розоружение. Для мирного сотрудничества вступил в Лигу наций. Но великы империалистичны западны державы не хотіли такого коллективного обеспечения мира, они хотіли лем от себе отвернути агрессию, а звернути агрессоров против Советского Союза, и потому укріпляли агрессоров уступками и помагали им вооружатися. Всю свою международну, а даже внутренну политику и економию они основували на том, што война меж Германием и Советским Союзом неunikнена, и што они таком войном поправлят свои интересы. Што войну будут вести другы, а они будут корыстати. Мирну политику Советского Союза они розуміли, яко його внутренну слабость и страх пред агрессорами.

Иначе розуміла мирну политику Советского Союза Германия. Она порозуміла внутренну силу Советского Союза тогды, коли там была уничтожена пята колонна. Германия порозуміла, што Советский Союз, то одинока держава, в котрой обороні пред агрессором стане под руководством своих правдиво народных вождей вся народна масса, вооружена своим социалистичным господарством

— индустрием и земледілем. Германия порозуміла, што така держава непобідима в обороні народной земли и народного господарства.

Отколи Гитлер написал свою книжку "Мейн Кампф", в котрой робил собі смішки с той державы, што там одной машины не можут зробити, — советска социалистична промышленность выпустила пол миллиона тракторов, соткы тысяч комбайнов и других современных земледільских машин, — десятки тысяч аеропланов, танков, военных троков и других военных машин и советска армия стала наилучше механизованом армием в світі. Не для империалистичной, агрессивной войны, а для обороны.

Советскы людe смотрят иначе на войну, як руководители империалистичных держав. Коли в империалистичных державах восхваляют войну, в Советском Союзе учат ненавидіти войну, кромі народной, справедливой — т. е. войны за народну свободу, в обороні державы, независимости. Лем такую войну уважают в Советском Союзе за справедливую войну, и лем до такой войны способна, способніша от всіх других, Красна Армия.

Мы часто читаем в капиталистичной пресі, што Советский Союз веде империалистичну политику або империалистичну войну. Як може вести империалистичну политику правительство, котре учит свой народ ненавидіти империалистичну политику и войну? Но не можут же учить свой народ, што освобождение своих родных братьев украинцев и белоруссов из под-польских панов, то империализм. Што обеспечение советских границ, то империализм. Што оборона своей державы и ей интересов, то империализм. Социалистична держава не може быти империалистичном державом, бо в социалистичной державі ей земля, земны богатства и идустрия власность народа, а не капиталистов и дідичов. Если Советский Союз поможe освободитися даякому народу, то тому народу не бере никто земных богатств, а напротив, всі богатства переходят на власность народа. Там, где ніт капиталистов, капитализма, не може быти империализма. Империализм означат борьбу меж группами капиталистов за переділ земных богатств и світовых рынков. Народы, державы и их армии то орудия для такой борьбы за пере-

діл земных богатств и рынков. Таку войну совітскы люде ненавидят и они неспособны вести империалистичну войну, т. е. войну для корысти одной або другой группы империалистов.

И тым толкуеся, што Совітский Союз остаеся нейтральным так долго, як долго не будут zagrożены його державны интересы едном або другом воюючом стороном шаліючой империалистичной войны.

Для обороны своих интересов еовітска держава має дост силы сама, без даяких союзников. Та и мусит мати, бо союзников для так званой взаимной обороны социалистична держава не найде. Она знае, што ниякой империалистичной державі, ниякому правительству в руках богатой пануючой клясы, Совітский Союз вірити не може. Но он може вірити поневоленным народам світа, котры смотрят сегодня на тоту народну державу, яко своего природного союзника.

И Сов. Союз не заведе віры тых своих природных союзников. Зближатся час, што он скаже свое слово в обороні поневоленных народов и поможет им освободитися от угнетателей.

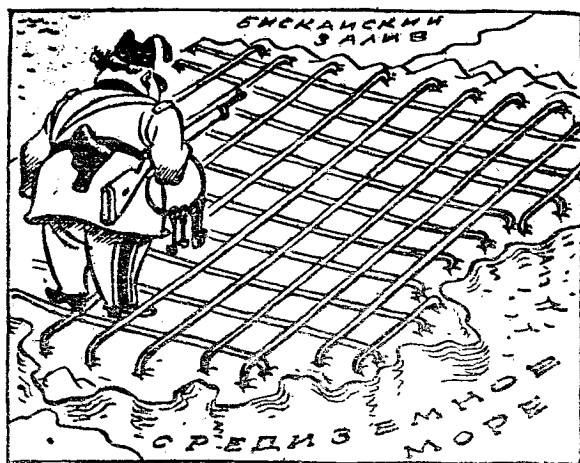
Світовы империалисты видят, што поневолены ними народы звертают свои очы в сторону Совітского Союза и паны хотіли бы створити свой “единый фронт” против той первой социалистичной державы, но власны их империалистичны суперечности не дозволяют им створити такого “единого фронта”. “Великий план” натравления на СССР вооруженной ними нацистской Германии провалился завдяки мудрой политики совітского правительства. Но западны империалисты не стратили ище надежды, што им уластся втягнути СССР в империалистичну войну. Их дипломаты и международны агенты працюют над тым с цілой силы, провокуют, выдумуют. Але не так оно легко спровоковати совітске правительство.

Совітский Союз и Карпатска Русь

Нашу карпаторусску эмиграцию интересуе найбільше то, ци Совітский Союз знае за Карпатску Русь, и ци он поможет нашому народу освободитися от чужых оккупантов, от мадьярских панов и гитлеровцев. Розу-

міеся, што Совітский Союз знае о Карпатской Руси, так само знае о ней, як знал о Западной Україні и Білоруссии. Нам чудно, чом совітске правительство ничего не упоминает о Карпатской Руси. Но мы добри знаме, што оно не упоминало о русских землях в панской Польші и боярской Румынии, аж пришол час освобождения. Послі освобождения Западной Украины, Западной Білоруссии, Сіверной Буковины и Бессарабии показалося, што совітскы люде за цілый час до освобождения слідили за тыми краями, за их положением под чужом властью. Послі освобождения тых крайов совітскы газеты были заполнены интересным материалом о тых краях. Так само сегодня совітскы ученые, писатели интересуются Карпатском Русьом, но они никому с тым не хвалятся, не росписуются о том. Они знают, што приде такой час, коли Карпатска Русь стане свободна от чужого ярма и тогда будут писати.

Шаліюча тепер империалистична война може мати лем еден конец, — конец самого империализма, — конец угнетателям народа, оккупантам чужых земель. На повоенных руинах старой Европы стане новый народный порядок — без угнетателей и угнетенных. Меж свободными, братскими народами займе свое місце и Карпатска Русь, объединена со своими восточными братьями по волі самого народа, як были за минувший рок объединены со Совітским Союзом другы западно-русскы землі.

Франковска мапа Испании

— 1730 —

Славный русский полководец Александр Васильевич Суворов родился в 1730 року в Москві, и коли йому не было

ище рока, он был перевезенный отцом в село Кончанске, недалко от місточка Боровичи, Новгородской губернии, в родове помістье Суворовых.

Семья Суворовых належала до небогатого дворянского роду. Отец Сандра — Василий Иванович почал службу при Петрі I с просто-го солдата и до часу, коли родился йому сын Александр, дослужился рангы прапорщика Преображенского полка.

Маленький Александр, по пересказах памятавших го, был хилый, худой и слабый здоровьем хлопчик. Отец Сандра ани не думал зроби́ти сына военным. Старый Суворов думал устроить го в канцелярию даякого министерства. Сандер показувал великы способности до чужеземных языков. Но його мечтом было стати военным. Цілыми годинами юный Суворов мог просиживать над книжками, в котрых росповідали о походах и битвах великих полководцев. Он сам мечтал о военных подвигах и вперто гартувал себе. Не было такого потока або горы, котрой не облазил бы мальчик. Вдрапеса, бывало, на высоке дерево и колышеса там на самом вершку. Або вскочит на неосідланого коня и жене, што силы. Плавал он прекрасно и купался до самых заморозков. Часами в докучливый осенний дождь, в слоту, а то и ночью в часі бури он босо утікал в ліс и вертал дому премо́злый и промо́кший до нитки.

Коли отец журил го за то, Сандер отповідал:

— Солдат должен привыкати ку всему.

*

*

*

— 1800 —

Едного разу к Василию Ивановичу Суворову при́хал його старый друг, негр Абрам Петрович Ганнибал, любимец и выхованок Петра Первого, прадід гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

— А где-ж Сандер? — звідал Ганнибал у Василия Ивановича.

— Певно, знов в своей комнаткі, с книгами возится. Просто сил ніт порадити з ним. З дітми не бавится, ку гостям не выходит, який-си отлюдок...

— Штож, зайду, посмотрю на него. Давно не виділ го, — рюк Ганнибал.

Ганнибал застал Сандра лежати на подлогі среди мап и книжок. Ту был географичный атлас, описания жизни полководцев и други книжки на русском и чужеземных языках.

Ганнибал звідал го:

— Сандер, ци ты наравду читаеш тоты книжки?

— Всьо уже прочитал, дядюшка, — отповіл Суворов.

— И по-німецкы?

— Так!

— Такого я ище не виділ! — воскликнул Ганнибал. — В твои роки дворянчики паничы ище сидят и зубрят: “буки-аз”, або, розвісивши уха, слушают сказкы о Бові-королевичу. А кто рисувал для тебе тоты мапы?

— Я сам, дядюшка.

— Ну, Сашенька, ты молодец! — Ганнибал поцілувал хлопца в чело. А што ты такий печальный?

— Батюшка не любит моих занятий. Он не хоче, абы я был военным.

— Зато нич. С твоим батюшкой я поговорю.

Василий Иванович послушал рады Ганнибалы, и через рок Сандра записали простым солдатом Семеновского лейб-гвардии полка. Стал солдатом Александр Суворов, коли минуло му пятнадцать літ. В казармі Суворов познакомился з людьми, с котрыми потом ділил славу и недостатки. Девять літ Суворов был простым солдатом. Офицером зробили го только в 1754 року—йому тогды шол двадцет пятый рок. В тоты часы його ровесники из богатых дворянских родов были уж полковниками и генералами.

Суворовска школа

Суворов, всю жизнь мечтавший о военных походах и битвах, первый раз принял участие в бою при селі Кунерсдорф. Было то в августі 1759 року. Русскы одержали блестящу побіду над войсками прусского короля Фридриха II, котрого уважали за непобідимого. Всюду, где появился Суворов, русским войскам товаришила побіда. Храбрость Суворова замітили, и по окончанию войны он получил чин полковника.

Ставши командиром Суздальского піхотного полка, Суворов начал осуществлять то, о чом он так давно снил. Нова Ладога, где стоял Суздальский полк, в коротком часі перемінилася на школу военной штуки. Подручников не было. Суворов написал подручник арифметики (рахунков) и сам учил в школі.

Всіми способами Суворов розвивал в людях прикметы, потребны в бою. В часі похода увидит ров, поведе через ров. Замітит горб — поведе через горб. Ріка, болото — для него всьо едно. Суворов не лем командувал, но и все сам показувал примір, як пересилати перешкоды. Особливу увагу Суворов звертал на ночны учения.

Ноч. Всі заснули. По алярму Суворов поднимал свой полк и выступал в поход. Стремительность, з яком посувалися суздальцы, вызывала загальне удивление. В день робили верст по пятьдесят. На ночлег войска раскладывалися табором, прямо в полю, расставляючи варту. Училися суздальцы непрерывно—зимом и літом, днем и ночью. Наука приходила нелегко, но Суворов все подбодрявал своих солдат: “Легко в науці, тяжко в походе; тяжко в науці — легко в походе.”

Пят літ Суворов учил военному ділу своих “чудо-богатырей”, як он любил называти

солдат. Результаты школы Суворова показались в 1768 року в Польші, где тогды шла война.

Покаль Суворов был в Польші, меж Россиом и Турциом началась война. Великы жертвы понесло русское войско в битвах на берегах Дуная. Суворова, прославившогося своими побідами в Польші, рішили послати на турецкий фронт. Командовал турецкым фронтом граф Румянцев.

Граф принял Суворова дуже зимно. Йому не подобался тот маленький рухливый чоловік, о котром шла слава полководца, не знающого поражок. Граф думал, што он обыйдется и без таких полководцев: йому з никым не хотілося ділити славы будущих побід.

Хотя Суворов был уж в рангі генерал-майора, йому дали маленький отряд и отправили под кріпость Туртукай, котра рахувалася неприступном. Суворов прибыл на місце и предложил взяти кріпость штурмом. Румянцев заборонил. Предтым он уж написал Екатерині, што Туртукай взяти немож. Суворов думал иначе о силі русского оружия. В ночи на 21 мая 1773 року Суворов повел свой отряд на штурм кріпости. В бою туркы стратили 1000 людей, а русскы — лем 88. Над турецком кріпостьюм взвился русский флаг. Довольный побідом, Суворов сіл на бубен и написал Румянцеву рапорт в двух вершиках:

“Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят и я там.”

Граф Румянцев был встеклый. Он отдал Суворова под суд, и военна коллегия вынесла герою Туртукайа вырок смерти. Но Екатерина, розуміючи, яке значение має тот побіда, на выроку написала: “Побідителей не судят.”

Слідуюча побіда была одержана Суворовым на берегу Дуная, под кріпостьюм Гирсово. Тот побіда причинилася до заключения мирного договора меж Россиом и Турциом. Россия получила право свободного плавания по Черному морю и Дарданельскому проливу. Крім того получила городы Азов, Керч, Кинбурн и степи меж Дніпром и Бугом.

В 1787 року меж Россиом и Турциом почалася нова война.

В другой турецкой войні Суворов одер-

жал побѣду при Очаковѣ, Фокшанах и, наконец, над рѣком Рымник. Над рѣком Рымник Суворовъ съ 25 тысячною армією розбилъ 100 тысячную турецкую армію. Екатерина II осыпала Суворова подарками, дала титулъ графа, наградила орденомъ Георгія, подарувала брилліантовы еполеты, шпагу и перстень.

Закончилась война съ Турцією грандіознымъ сраженіемъ подъ турецкою крѣпостію Измаилъ. Всѣ пробы русскихъ войскъ взяти то-ту крѣпость были безрезультатны.

Десять дней готовилъ Суворовъ штурмъ крѣпости, и 22 декабря 1790 року крѣпость была взята. Турція перестрашена поражкомъ, заключила миръ.

* * *

Ціле життя Суворовъ тишився огромною популярностію у солдатъ. Честный, простой и независимый, онъ былъ ненавидѣнный придворными аристократами. Царское правительство вспоминало о Суворовѣ въ часѣ войны, но дораз забывало о немъ послѣ заключенія мира.

За свою сороколѣтнюю бойовую жизнь Суворовъ участвовалъ въ 63 битвахъ, не знаючи ни одной програной.

В 1799 року Россія въ союзѣ съ Австрією воювала противъ Франціи. Въ часѣ той войны русскыя войска подъ командою Суворова, совершили переходъ черезъ Альпы. Енгельсъ назвалъ тотъ переходъ “самымъ передовымъ изъ всѣхъ альпійскихъ переходовъ нашихъ часовъ.”

Черезъ Альпы

Переходъ Суворова черезъ Альпы — одна изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ военной исторіи. Здавалося, сама природа хотѣла испытати вытравелость русскихъ солдатъ. Висячы скалы, бездонны пропасти, обледенѣлы верхы, бракъ стежокъ — все должно служити преградомъ русскимъ бойцамъ. Но у Суворова было правило: гдѣ перейде олень, тамъ перейде солдатъ, а гдѣ перейде солдатъ, тамъ перейде цѣле войско.

Въ горахъ французы заняли вершину Сен-Готардъ. Три разы русскыя кидались въ бой и побѣдили. Въ битвѣ при Чортовомъ мостѣ русскыя зновъ розбили французовъ. По горскимъ стежкамъ, черезъ хребетъ Росштокъ, русскыя войска вырвались изъ плѣна горъ и пересилили хребты, котры рахувались за непроходимыя. Въ томъ походѣ, по словамъ Суворова, “русскій

штыкъ пробился сквозь Альпы.”

За тотъ переходъ Суворовъ получилъ званіе генералиссимуса русской арміи.

Ціла дорога изъ Швейцаріи въ Россію была триумфальнымъ походомъ. Въ каждомъ городѣ встрѣчали Суворова и його армію торжественными оваціями. Но наразъ все змінилось. Царь-самодуръ Павелъ I, не любившій великаго полководца, приказалъ отозвати отъ Суворова всѣхъ адъютантовъ и для уникненія народныхъ почестей дозволити йому вѣздъ въ Петербургъ лемъ ночью.

Суворовъ поселился у дальшихъ кровняковъ. Хворый, змученный, самотный, онъ умеръ 18 мая 1800 року. На похоронахъ його не было ни царедворцевъ, ни видныхъ сановниковъ. Лемъ народъ, не уважаючи на царскыя заборыны, шолъ тысячною толпою за труномъ великаго полководца. (“Пионерская Правда”).

В 1862 року на русскомъ крейсери “Богатырь” въ числѣ команды находился 13-лѣтній ученикъ Николаевскаго морскаго училища Степа Макаровъ. Степа совершалъ свой первый переходъ по Тихому океану. Въ родинѣ Макаровыхъ всѣ съ юныхъ лѣтъ были моряками и потому не дивно, што Степа 13-лѣтнимъ хлопцомъ плавалъ на кораблѣ.

Крейсеръ “Богатырь” сдѣлалъ остановку у острова Марія, недалеко отъ Сан-Франциско, США. Тамъ мальчикъ старанно учился по-английскы.

Осенью 1864 року, повернувши въ Россію, онъ перевелъ съ англійскаго на русскій языкъ книжку о Охотскомъ морі. Юный Макаровъ пильно учился. Онъ выучалъ навигацію, астрономію и

другыя науки. Весномъ 1865 року молодой Макаровъ окончилъ училище. Въ маю 1869 року Степанъ Осиповичъ здавъ послѣдныя экзамены и сталъ мичманомъ (мичманъ — первый офицерскій чинъ въ царскомъ флотѣ). А

через рок он первый в истории флотов всего світа розробил вопрос непотопляемости кораблей. Коли он опубликовал тоту роботу в “Московском сборнике”, имя його стало всесвітно знаным. Но морске царске начальство тым не меньше было недовольно. Образованному, смілому моряку Макарову часто треба было учить людей высших рангом, а то не подабалось начальникам.

В тоты roky России грозила война с Турциом. И то была серьезна угроза: русский Черноморский флот был о много слабший от турецкого. Макаров добился того, што му было дозволено поїхати в дійствующий флот против Турции и он выробил совсім новый способ борьбы против врага. Он предложил побудувати невеличкы минны катеры и поднять их на борт великого скорого парохода. Пароход должен был ночью пором подобраться ку стоянке вражого флота, спустити свои катеры на воду, котры кинутся в атаку на турецкы кораблі.

З великим трудом получил Макаров пароход “Константин”. Скоро “Константин” вышел в море глядати турецкых военных кораблей.

Вот Макаров нашол стоянку турецкой эскадры. Свитаньом, коли море было покрыто предранном мглом, “Константин” незамітно подошел ку вражым кораблям и спустил на воду катеры. За хвильку роздался страшный выбух. Турецкий броненосец “Сейфи” похилился на еден бок и быстро пошел ку дну моря. Итак, идея Макарова оказалась выполнима — он не побоялся зо своими маленькими катерами выступити против сильного турецкого флота. Через пару дней катеры Макарова взорвали турецкы броненосцы — “Иджаме” и “Ассари-Шевкет”. Смілы атаки Макарова и його лейтенантов — Шестакова, Зацаренного и других — отбили охоту у турков подходить близко ку русским берегам.

В январі 1878 року Макаров первый раз в бою примінил самоходны мины Вайтгеда — торпеды, потопивши сторожевый пароход “Иинтибах”. Через пять дней послі того боя война была кончена.

Макаров заложил основу новой тактики, примінил новы роды морского оружия. Катеры Макарова — то прародители теперішних торпедных катеров.

Послі окончания русско-турецкой войны Макаров занялся научном роботом. Но при том он не забывал и о положении матросов на кораблях. В своем справозданию он пише: “Всі наши кораблі мают великы выгоды в офицерских каютах, а не мают нияких жительских удобств в поміщениях матросов”.

Степан Осипович створил русский ледокольный флот. Он спроекувал первый ледокол “Ермак” и, несмотря на всі перешкоды, добился його будовы. Макаров вышел сам на “Ермакі” в первый арктичный рейс.

Макаров любил говорити, што “мирна наука — то школа для войны”. Он старался так выучити людей, штобы як можно найлучше подготовити их до бою.

В часі войны России з Японіом в 1904 року Макарова назначили командующым флотом Тихого океана. В тот час йому было уж 56 літ. Но он был полный энергии. Дораз по прибытию в Порт-Артур он почал усиленно готовить флот до бою.

Предодньом 31 марта 1904 року на русскы миноносцы напала японска эскадра. Адмирал Макаров выслал на помоч миноносцам крейсера “Диана”, “Аскольд”, “Новик” и вышел сам на броненосці “Петропавловск”, отдавши приказания для бою. Но около десятой години рано мощный выбух потряс броненосец “Петропавловск”. Он почал быстро тонути. Макаров стоял на мостіку перед бойовом рубком, и на него повалился град осколков и обломков.

Так погиб один из величайших русских флотоводцев. Он вышел из народа и отдал всі свои силы укріплению морской силы своей отчизны.

Итальянска газета “Трибуна” по поводу гибели адмирала Макарова писала: “... вы, сыны всіх морей, морякы, служащы под всіми флагами, оплакуйте храброго чоловіка, бывшего вашим собратом, вінчайте лаврами память його”.

Краснофлотцы и командиры нашего Военно-Морского Флота чтут память своего славного края. Любимы слова Макарова: “В морі — значит дома. В тихом порті — в гостях не надолго”, стали кличом красных военных моряков, готовых к побідным боям за отчизну. (“Пионерская Правда”).

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

МАКАР ЧУДРА

(Из избранных рассказов)

С моря дул вильготный, холодный вітер и розносил по степи задумчиву мелодию плеска набігавшій на берег фалі и шелеста прибережных корчов. Зрідка його порывы приносили зо собов зморщени, жолты листки и кидали их в ватру, роздуваючи по-ломень, оточавша нас мгла осенной ночи вздрогувала и, пугливо усуваючись, открывала на миг зліва — безграничну степ, справа — бесконечне море и прямо против мене фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней своего табора, роскинутого в пятидесяти кроках от нас.

Не звертаючи увагы на то, што холодны фалі вітра, роспахнувши чугу, открыли його волосату грудь и безжалостно бьют ей, он лежал в красивой, сильной позі, лицом ку мні, потягуючи из своей великой пипкы, выпускал з рота и носа густы клубы дыма и, нерухомо уставивши очы кади-си через мою голову в мертво молчавшу темноту степи, бесідувал зо мною.

— Так ты ходиш? То добри! Ты славному выбрал собі, сокол. Так и треба: ход и позерай, а насмотрівшись, лягай и умерай — вот и всьо!

— Жизнь? Иншы люде? Еге? А тобі што до того? Та ци ты сам — не жия? Другы люде живут без тебе и проживут без тебе. Ци може ты думаеш, што ты дакому потрібный? Ты не хліб, не палица, и не треба тебе никому.

— Учиться и учить других, гвариш ты? А ты можеш научиться зробити людей счастливыми? Ніт, не можеш. Ты найперше полизыми? Ніт, не можеш. Ты найперше посивий, а так бесідуєш, што треба учить. Што учить? Каждый знає, што йому треба. Котры умнійшы, то берут што ест, котры дурдый сам учится.

— Смішны они, тоты твои люде. Збили-

ся в купу и дусят еден другого, а місца на землі вон сколько, — он широко замахнул руком на степ. — И всі працюют. Та нашто? Кому? Никто не знає. Видиш, як чоловік оре, и думаеш: вот он по каплі с потом силы свои сточит на землю, а потом ляже в ню и згниє в ней. Ничого по нем не останєся, ничого он не видит зо своего поля и умерат, як родился, — дураком.

— Што-ж, — ци он родился зато, ци што, штобы подобати в землі, и умерти, не успівши даже могилы самому собі выдобати? Відома йому воля? Шир степна понятна? Говор степной фалі веселит йому сердце? Он раб — як лем родился, ціле жия раб, и всьо тут! Што он с собов може зробити? Лем повіситися, коли змудріє мало.

— А я, вот, посмот, за пядесят осем літ столько виділ, што коли написати то всьо на папери, так в тысячу таких торб, як тота у тебе, не положиш. А но угадай, в яких краях я не был? И не скажеш. Ты ани не знаеш таких крайов, где я бывал. Так треба жияти: иди, иди — и всьо тут. Долго не бав на єдном місци — што в нем? Як ден и ноч бігають, догоняючи єдно друге, наоколо землі, так и ты бігай, утікай от дум про жизнь, штобы не омерзла. А почнеш думати — сприкрится жия, то все так быват. И зо мнов то было. Еге! Было, сокол.

— В тюрмі я сиділ, в Галичині. Нашто я жию на світі? — помислил я зо скукы — скучно в тюрмі, сокол, ой, як скучно! — и взяла мене тоска за сердце, як посмотріл я из окна на поле, взяла и стисла го кліщами. Кто скаже, нашто он жие? Никто не скаже, сокол! И проситися себе о то не треба. Жий, и всьо ту. И подорожуй, и позерай вколо себе, и тоска не возме николи. А я тогда мало не задусился поясом, в тюрмі.

— Гей! Говорил я з єдним чоловіком. Поважний чоловік із ваших, русських. Треба, гварит, жити не так, як ты сам хочеш, а так, як сказано в божом слові. Богу покоряйся, и он даст тобі все, што попросиш у него. А сам он в ряндах, обдертий. Та я и рюк йому, штобы он собі нову одєжу попросил у бога. Позлостился он и прогнал мене, проклинаючи. А до того говорил, што треба прощати людей и любити их. А чом он мене не простил, коли моя бесіда обиділа його милость? Тоже — учитель! Учат они меньше їсти, а сами ідят по десят раз на добу.

Он плюнул в ватру и замолк, знов набиваючи пипку. Вітер выл жалобно и тихо, во тьмі ржали коні, из табора плыла пестлива и горяча пісня-думка. То співала красавица Нонка, дочка Макара. Я знал ей голос густого грудного тембра, недовольно и требовательно звучавший — ци она співала пісню, ци говорила “здравствуй”. На ей лиці и в очах видно было гордость на свою красоту и погорду до всего, крім себе самой.

Макар подал мі пипку.

— Закур! Хорошо співат дівка? То-то! Хотіл бы ты, штобы така тебе любила? Ніт? Хорошо! Так и треба — не вір дівкам и тримайся от них подальше. Для дівки цілуватися лучше и приятніше, як мі пипку курити, а поцілувавши ей — и умерла воля в твоем сердці. Привяже она тебе ку собі чым-си таким, чого не видно, а розорвати — немож, и отдаш ты ей всю душу. Правда. Стережся дівок! Крадут все! Люблю, гварит, больше всего на світі, а ноле, кольний ей шпильком, она розорве тобі сердце. Знаю я! Ого, сколько я знаю! Ну, сокол, хочеш, скажу одну бль? А ты ей запамятай и як запамяташ, — вк свой будеш свободный як птах.

* * *

“Был на світі Зобар, молодой цыган, Лайко Зобар. Вся Венгрия и Чехия и Славония, и все, што вколо моря, знало його, — удаый был малый! Не было в тых краях села, в котром бы пару людей не давали богу клятвы убить Лойко, а он собі жил, и уж коли йому сподобался конь, так хоть полк солдат постав сторожити того коня — все розно Зобар на том коню гарцувати буде!

Еге! Та ци он дакого боялся? Та хочбы сам сатана зо всіми своими чортами, так он бы, якбы не пустил в него своего ножа, то напевно бы кріпко выругал, а што чортам бы подарил по пинку в рыла — то уж бы несли!

“И все таборы го знали або слышали о нем. Он любил лем коней и ничего больше, и то не долго єдного коня — поїздит и продаст, а грошы, кто хоче, най бере. У него не было завітного — потребне тобі його сердце, он сам бы вырвал го из груди, и дал бы тобі, лем бы тобі от того хорошо было. Вот який он был, сокол!

“Наш табор кочевал в тот час по Буковині, — то было літ десят тому назад. Раз — весенном ночью — сидиме мы: я, Данило солдат, што разом с Кошутым воювал, и Нур старый, и все друзья, и Радда, Данилова дочка.

“Ты Нонку мою знаш? Царица-дівка! Ну, а Радду с ней ровнати немож — много чести Нонкі! О ней, о той Радді, словами и не скажеш ничего. Може быти, ей красоту мож бы было на скрипкі зограти, та и то лем тому, кто тоту скрипку, як свою душу знает.

“Много посушила она сердец молодецких, ого, много! На Мораві один магнат, старый, чубатый, увиділ ей и остолбіл. Сидит на коню и смотрит, дрожащи, як в огневиці. Красивый он был, як чорт в праздник, жупаншитый золотом, на боку сабля, як блискавица блискат, лем конь ногом тупне, вся та сабля в каменях драгоценых и сивый аксамит на шапкі, як неба кусок, — важный был господар старый! Смотріл, смотріл, тай и говорит Радді: Гей. Поцілуй, мішок грошей дам. — А она отвернулася в сторону, тай только! — Пребач, коли обиділ, взглянь хоч ласкавійше, — отразу унял пыхы старый магнат и кинул под ей ноги мішок — великий мішок, брате! А она якбы нехотючи пхнула ногом в болото, тай все ту.

“— Ех, дівко! — охнул он, тай плетьюм по коню — лем кур встал за ним.

“А на другой день знов пришол. — Кто ей отец? — громом гремит по табору. Данило вышол. — Продай дочку, што хочеш бер! — А Данило каже йому: — То лем паны продают все — от своих сзичей до своей ссвисти, а я с Кошутым воювал и ничым не тергую!

— Взревіл было пан, та и за саблю, но

кто-си из нас сунул огня в ухо коню, он и по-нюс пана. А мы зобралися, тай пошли дальше. Идемe день, идемe другий, смотриме — догнал! Гей, вы, гварит, отдайте дівку за жену мi: всьо поділю с вами, богатый я сильно! — Горит цілий и, як трава под вітром, хвієся в сідлі. Мы задумалися.

— Та но-ле, дочко, што ты скажеш! — рюк собі под усом Данило.

— Коли бы орлица ку ворону в гніздо по своей волі пошла, чым бы она стала? — звідала нас Радда.

— Засміялся Данило и всі мы с ним.

— Славно, дочко! Слышал, господар? Не иде діло! Голубиц глядай — тоты податлившы. — И пошли мы вперед.

— А тот господар схватил шапку, кинул ей о землю и поскакал, так што земля затряслася. Вот она яка была Радда, сокол!

— Так! Так вот раз ночом сидиме мы и слышиме — музыка плыве по степи. Хороша музыка! Кров загорілася в жилах от ней и звала она куда-то. Всім нам, мы чуяли, от той музыки захотілося чого-си такого, послі чого уж и жити бы не треба было, або, если жити, так — царями над всей землей, сокол!

— Вот из темноты вьрізался конь, а на коню чоловік сидит и грає, подызжаючи к нам. Остановился у ватры, перестал грати, усміхаючись, смотрит на нас.

— Еге, Зобар, та то ты! — крикнул му Данило радостно. Так вот он Лойко Зобар!

— Усы легли на плечы и змішалися с кудрями, очы, як ясны звiзды, горят, а усміх — ціле солнце, ей-богу! Так якбы го ковали из єдного куска желіза разом с конем. Стоит весь, як в крови, в огні ватры и сверкат зубами, сміючись! Най я проклятый буду, коли я його не любил уже, як себе, перше, як он мi слово рюк або просто замітил, што и я тоже живу на білом світі!

— Вот, сокол, яки люде бывают! Взгляне он тобі в очы и полонит твою душу, и нич то-бі тото не стыдно, а ище гордо для тебе. С таким чоловіком ты и сам стаєш ліпший. Мало, друже, таких людей! Ну, так и ладно, коли мало. Если бы много хорошего было на світі, то бы го и за хороше не уважали. Так-то! Але послухай дальше.

— Радда и говорит: — Хорошо ты, Лойко, граєш! Кто то ти зробил таку скрипку, звон-

ку и чутку? А тот смієся: — я сам зробил! И зробил я ей не з дерева, а из груди молодой дівушкы, котру я любил кріпко, а струны из ей сердца мною звиты. Фальшує ище немного скрипка, але я умію смычок в руках держати!

— Розумієся, наш брат старатся отразу затуманити дівкі очы, штобы они не запалили його сердца, а сами бы засмутились за паробком. Вот и Лойко тоже. Но — не на то-ту попал. [Радда отвернулася в сторону и, зівнувши, рекла: — А ище говорили, што Зобар мудрый и ловкий — вот кламут люде! — и пошла гет.

— Еге, красотко, у тебе остры зубы! — блиснул очами Лойко, злізаючи с коня. — Вітайте, браты! Вот и я к вам!

— Просиме гостя! — рюк Данило. Поцідувалися, поговорили и легли спати... Кріпко спати. А рано, смотриме, у Зобара голова повязана шматом. Што ся стало? А то, гварит, конь го пхнул копытом, заспаного.

— Е, е, е! Поязли мы, кто тот конь, и подсміхнулись под усами, и Данило усміхнулся. Што-ж? Та ци Лойко не варт Радды?

— Жиєме мы и жиєме на том місті, діла у нас в тоты часы добры были, и Зобар с нами. О, то был товариш! И мудрый, як старый, и знає всьо, и писмо русске и мадыарске розуміл. Бывало, як зачне говорити — вік бы не спал, а слухал го! А грає — най гром мя убьє, коли на світі дакто ище так грал! Провєде, бывало, по струнам смычком — и вздрогне у тебе сердце, проведє ище раз — и замре оно, слухаючи, а он грат и усміхатся. И плакати, и сміятися хотілося в тот сам час, слухаючи го. Вот тобі сейчас кто-си стоне горько, просит помочи и ріже тобі грудь, як ножом. А вот степ говорит небу сказкы, смутны сказкы. Плаче дівча, провожаючи добра-молодца! Добрый молодєц кличе дівицу в степ. и нараз — гей! Громом гремит вольна, жива пісня, и само солнце. здаєся, затанцує по небу под тоту пісню. Вот як, сокол!

— Каждая жила в твоєм тілі понимала тоту пісню, и цілий ты становился ей рабом. И коли бы топды кликнул Лойко: “в ножы, товаришы!” — то и пошли мы бы всі в ножы, с кым указал бы он. Всьо он мог зробити с чоловіком и всі любили го, кріпко

любили, лем Радда една не смотрит на паробка; и то бы ище нич, што не смотрит, а то ище подсміхуеся над ним. Кріпко она заділа за сердце Зобара, ой, кріпко. Зубами скрипит, дергаючи себе за ус, Лойко, очы темнійшы бездны смотрят, а часами в них таке блискат, што за душу страшно. Уйде ночью далёко в степ Лойко и плаче до рана його скрипка, плаче, хоронит Зобарову волю. А мы лежимо, и слухаме и думаем: што робити? И знаме, што коли два камені еден на другий котятся, ставати меж ними немож — скалічат. Так и шло діло.

“Вот сиділи мы, всі в зборі и говорили о ділах. Скучно стало. Данило и просит Лойко: “Заспівай, Зобар, пісенку, повесель душу!” — Тот повел оком на Радду, што недалеко от него лежала лицо-м кверху, глядячи на небо, и ударил по струнам. Так и заговорила скрипка, якбы направду в ней дівче сердце было. И заспівал Лойко:

Гей гей! В груди горит огонь
А степь так широка!
Як вітер быстр мей борзый конь,
Тверда моя рука!

“Повернула голову Радда и, привставши, усміхнулася в очы співаку. Запалился тот, як заря.

Гей, гоп-гей! Ну, товариш мой!
Поскачем, ци як, вперед?
Одіта степь суровой мглой,
А там росвіт нас ждет!
Гей-гей! Летим и встретим день.
Взвивайся в вышину!
Да только гривой не задень
Красавицу луну!

— То пісня! — рюк Данило, — николи я не слышал такой пісни; най з мене сатана пипку собі зробит, як неправду кажу! — Старый Нур и усами поводит, и плечами порушал, и всім нам по душі была удала Зобарова пісня! Только Радді не сподобалася.

“— Вот так раз комар гуділ, орлийный клекот наслідуючи, — сказала она, и якбы снігом на нас кинула.

“— Може быти, ты, Радда, бича хочеш? — эвернулся к ней Данило, а Зобар кинул на землю шапку, тай и говорит, весь чорный, як земля:

“— Стой, Данило! Горячому коню—стальны удила! Отдай мі дочку за жену!

“— Вот сказал річ! — усміхнулся Данило, — та возми собі, коли можеш!

“— Добри! — рюк Лойко, и говорит Радді:

“— Ну, дівча, послухай мене мало и не пышайся! Много я вашей сестры виділ, го-го, много! А ни одна не рушила моего сердца так, як ты. Ех, Радда, полонила ты мою душу! Ну што-ж? Што мае быти, то тото и буде, и ... нїт такого коня, на котром от самого себе можно бы ускакати было!... Беру тебе за жену перед богом, на свою честь, пред твоим отцом и всіми тыми людьми. Но смот, волі мойой не переч — я свободный человек, и буду жити так, як я хочу! — И подошел к ней, стиснувши зубы, блискаючи очами. Смотриме мы, протянул он ей руку, — вот, думат, и наділа узду на степного коня Радда! Нараз видиме, взмахнул он руками и на землю затылком грух!...

“Што за диво? Якбы куля ударила в сердце паробка. А то Радда заметнула му ремменну вичку за ноги, тай дернула ку собі, — вот и от чого упал Лойко.

“И знов уж лежит дівка, не рушится, и усміхатся молчки. Мы смотриме, што буде, а Лойко сидит на землі и стиснул руками голову, якбы боялся, што она у него трісне. А потом встал тихо, тай и пошел в степ, не позераючи на никого. Нур шепнул мі: — Смот за ним! — И пополз я за Зобаром по степи в темноті ночной. Так-то, соколе!”

Макар выдобал попел с пипкы и знов почал набивати ей. Я завился ліпше в плащ и, лежащи, смотріл на його старе лице, чорне от солнца и вітра. Он, сурово и строго качаючи головою, што-си шептал про себе, сивы усы рушались, и вітер трепал му волосы на голові. Он был подобный на старого дуба, опаленого перуном, но все ище мощного, кріпкого и гордого своим силом. Море шептало дальше з берегом, и вітер дальше носил тот шепот по степи. Нонка уж не співала, а собравшыся на небі хмары зробили осенню ноч ище темнійшом.

“Шол Лойко нога за ногом, опустивши голову и руки, и, пришовши над поточок, сіл на камень и охнул. Так охнул, што у мене сердце кровью облялося от жалости, но я и так не подошел ку ньому. Словом горю не поможеш — правда?! То-то! Годину он сидит, другу сидит и третю не рушится—сидит.

“И я лежу недалеко. Ноч світла, місяц серебром всю степ залял и далеко всьо видно.

“Нараз вижу: от табора спішно Радда иде. “Весело мі зробилося! Ех, важно! — ду-

мам, — удала дівка Радда! Вот она подошла к нему, он и не слышит. Положила йому руку на плечо — вздрогнул Лойко, розжал руки и поднес голову. И як скочит, тай за нож! Ух, поріже дівку, вижу я, и уж хотіли крикнути и біжати к ним, нараз слышу:

“— Шмар! Голову рострепу! — Смотрю: у Радды в руці пистоль и она в лоб Зобару цілит. Вот сатана дівка! А ну, думам, они тепер равны по силі, што буде дальше?”

“— Слухай! — Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: — я не убити тебе пришла, а миритися, шмар нож! Тот кинул нож и хмураво смотрит ей в очы. Давно то было, брате! Стоят два люде и звірями смотрят еден на другого, а оба такы хорошы, удалы люде. Смотрит на них ясный місяц и я — и есьо ту.

“— Ну, слухай мене, Лойко: я тебе люблю. — говорит Радда. Тот лем плечами рушил, якбы связанный по рукам и ногам.

“— Бига а я молодцов, а ты удаційший и к асший от них д шом и лицом. Каждый из них усы бы собі зголил — як бы я моргнула им оком. всі они упали бы мі в ноги, лем бы-м захотіла того. Но што с того? Они и так мало удалы, а я бы их всіх обабила. Ма о осталося на світі удалых цыган, мало, Лойко. Николи я никого не любила, Лойку, а тебе люблю. А ище я люблю волю! Волю, Лойку, я люблю больше, як тебе. А без тебе мі не жити, як не жити и тобі без мене. Так вот я хочу, штобы ты был цілый мой, душою и тілом, слышиш? — Тот усміхнулся.

“— Слышу! Весело сердцу слухати твою бесіду! Но-ле, повідай ише!

“— А ище вот што, Лойку: всьо равно, як ты бы не вертілся, я тебе переволю, моим будеш. Так не трат же даром часу — пред тобом мои поцілуи и ласкы... кріпко цілувати я тебе буду, Лойку! Под моим поцілуйом ты забудеш свою удалу жизнь... и живы пісни твои, што так радуют молодцов цыган, не зазвучат по степям больше — співати ты будеш любовны, пестливы пісни мі, Радді... Та не трат даром часу, — сказала я того, значит, ты завтра покоришся мі, як старшому товаришу юнаку. Поклонишся мі в ноги перед всім табором и поцілуеш праву руку мою — и тогда я буду твоим женом.

“Вот чого захотіла чортова дівка! Того и

слухом не слыхано было, лем в стародавны часы у черногорцов так было, говорили стары цыгане, а у цыган — николи! Но-ле, соколе, выдумай дашто смішнійше? Рок полагеш голову, а не выдумаш!

“Отскочил в сторону Лойка и крикнул на всю степ, як раненый в грудь. Дрогнула Радда, но не подага по собі.

“— Ну, так прощай до завтра, а завтра ты зробиш, што я казала тобі. Слышиш, Лойку!

“— Слышу! Зроблю, — застогнал Зобар и протягнул к ней руки. Она ани не оглянулася на него, а он захвілялся, як зламале вітром дерево, и упал на землю, рыдаючи и сміючись.

“Вот як запутала молодца проклята Радда. Гасилу я опамятал го.

“Еге! Якому дьяволу треба, штобы люде горе горювали? Кто-ж то любит слухати, як стогне, разрывается от горя, людске сердце? Вот и д май ту!...

“Вернул я в табор и росповіл о всьом старикам. Подумали и рішили подождати и посмотріти, што с того буде. А было вот што. Коли собралися мы вечером вколо ватгы, пришол и Лойко. Был он смутный и похутил за ноч страшно, очы ввалилися; он спістил их и, не подносячи, сказал нам:

“— Вот яке діло, товаришы: смотріл я в свое сердце в сию ноч и не нашол міста в нем старой волной жизни мойой. Радда там жие лем — и всьо ту! Вот она, красавица Радда усміхается, як царица! Она любит свою волю больше, як мене, а я ей люблю больше, як свою волю и рішил я Радді поклонитися в ноги, так она казала, штобы всі виділи, як ей красота покрила удалого Лойку Зобара, котрый до сего часу грал з дівчатами, як ястраб с качатами. А потом она стане мойом женом и буде ласкати и цілувати мене, так што уж мі и пісен співати вам не захочеся, и волі мою я не пожалю! Ци не так Радда? — Он поднес очы и смутно посмотріл на ню. О а мотчки строго кивнула голозом и руком указала собі на ноги. А мы смотріли и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотілося, лем бы не видіти, як Лойко Зобар упале в ноги дівкі — най-то та дівка и Радда. Стыдно было чогоси и жатко и смутно.

— Ну! — крикнула Радда Зобару.

— Еге, не понагайся, догониш, надоист ище... — засміялся тот. Якбы сталь зазвонила, так засміялся.

— Так вот и всё діло, товаришы. Што остаєся? А остаєся поспробувати, ци таке на правду у Радды мойой кріпке сердце, яким она мі го показувала. Попробую, — пребачте мі, братя!

— Мы и догадаться ище не мали часу, што хоче робити Зобар, а уж Радда лежала на замлі и в груди у ней по рукоятку стырчал кривый нож Зобара. Остолбеніли мы.

— А Радда вырвала нож, кинула го в сторону и зажавши рану жмитком своих чорных волос, усміхаючись, рекла громко и выразно:

— Буд здрав, Лойко! Я знала, што ты так зробиш! ... — тай и умерла...

— Понял ес дівку, соколе?! Вот яка, най я буду проклятый на вікы вічны, дьявольска дівка была!

— Ех! та и поклонюся я тобі в ноги, королево горда! — на всю степ гаркнул Лойко, и, кинувши собом на землю, притулился уста к ногам мертвой Радды и замер. Мы зняли шапки и стояли молчки.

— Што скажеш в таком ділі, сколе? То-то! Нур сказал было: "треба связати го!..." Не поднеслися бы руки связати Лойка Зобара, ни у кого не поднеслися бы, и Нур знал то. Махнул он руком и одышол в сторону. А Данило поднюс нож, котрый кинула в сторону Радда, и долго смотріл на него, порушующи сидыми усами. На том ножі не застыла ище кров Радды, и был он такий кривый и острый. А потом подошол Данило к Зобару и сунул йому нож в плечы як раз против сердца. Таж отцом был Радді старый Данило!

— Вот як! — повернувшись к Данилі, ясно рюк Лойко и пошол догоняти Радду.

— А мы смотріли. Лежала Радда, притулившись к груди руку зо жмитком волос, и открыты ей очы были в сивом небі, а в ногах ей лежал удалый Лойко Зобар. На лице його упали його кудри и не видно было його лица.

— Стояли мы и думали. Дрожали усы у старого Данилы и нахмурились густы бровы його. Он смотріл на небо и молчал, а Нур, сивый як голуб, ляг лицом на землю

и заплакал так, што ходуном заходили його стариковскы плечы.

— Было ту над чым плакати, соколе!

— ... Идеш ты, та и иди своим путем, не звертаючи в сторону. Прямо и иди. Може, и не загинеш даром. Вот и всё, соколе!"

* * *

Макар замолчал и, спрятавши в кисет пипку, запахнул на грудь чугу. Кропил дощ, вітер стал сильнійший, море рокотало глухо и сердито. Один за другим ку выгасающей ватрі подходили коні и, оглянувши нас великими умными очами, нерухомо ставали, окружаючи нас густым колом.

— Гой, гой, гой! — крикнул им ласково Макар и, поклепавши долоньом шию своего любимого вороного коня, рюк, звертаючись ку мі:

— Спати час! — потом затулился з головою в чугу и, могучо вытянувшись на землі; умолк. Мі не хотілося спати. Я смотріл во тьму степи, и в воздухі перед моими очами плавала царственно красива и горда фигура Радды. Она притисла руку с прядью чорных волос к рані на груди, и через ей смуглы тонкы пальцы текла капля по каплі кров, падаючи на землю огненно-червеными звздочками.

А за ньом по пятам плыл удалый молодец Лойко Зобар; його лице закрыли пряди густых черных кудрей, и из-под них капали чисты, холодны и крупны слезы.

Усиливался дощ, и море співало смутный и торжественный гимн гордой парі красавцов-цыган — Лойкі Зобару и Радді, дочкі старого цыгана Данилы.

А они обое кружили во тьмі нocy плавно и безмовно, и нияк не мог красавец Лойко поровенатися з гордом Раддом.

* * *

ПРОВОДНИК

Скучно стало нам, — доктору Полканову и мі, — крачати другий день по горячому піску берега лівинвой Оки, мимо небогатых рязанских полей, под солнцем послідных дней мая; задуже тепле сего року, оно грозило засухом.

Всі найбільше трудны вопросы цивилизации и культуры мы з доктором вконец рішили ище вчера, установивши, што пытли-

вий розум чоловіка розв'яже всі узли и петлі соціальної путаниці, розрішит всі загадки бытия и, освободивши людей из хаоса несчастий, из тьмы недоуміній, зробит их богоподобними.

Но коли мы опустошали торбы наших знаній, рассыпавши мудрость нашу еден пред другим по дорозі квітами слов, — итти нам ставало все труднійше и скучнійше.

Вполудне натрапили на пастуха; зогнавши стадо ку ріці, он, маленький, сухий чоловік, з рапавими рыжими волосами на костях лица, поради́л нам:

— Вы бы лісом шли, лісом итти — холоднійше, ліс то — стародавній, зовеся Муромский; если го накрос перейти, просто в Муром зайдете.

Ліс непередвидний, синюватом стіном вихвалявся верстах в трьох от берега. Поблагодаривши пастуха, пошли мы межом, через поле жита; пастух, тріснувши бичом, закричав нам:

— Ей, заблудите вы в лісі! Зайдте в село, там ест знающий старик Петро, он вас проводит за пару копійок, за двадцет.

Зашли мы в село; хат с пятнадцет, приутилившихся под убочом, над маленьким поточком, торопливо и якбы перестрашено вытікающим з ліса.

Благообразный, сивобородый Петр, з невеселым взглядом сірых очей, починал діжку, вставляючи в ню дно; он выслушал нашу просьбу молчки, а тлустый мужик, котрый призерался його роботі, покурюючи пипку, рюк:

— Он вас доставит аккуратно. То у нас путеводитель найліпший на цілу околицу. Он знае ліс, як свою бороду.

Борода у Петра была не велика, не густа, а сам он был по-мужицки опрятный и дуже солидный, спокойный. Хороше, мягке и покорне лице.

— Ну, што-ж? — рюк он, отсунувши діжку долгом ногом в керпці. — Можно. Перекрестмесь и подме.. Полтину (пол рубля) — дате?

Тлустый мужик чому-си утішился, заговорил живійше:

— Полтинник — ціна дешева. Я бы вот за полтинник не пошол, ніт! А тот чоловік знае. Он вас под ноч доставит в самый Муром. Стежком поведеш?

— Стежком, — рюк Петро, вздохнувши.

Пошли. Петро, высокий и простой, з долгим кийом в руці, крачал впереди нас и молчал, якбы го не было. На вопросы доктора он отзывался не озираючись, коротко и спокойно.

— Ничого. Привыкли. Як вам повісти? Розумієся, што бідно жиєме.

Коли он рюк:

— И муряночка привычком жиє — доктора порушило; он вспомнил Вуда, Леббока, Брема и долго и восторженно говорил о интересном житю мурянок, о скромной мудрости русского народа и краснорічивой точности його языка.

Входячи в ліс, Петро знял кепку, перекрестился и объявил нам:

— Вот он, почался ліс!

Спочатку шли мы по дорозі меж отземками великих сосен, их корені перетинали глубокий пісок, розмятый колесами теліг. Перейшовши дас пол версты, путеводитель наш остановился, посмотріл на небо, постукал палком по отземку дерева и молчки, круто повернул на стежку, майже незамітну меж маленькими яличками; захрустіли под ногами сухы сосновы кокорудзы, нарушаючи важну тишину; она дуже напониала тишину старинного храма, в котром давно уж не служат, но ище не иссяк теплый запах ладана и воска. В зеленоватом мраку, дакади пробитом острыми лучами солнца, в золотых лентах стояли бронзовы колонны сосен, покрыты зеленым лишайком, сивыми клочами моха.

Потом, коли вошли глубше в ліс, мі здалося, што весь он яко-си нараз и чудесно оживился. Вмісто Соловья-розбойника свистіли дрозды, было много багряных клестов, крючковаты носы их неумоимо шелушили сосновы шишки, як сіра мыш бігал по отземкам поползень, мірно дзюбала кору жолна, тенькали суетливы синицы, рыжы вєвюркы перебігали по воздуху з вершка на вершок, распушивши хвосты. А еднако было так тихо, што даже доктор Полканов догадався: в той тишині наймудрійшы слова звучали бы неумістно.

— Заяц, — сказал наш путеводитель и вздохнул:

— Ех...

Я не помітив заяця. Стежка, — если лем она была, — удивляла мене своим капризным характером: часом, там, где бы она мала бути проста, она обходила вколот одільних груп дерев, а там, где перед нѣм стояли дерева густом стѣном и у их кореньов росли густо яфиры, она просто лізла через приземки сосен и, невидима, врізувалася в гушавину.

— Сейчас має бути поток, — рюк Петро дуже тихо.

Коли ми перешли дві версты я звѣдал го:

— А где тот поток?

— Видно, в сторону одышол, — рюк старый и, посмолрѣвши на небо, додал:

— Тот заяц... видите...

Доктор Полканов звѣдал:

— Мы не заблудили?

— Та чо? — спросил путеводитель.

Но коли почало темнѣти, а мы почувствовали себе дост змучены, нам стало ясно: заблудили. Доктор знов гречно вспомнул о том старому и получил певну отповѣдь:

— Таж я ту сорок раз ходил. Через версту часу буде вырубань, рубаньом выйдеме на лаз, обыйдеме го боком и знов в лѣс, а там и Муром буде видно.

Бесѣдуючи, он спокойно отмірювал палицом сажени и, не останавливаясь, крачал, отступал перед якимиси мѣ невидимыми перешкодами и не много звертал увагы на видимы перешкоды. Назначена ним "верста часу" ростягнулася на добру годину пути, рубань и лаз — тоже, здаеся, "одышли в сторону", не желяючи показатися нам. Но вот мы вышли на невелику поляну, серебряный мѣсяц висѣл над нѣм, освѣчаючи купу обгорѣвших дровен, и меж ними — чорный, розбуреный комин от розбуреного пеца.

— Я ту быгал, — объявил нам проводник, озераючись. — То — сторожка, лѣсный ту жил. Пьяница.

Доктор невесело, но твердо рюк:

— Заблудили.

— Може дакус и заблудили, — осторожно рюк старик, знявши кепку, глядячи на мѣсячок. — Заяц нам дорогу перешол, — нарікал он. — Круто влѣво мы скрутили. Днем — трудно ориентуватися, ночью звѣзда пути указуе, а днем небо пуста.

И, тыкнувши концом кия в головню под ногами, он, вздохнувши, додал:

— На лысой голові и вош не водится.

Тот чудачный додаток показался мѣ непотребным. Рѣшили отдохнути, закусити, сіли на чорны, отшлифованы дощом дровна, запасливый доктор вынял с торбы хлѣб, колбасу, печены яйца, открутил бляшане начинько зо шийки фляжки, обшитой кожом, налял коняку и предложил:

— Путеводителю!

Старик перекрестился на мѣсячок, выпил, — зачудовался:

— Дуже сильный напиток! На ладанѣ настоянный, ци як?

Потом он долго, молчки и завзято жувал колбасу, іл яйца и послѣ третьего пугарика росповѣл нам:

— Скрыватися от вас не буду, господа ласкавы, што мы заблудили, куды тепер ийти — я не згаю. Сами видите, який скушный лѣс: сосна и сосна, и нѣт помеж ней ниякой рѣжницы. Правду повѣсти, не люблю я тот лѣс. А што слава про мене пущена, якбы я мал быти первый знаток лѣса, так то насмѣшку надомном зробили люде. А початок тому дала малпа. Ту, видите, под Елатьмом, жила на дачѣ одна панѣ вдова, из Москвы; з малпом жила, и окаянна звѣрюка тота утекла от ней. Сами розумѣете: звѣр лѣсный, видит: — дерева, думает: — Господи, вот мене назад в Австрию привезли! И — махнула в окно, тай — в лѣс, а панѣ почала плакати, за звѣром, кричит: кто ей поймает, тому десять рублей! Было то давно, лѣт тридцет назад, в тоты часы десять рублей — корова, а не то, што звычайна малпа. Вызывался я меж другими ловити малпу, и штыри doby блукат за нѣм, стервом. Завзятый был и бѣдность пхала. Лѣсу того я тогды обышол не знаю сколько, може дѣс сотку верст. Сволоч тоту, малпу, я скоро примѣтил, хожу за нѣм, зоу: ки-кис; Машка, Машка. А у ней свой характер, она скачет з дерева на дерево, морды корчит мѣ, дразнит, пищит, як лишка. Птички ей, подлу, интересуют; за птичками гонится, ну, розумѣеся, русску птичку малпѣ не поймати. При всей мойой завзятости надола она мѣ, та и голод морил, ягодом сытый не будеш, а то я день и ноч за нѣм хожу, — не жарты! Бога молил: пошлий ты, господи, смерть на ню. Ну, вконец, она ослабла, подстерег я ей, пакость, на сучку невы-

соко, тай палицом и швырнул в ню, — звалилася, поползла недалеко, я ей в руки боюся взяти, ударил ище раз, а она мяукнула и —готова! Ну, ладно, пес тебе дери, думаю; взял и понюс ей. С паньом діло мое зле вышло, дала она мі вмісто десяти рублей — 70 копійок: дохлу, говорит, мі ей не треба. А для мене от того часу почалася страдна жизнь: церков ограбят: ку мі приходят, сейчас мене за колнір: иди, Петре, глядай злодійов, ты ліс знаєш. Біглий появится, коной украдут — знов мене гонят: глядай! Полюваче приіхали — тоже я проводить их. Так, зиму и літо, и ходил и хожу. Так. А у мене свое господарство. А мене все за проводника: жандарм, урядник, всі кричат: ты ліс тот знаєш, дурак! Довели до того, што я сам обманулся, повірил, якбы напавду, я знал ліс. Иду храбро, а войду и вижу: ничого я не знаю. А сказати людям, што не знаю — ганьба. Рахунку ніт, сколько я людей водил ту. Ученый еден из Москвы прибыл, на-

значили мене ку нему — показуй! Он для мене, ученый тот, показался тоже як малпа, хотя — солидный чоловік, з бородом. Ходит и ходит, а што му треба — не мож поняти. Травы нюхат, мычит. Ледво я його до-проводил до Карачарова села, откаль Илья Муромец родом, блукали мы тоже три до-бы. Проклинат. А мі тоже хочеса його па-лицом по голові, так мі надоіл! Ніт, дуже я не люблю тот ліс, великы неприятности я пережил при ньом...

Недружелюбно поглядівши на черне огниво дерев, в котром сиділи мы, як на дні ямы, путеводитель наш дополнил свою анекдоту:

— И, до того, я от молодости далекозорный; вдаль, якбы, добри вижу, а близко — мглз. З ганьбы все на заяцов складам, што. то заяцы збивают мя з дороги.

— Заяцов я подаремниці обвиняю. Вино-ватый я пред ними.

Тяжкий путь науки

500 літ тому назад люде ище вірили, што Земля, то найбільше тіло во всесвіті, што Солнце, Місяц и Звізды ходят вколо Землі, а Земля стоит нерухомо на едном місті. Так казала вірити людям церков. Так здавалося людям и на око.

Всі мы видиме, што каждого дня рано солнце всходит на восході, плавно поднима-ся до полудня и заходит вечером на захо-ді с тым, штобы завтра рано знов выплыти на восток и зробити свою дорогу по небі на запад. Та и Місяц, и Звізды, плывут собі по небі из востока на запад. Якже иначе ві-рити, як не так, што Земля стоит, а всі дру-гы тіла небесны обходят Землю доокола?

И так вірили люде дуже долго, покаль не появился ученый — **Николай Коперник**, кот-рый доказал, што то нич ише, лем обман, бо не другы небесны тіла ходят около зем-лі, а земля обертається найперше каждых 24 годин сама вколо своей, воображенной

оси, а за час едного року робит огромный путь во всесвіті, вколо солнца. Што мы то-го не замічае, то совсім природно, бо зем-ля обертається из запада на восток за едну добу, як тоже обходит вколо солнца за час року, ровно, плавно, тихо, без ударов, без потрясень. И солнце, и місяц, и звізды, то-же не стоят на одном місті, всьо плыве в огромном всесвітном пространстві, по при-родному, математичному праву.

Николай Коперник

Коперник родился в 1473 року в місті То-рун, в Польші. Послі смерти отца взял го на вихованя стрыко. Коперник ходил на уни-верситет в Кракові, потом в Италии выучил медицину и астрономию. В тоты часы вся наука в европейских университетах отбыва-лася на латинском языкі.

То были часы, коли студенты интересува-лися надзвычай астрономом, то ест науком о небесных тілах и их физичном праві, их

значит Солнце, Земля, Місяц и други планеты, што кружат вколо нашего солнца — то лем порошок в огромном просторі всесвіта, што таких солнц, из котрых кажде мае свои планеты, свои землі, незраховане число, их столько, сколько мы видиме звїзд на небі, тоты звїзды, то солнца, лем дуже далеко. А сколько мы звїзд не видиме, што они так далеко, што даже через телескоп людске око не досягне. Єдны из тых світов творятся, други пропадают, гинут. Тым світам нїт числа. Всесвіт бесконечный. За тото правильне учение о всесвіті Бруна почали переслїдувати. Його хитростю заманули в Рим, котрый был в тоты часы столицом папской державы. Ограничена папска держава была середина сегоднїшней Италии. Не ограниченом папском державом были всі католицьки краи в Европі, римский папа, через своих заступников, кардиналов, епископов и духовенство мал такий вплив на панующих, што ниякий панующий його волі не сміл спротивитися. В тот Рим привели Бруна и заточили в тяжку папску тюрьму. Спочатку требовали от него, абы отрюкса своего учения. 8 літ Бруно сиділ в тюрьмі, не отрюкса правды, он завзято и сміло защищал свое учение.

Коли папский суд засудил Бруна на смерть в огні, тот муж не показал страху и заявил судьям:

— Вы з большим страхом объявляете свой присуд, як я го слухам.

Он твердым кроком вышел на стос приготовленного дерева и сказал:

— Я умираю мучеником за правду.

Каты подавали му крест, але он отвернул-ся от них.

В одной книгі казнь Бруно описуется так: "Незадолго казнь... Звонят звоны... Шумит и волнуется огромна толпа народа... Раптом все утихает. Показалась процессия. Впереди повиват кроваво-красный флаг. За ним идут священники в блискучих ризах. Он идет повольно, на його руках и ногах звонят кайданы. Який он блідый! Але який спокойный и незахвїтный! Ни тини вагання на його обличі, освітленому глубоков думов. Великы смутны очы нерухомо смотрят вперед. От чого в них столько жалю, чого они жаліют? Ци житя, з яким расстається, ци про слїпоту тлуму? Але тяжкий путь скон-

ченный. Настает хвиля мертвой тишины. Бруно повольно всходит на стос... Його привязуют ланцухом до столба. Ни скаргы, ни звуку... Вітер, што подул, зарушал його каштановыми волосами и повивал в лице ароматом весняных квітов: послїдний привіт землі. Взор Бруно звернений на небо. Як все то прекрасно: тоты квіты, тот блеск весняного дня, тот бездонна синява неба, весь тот світ. Бруно не видит катов, які мечутся внизу и стараются запалити стос... Ище хвиля — занялося огнище, и столб поломени, што звисил вгору, заслонил мыслителя от взоров толпы."

Тепер великому Бруно стоит памятник на місті спаления, як великому мыслителю и мученику науки.

* * *

Через осем літ по смерти Бруно было найдено в Голландии побольшающее шкло, приближающая труба. Она приближала отдаленны предметы. О том дознался итальянский астроном Галилей и створил первый телескоп.

Телескоп был малый и слабый, але он раскрыл великы тайны всесвіта, які до того часу никому не были відомы. В первую звїздную ночь Галилей был зачудованный, коли увиділ в свой телескоп много тысяч звїзд на небі, котрых он не мог видіти простым оком.

Перший телескоп Галилея увеличал лем в три разы, але он приготовил другой телескоп, котрый увеличал уж осем раз. Як он был зачудованный, коли замітил на великой кулі планеты Юпитер три темны точки. Галилей з нетерпїнием ждал ночи, штобы переконатися, ци одошел Юпитер от тых трьох точек. Так, одошел от тых точек. Выяснилось, што они трохи пересунулися на запад. Он же четвертой ночи и переконуется, што то спутники Юпитера, як наш Місяц — спутник Землі. Потом нашолся ище спутник, и Галилей вызначил час их обороту наоколо Юпитера. Тому астрономы не хотіли вірити и еден з них даже не хотіл смотріти в телескоп.

Галилея не смутило таке недовірие, и он продолжувал свои спостережения. Місяц в телескопі оказался кулем з горами и западинами, подобными на дно моря. Яскрава планета Венера, што появляється вечерами

на востоку перша от других, в телескопі была подобна до невеликого серпа. Галилей почал призератися ей каждую нощ и установил, што при своем обороті вко́ло Солнца Венеру видно из Землі, як и Місяц, то в формі серпа, то полко́леса, то цілого колеса. Але простым оком того видіти не можна, хотя Коперник и предвиділ такы зміны. Они бывають от того, што Венера ближе Солнца, як Земля, и Солнце освічат ей то з одной стороны, то з другой, як и Місяц.

“Яку правду мал Коперник!” — думал Галилей.

Он перенюс телескоп в Рим и продовжував спостерегати. На Солнці он замітил плямы, які пересувалися все в одну сторону, што показувало, што и Солнце обертається вко́ло своей оси. Всі дивувалися новым открытиям.

Но на Галилея ждала доля Бруно. Почали му загрозувати каром. Учений не хотіл

молчати и написал книгу о своих открытиях, котры блестяще потвержували учение Коперника. Тогда його обвинили, яко еретика, заточили в тюрьму и послі мук под загрозою смертной кары примусили отречися учения Коперника. 70 рочный старушок примушенный был пред толпом народа узнати за помылку то, в чом он был переконанный, яко научной истині. Повідали, што Галилей, послі отречения от правды, сказал:

— А все ж она (Земля) обертається.

Отречение от правды уратувало життя Галилея, але його держали в тюрьмі ище рок послі того. Потом он прожил решту свого життя в своем будинку, недалеко от Флоренции под строгим надзором власти. Незадолго он осліп и помер в 1642 року.

Так папа и духовенство жестоко розправлялися з учеными, котры осмілювалися говорити народу правду.

Як захищали и добывали кріпости В стародавны часы

Коли западно-европейскы експерты будували Линию Маннергейма на Карельском перешей: і, то были переконаны, што ніт такой силы, абы тоты модерни укріплення могла пробити. Уврены в силі тых своих укріплений, нагуцканы западными империалистами, финскы білогвардейцы спровоковали своего великого сусіда. Бо то и была кріпость тотя Линия Маннергейма! Обыйти не мож, бо з обох сторон вода, хотя и замерзена зимом, но артиллерия може розбити леды и затопити людей. Ясно, што если бы западны експерты и финляндска команда предвидли, што тотя их линия буде розгромлена, то они бы не будували ей собі на гибель. Бо треба знати, што тоты подземны форты и казематы стали гробом для финляндской армии, а не ей обороном. Мощна совітска артиллерия залаяла желізом лавом тоту линию подземных укріпле-

ний так, што для скрытой там финляндской армии не было спасения. Там, в тых кріпостях погибли найліпшы части финляндской білогвардейской армии, так што Финляндия была мушена капитулювати. Красна артиллерия доказала западным знатокам укріплений и стратегам, што ніт такой кріпости, к т у бы не розгромила модерна совітска артиллерия.

Однако на западі не рішилися ни англо-французы добывать германский Вествал, ни германцы Мажино. Германцы, корыстаючи зо зрады французских генералов, обошли Мажино с сівера, через бельгийску территорию. Так што на западі не было рішено, ци модерни кріпости устоят против современной артиллерии. То рішено было на сіверо-востоці. Там показалося, што совітска модерна артиллерия и механизована армия бере найліпшу модерну кріпость. А то значит, што

западны експерты и стратеги мушены придумувати ище модернійшы кріпости, абы они могли устояти.

* * *

В стары часы люде не знали таких подземных фортов и укріплений. Кріпостью называлось місто оточене муром, а даже высокым кріпким деревяным частоколом, если город был тымчасовый — осада, колония. Но мурованы, стары города были дуже сильны кріпости против наїздников в стары часы, коли не была знана ище артиллерия. Звычайно таку кріпость не мож было добыти, треба ей было брати облогом, голодом. Греки мали облягати Трою долги роки, аж, по преданию, взяли ей хитростью. Побудовали величезного деревяного коня, в котрого середіні покрылися греческы воякы. Потом грекы отступили из-под города и отплыли в море. Троянцы, думаячи, што неприятелі уж навсе отступили, пробили сами отвор в мурі и втягнули в город того деревяного коня. Ночном годином скрыты в том коню воякы вышли и запалили Трою. Грекы вернули, вошли в город и захватили го.

* * *

В 334 року до Христа греческы войска вдерлися в Персию под командом найславнійшого полководца старых часов, царя **Александра Македонского**. Над ріком Граник Александр розгромил огромну перську армию. Лем невеличка часть спаслася бігством из поля битвы, и замкнулася в укріпленном городі Галикарнассі.

Галикарнасс был перворядном кріпостью на тоты часы, оточеный высокими каменными мурами. Александр, хотячи закончити розгром перской армии, приказал взяти город приступом.

В темну ноч подошли войска Александра под город. Почался штурм. Быстро подступили грекы под мур, подставили драбины и почали дертися по ним на мур. Но на муррах, заслонены муром, уж ждали на греков перскы воины, и хотя их было не много, але муры были их великом перевагом. Они могли разити греков из муров, котры их засланяли перед греками. Коли грекы дерлися по драбинах, персы тымчасом разили их каменями, стрілами и списами. Кто до-

сягал верха мурра, того встрічали мечами и спыхали в долину.

Грекы мушены были отступить з великими сіратами.

Ні стало рано. Под мурами города видно было много греческых трупов и много раненых, котры стогнали, просячи ратунку. Страты были так великы, што Александр не осмілился повторити приступ. Здавалося, што город не може быти добытый, што покаль тоты муры цілы, то ніт такой армии, котра бы могла вступити в город.

Александр постановил перейти до осады города. Он рішил проломити муры кріпости. Треба розбити муры, бо лем так мож вдертися в город и поргнати його защитников. Лем так приступ може удался.

Но мечами и копьями мур не пробьеш. Для пробитя мурра потребны специальны машины. И вот, берутся грекы до работы. Идут в ліс, рубают дерево, везут под город и ту майстры приступуют до будовы деревяных машин. На четвертый день машины побудованы.

Таки деревяны машины, из котрых мож метати великы скалы и колоды. Были то великы процы, котры натягали по шестюх и больше хлопов и выпускали на місто скалы по 40 и 50 килограмов вагы. Они ударяют в городскы муры и отбивают по фалатку з мурра. Дакотры скалы пролітуют до міста, пробивают дахы домов, убивают людей.

Така метална машина, як вспомнено, нагадуе процу, рогатку, с котрой діти мечут каминчики. Лем што вмісто тых рожков, то сильны столбы вкопаны в землю. Заміст гумкы, грубы канаты, якы скручены з воловых жил и кишок. Тоты канаты натягали за помочом дручка або колеса, а коли натягнули, закладывали затримку и вкладали в обойму скалу або колоду. На данный знак всі машины выпускали скалы и колоды на город. То была една стародавна облогова машина. Она кидала скалу на 400 до 500 метров. Называлася тота машина — **балиста**.

Друга стародавна машина для метаня скал называлася "**катапульты**". Головна ей часть была подобна до великой ложки выточенной в долгой и грубой колоді. Канатами из воловых кишок она была прикріплена до мощных грубых столбов закопанных глубоко в землю. За помочом корбы тоту ложку при-

гинали до самой землі. Коли лем натягнуу ложку пустят, ей конец кинеся в гору, ударится о моцну перекладину — и кине свой каменный снаряд з великом силом; камень, зробивши круту, високу дугу, летит до едного километра далеко. Греки не все метали скалы из катапульты. Вот раз они кинули из той машины в Галикарнасс бочку. Бочка, упавши в середину города розлетілася, а из ней заметалися на всі стороны ядовиты гады. Другым разом кинули смердячу падлину зо здохлого пса, потом ногу здохлого коня, штобы занечистити воздух в городі. То была артиллерия стародавних часов и ей “снаряды”. Падлина, то были труючы “снаряды”, котры заступали модерни газы бомбы.

За тот час, коли иде бомбардуваня из тых деревяных машин Галикарнасса, греки подвозят ку городским мурам купы землі и засыпуют ров перед городом. Бо стародавна кріпость была оточена не лем муром, але и ровом; звычайно тот ров был наполненный водою. Дармо персы кидают на головы греков каміня, ліют горячу смолу. Греки крыкся за тот час в приготовленных на колесах бугах, потом выходят и продолжают роботу, аж удалося им зробити насып — 100 метров долгий, 25 метров широкий. Уж тягнут по насыпи на катульках дві величезны облоговы башты. В каждой башті по 5 говерхов.

Ледго башты подсунули ку мурам, уж починают росколысувати грубу, тяжку и тверду колоду, што висит на ланцюгах в нижном поверху башты. Росколысавши колоду, с оглом ударяют в мур. Сыплеся на всі боки мур фалатами.

Так працуе **таран**. Он долбе мур до того часу, пока не продолбе го на другу сторону.

Персы усилиются запалити башту, ліют з муров горячу смолу. Але на верхних площадках вежы стоят легкы балисты и катапульты — меленькы сестры тых дальшых тяжкых. Канатами служат ту туго скручены воловы жилы. Тота “легка артиллерия” проганят персов зо стін кріпости, не дае им годпалити башту.

Пару неділь тя неся осада. За тот час життя в Галикарнассі стае нестерпиме: камені летят градом и руйнуют будинкы, трупы лю-

дей и звірин розкладаются и розпространяют смрод и заразу. Городский мур поддаеся под ударами таранов.

Наконец греки переходят до рішаючого штурму. Приготовлена для персов нова несподіванка. Катапульты кидают в город запалены бочки зо смолом. То “запальны бомбы” греков. У Галикарнассі почалися великы пожары.

Ище залп. На місто сыпуться соткы тяжкых скал. В тот сам час греки с криком кидаются до штурму, лізут в город з осадных башт и в пробиты таранами проломы в муррах.

Персы не выдержали: Галикарнасс добытый.

Так добывали кріпости, и так их обороняли в стародавны часы, коли ище люде не знали и не употребляли стрільного пороху.

Стрільный порох

Переходит от осады и добытия Галикарнасса 16 соток літ. 1342 рок по Христі. Испанский король осадил город Алхесирас, занятый тогды арабами.

Испанскы войска уж готовятся до штурму. Раптом на мурах міста появляются якыси до сего часу невиданы машины: Долга труба, подставка — вот и вся машина. В трубу штоси закладывают. Потом ку трубі подходит чоловік. Он не натягат канатов, бо их и ніт, як в старых машинах. Оң лем подносит до трубы огонь — раптом чути гром, с трубы летят дым и поломень, а потом летит железне ядро.

— Нич то инше, лем чары — в замішанію думают забабонны испанцы: кто може выкидати з машины ядро, як не накручуют, не натягают канаты. Никто инший, лем чорт. Ну и як боротися против силы дьявола?

И королевскы солдаты зо страхом утікали от муров Алхесираса. Молитвом они стараются прогнати “нечисту силу”, махают крестом на городскы мур — и знов идут до штурму. Але “нечиста сила” не боится ничого. Знов ку чортовским машинам подходит “чаровник”, подносит до трубы рогечену паличку... Знов с трубы вырываются дым и огонь, в испанске войско знов летит ядро. И даже ранит тых, што молятся.

Боротися з невидимом силом здавалося

безнайди́ним. Испанцы утікають даліше от муров города.

Быстро ширяться по всей Европі тревожны вiсти “про невідому силу, яка с шумом и громом, з дымом и огнем мече ядра, не знае пощады и не боится даже креста.”

Але купцы, — бывали люде, што обышли много крайов, — разъяснюють своим крайнам: ніт ту ниякого чуда. Уж давно відомо мудрым китайцам, што коли змішати салитру, сірку и угля и до той мішанины приложити огонь, то тота мішанина в моменті вспыхне и быстро згорит, даст много дыма и зо силом откине все, што лежит в коло. Китайцы з давен-давна вырабляют тоту мішанину и стріляють на потіху на свои праздники. А воювничы арабы замкнули тоту мішанину в трубу и примусили ей выкидати ядра. Та уж и дакотры европейскы майстры знакомы з огненном стрільбом. Уж три роки тому назад в Англии было приготовано таке орудие.

И вправді, европейскы майстры быстро овладіли новым вынаходом. В коротком часі послі осады Алхесираса, в бою при Крессі, во Фра́нции, англичане огненном стрільбом, дымом и громом пугали коней вражых рыцарей, каменными ядрами перебивали коням ноги. В том бою англичане наголову розбили французских рыцарей.

* * *

В 1453 року турки осадили Цареград (Константинополь). Под муров города подвезли осадны арматы. Ту были и стары машины, што метали камені, и новы — огнепальны.

Почалася осада.

Вот прауе метательна машина — франдибола. Франдибола — не дуже сильна машина: она мече камені заледво на двіста метров.

З метательными машинами конкуrowали новы огнепальны — бомбарды. Але з бомбардами трафлялися разны несчастны случаи. То една, то друга бомбарда розрывалася. При том она парила, ранила и убивала тых, што ей обслуговували и окружали. Желізны стінки бомбард не были сильны.

Турецкы воины боялися, сторонилися новых орудий. Говорили, што они больше небеспечны для своих, як для ворога. Иншаріч — стара машина. Правда, ніт в ней дыму и грому, але до дыму и грому враг уж приык и його тым не настрашиш. А зо старом машином работа простійша и беспечнійша.

Най майстры, што вырабляют такы немощны бомбарды сами стріляють зо своих ыробов.

И майстры возилися сами зо своими дітишами: годинами они наводили свои бомбарды, то вынимаючи, то подкладаючи деревяны клизы, штобы подняти або спустити орудие. Мірком они отмірювали порох для едзого выстріла. Нарешті майстер подпалювал гнот, а сам ховался в яму. То служило сигналом для осажденных. Они, видячи из муров, як крыєся майстер, то и сами крылися за каменны зубы в мурах, и ядро не причиняло великой шкоды.

Гордостью турецкого войска была велика мортира. Она выкидала чорны каменны ядра около 400 килограмов вагы. Падаючи, таке ядро от своей вагы наполовину врзивалось в землю. Але, правду повісти, оно не робило великой шкоды осадженным. Та и не часто падали такы ядра: клопоту з мортиром было столько, што она робила заледво сім выстрілов на добу. Нарешті, ей розорвало.

До дня штурму турки остави лем при старых машинах. Майже всі огнепальны розорвались. Штурм провадился по старому: тысячы людей дерлися на муров города. У турков было 50 гоинов на одного грека — и то рішило конец боя. Византия пала.

* * *

Счасом огнепальны орудия поправляются так, што вытисняют совсім деревяны машины. В наши часы артиллерия доходит до великой силы, досконалости и математичной тсчности, засыпаючи крiпости желізным градсм. Ніт такой крiпости, котра могла бы усто ти под огнем советской артиллерии, як показалося на Карельском перешейкі. Правда, русскы не славились, яко найліпшы артиллеристы.

В тропических лесах Африки

В Африке в области экватора плыне могут ріка Конго, друга найбільша ріка в світі після Амазонки богатством воды. Вся вода вливается в Атлантический океан. Постоянные ветры приносят из океана великие выпары, которые потом падают уливными тропическими дощами на величезной области между тропиками. Тропические зливы не похожи на наши зливы. Там за три години злива наліє воды на 10 см. Вода быстро сплыват поточками и річками в великанскую ріку Конго.

Так кружит вода цілий рік: она выходит, яка пара из океана, живит землю Африки и отплыват ріком Конго назад в океан. Беспрерывна вогкость в жарком климате творит буйную рослинность на величезной равнине, на которой вырос тропический ліс.

То чудо рослинности, хаотична мішанина пальм, фигового дерева, великанских папоротников, акаций, мимоз, ліян, орхидей, бананов, дикого винограда и много других рослин, которые сплітаються в непроходную гущавину. В таком лісі в день темно, солнца майже не видно. Деревя-великаны досягають 50 метров высоты и до трех метров грубости.

Ліс росне якбы на три поверхы. Внизу в полтемряві застеляють землю мохы и такие травы, которые меньше потребуют світла. Над ними подносятся корчи и низкорослы деревья, обвиты ліянами. Ліяны звиваються, як канаты з зелени и квітов, перекидаються з дерева на дерево и висят гірляндами в воздухе. На высоте 20—30 метров поднимаются зелены конари лісных великанов, што вкрывают своим листьем, як дахом, нижние поверхы. Часами ліяны звиваються по их приземках доверху и спадають вниз.

Земля покрыта гниющими колодами, купа-

ми ліян, што тліють, чепкими ползучими растениями, травом и мохом. Вогкий жаркий воздух помагат быстрому гнітю. То запричиняют шкочливы выпары, тяжкы для дыхания. Витер не може проникнути там, штобы освіжити воздух.

В часі страшных тропических бурок, когда блискавицы беспрестанно блискают и бьют громаы, ліс приходит в рух от ветров. Чутливый тріск, свист и скрип, падание вырванных с корнем великанов. Починається злива и вся природа перетворюється в хаос. Шум дощовой воды заглушат людский голос. Але заледво пронеся буря, ліс знов стоит тихий, величавый и безлюдный.

В густом непроходимом лісу тяжко пробратися для каждого звіра. Лем часом можно встрітити стадо слонов, яке ходит на водопий в ріку. Трафляються буйволы и кабаны, коло рік бегемоты и носорогы, а в річках крокодилы. Птахи дають знати о собі беспрерывным шумом и криками, але видети их майже невозможно. В гущавинах живут людоподобны малпы — гориллы и шимпанзы. На землі ползають зміи и ящуркы.

Але найбільше в тропическом лісі насекомых — мух, комаров всякого роду. Ту и царство серед вогкой гниющей рослинности. Коли приложити ухо до гнилого дерева, то чутливый беспрестанный шум в рередині и цвірі насекомых, што роється.

Найбільше нестерпимы невеличкы пчолы, которые стараються вжалити в око непрошеного гостя, залізаят вам в ноздри и ухы, лізут в рот. Оса бречит над ухом, величезный чмель снує перед носом, цілий рой мурашок сыплется з конарок на голову. Другая муха грызе ногы, залізат на шию. Арми термитов и жуков в день трафляються на к-

ждом місци, а в ночи беспрестанно цвірчат коники и цикады, ночны мотыльки и мушки массаи летят на огонь. Множество комаров, што ссут и жалят, не дают заснути.

В том страшном лісі нияких дорожок и стежок не было прокладено, коли вандровник Стенли з великим караваном арабов и негров постановил перейти через него по берегу ріки Конго. Десят місяцов люде шли майже безпрерывно в вогком задушливом воздуху з болотными выпарами. З дерев капала роса, як дощ, долго ранами прокрывала землю мгла, одежда николи не высыхала, быстро тліючи от гнитя.

В лісі не зустрічали поживных плодов, не удавалось убити звіра або птахов. Люде голодували и хворіли.

На початку подорожы Стенли писал:

“Мы полземе, хапамеся за што попало, протискуемеея через вогку гущу. Люде уж не не идут живо — каждый лем ся влече. Розмокла глина ховзатся под ногами, ноги грязнут в болоті. Всі цілковито змучены, а лісові и конца не видно. Послі полудня розложилися табором, цілковито змучены борбom з лісом гушавином, стомлены страшном спеком”.

Потом Стенли перешол с караваном через такой самый ліс по рікі Арувимі, што впливат в Конго. Там всяди зустрічали звалены дерева. Они в беспорядку завалили переходы, дакади лежали впоперек потоков, Люде падали с тых мостов, дерлися на рачках, поднималися по похилому дереву высоко в гору и перескакували с конари на конар. Цілы години вытрачали на тоты нестерпимы переходы в распеченой жарі и душном спертom воздуху.

З гушавины ліса вылітали часами затруты стрілы невидных ворогов, містных жителей.

Але найтяжше было, коли стратили стежку и шли по компасу, прорубуючи гущ. Часами за годину не проходили больше, як пол километра.

Часть людей загинула от той тяжкой подорожы, з голоду и от затрутых стріл місцевых жителей, котры боялися непрошенных гостей.

В таких тяжких условиях был зроблений тот переход тропикальным лісом Африкы.

В когтях льва

Было то в глубині далекой южной Африкы.

Над прекарсном долином Маботси быстро насувалася темна ноч. Яскраво блищали звіды на чорном небі. В селі негритянского племени бечуанов погасили огні. Жителі, утомлены денными роботами, заснули мощным сном. Близко хат в загородках з высоким плотом из колючой акации были коровы и овцы.

Затихло все в природі. Затихло життя в селах.

Раптом ночну тишину роздер рев льва, котрый приближался к одному из сел. Спочатку його рев короткий, урывистый, он поступово переходил в грозный рык, який потряс околицу, як гуркот грома. В отвіт розлягалися з разных сторон иншы голоса. То страшны звіры збералися на ночне полювання.

Заметалися в загородах коровы и овцы, выдаючи жалостны звуки, побудилися в хатинах діти и почали плакати, дорослы тремтіли от страху, боялися высунути за двери.

Кровожадны розбойники газдували на волі без нияких перешкод. Могучими скоками львы перескакували колючы плоты в 2—3 метры высокы и нападали на безборонных коров и овец. И такой в загороді пажерны звіры справляли свой ночный банкет, не боячися людей.

Нарано, нажерты звіры тихо зникли в лісных зарослях.

Так штоночы нападала на тото або друге село зграя львов, яка появилася в той або другой місцевости. Не зустрічаючи отпору, львы сміло нападали ночами, мордуючи скот, а часами осмілювалися нападати и на людей, што выходили с хижин на помоч скотині.

Едного разу лютий звір вдерся в хижину за негром, што утікал, и зажер го на очах збожеволілої жены, яка встигла сховатися з дітми под шкуру убитого звіра. Другым разом на очах матери лев схопил с хижины хлопця літ 12 и зажер го в корчах. Мати да ремно голосила и кликала помочи, никто ей не допомог и не погнался за пажерным звіром.

Беззащитны жителі часами днем устроювали впольны облавы в зарослях. Але што они могли зробити без стрільб, лем зо старыми списами? Коли появились львы, люде розбігалися на всі стороны и звіры зникали. Оставал им лем еден выход освобоditися от страшных звіров — переселитися в ишу отдалену околицу.

Поблизко одного из сел жил молодой англичанин доктор Давид Ливингстон. Он купил кусок землі у начальника племени, побудував будинок и почал жити в ньом с помощником Мебельве з бечуанов. Они засадили сад, завели школу, доктор лічил хворых, а Мебельве учил дітей.

Добрый доктор дуже жаліл бідных безпомочных жителей и задумал им помочи. Дознавшись, што львы покидали околицу, если там был убитый еден лев, он постановил з Мебельве ийти на полюваня зо стрільбами и убити хотя бы одного звіра. З ними выбралися и негры.

Незадолго нашли сліды львов в гущавині среди горбов и оточили ліс, поступово съужаючи коло.

Раптом доктор замітил на скалі льва, але выстрілити не встиг. Мебельве выстрілил перше и не трафил, а звір зробил скок и зник в корчах. Бечуаны (негритянске племя) не отважилися напасти на него. Потом увиділи ище двох львов, але и они встигли скрытиса, прорвавши ланцух полювачов, што розбігалися при появі грозных звіров. Послі той неудачы постановили вернути дому. Ливингстон, оминаючи вершины горба, увиділ великого льва кроков на тридцет на уламках скалы. Доктор старанно прицілил через корч и отразу выстрілил з обох люф.

Але звір не звалился зо скалы, як убитый, и не присіл, як смертельно пораненый, а люто махал хвостом и готовился напасти на доктора, котрый заряжал стрільбу. В еден момент лев скочил на него и вчепился зубами в плечо. Страшно рычучи над самым ухом, он тряс свою жертву, потом кинул на землю и наступил лапом на голову.

Лежачи под львом, Ливингстон замітил, што на 15 кроков Мебельве цілит в звіра зо стрільбы. Але стрільба у него была стара, ище с кремньом, заміст пистона. Руки учителя тряслися зо страху. Он спустил курок — осічка, спустил другой — нова осічка.

Лев кинулся на Мебельве и влялся зубами в стегно. Тогда один храбрый бечуан напал на льва зо списом. Лев кинулся на него и схопил зубами за плечо. Але в тот сам момент он упал на землю без руху, от утраты крови. Обідві кулі доктора зробили свое.

Всьо сталося надзвычайно быстро. Величезный звір был пораненый майже смертельно, але борслся за свое житя и пред смертью встиг покусати трьох людей.

У Ливингстона оказалось 11 ран, котры оставили рубцы на ціле його житя. Рука была поламана и зрослася не совсім правильно.

На слідующий день бечуаны устроили бенкет коло трупа льва. Каждый старался добыти хоц малый кусок сердца, думаючи, што буде храбрійший, если зіст кусочок сердца льва.

Пострадавшы на полюваню поправилися от ран, а звіры перестали нападати и зникли з місцевости.

В тоты часы львы водилися во всей южной и центральной Африкі, але тепер в многих околицах они совсім вынищены колонистами. Прото ест місца, где они держатся до сего часу в зарослях на окраинах лісов и роблят ночны напады на травоїдных животных, збираючися на таке ночне полюваня по 6 и больше штук.

Вожакы отшукуют в травах на ночовлі стада зебр, антилоп, жираф, буйволов и грозным ревом жен,т их на других львов, што засіли в засаду. На буйвола нападают два и три львы, бо еден не poradит з буйволом.

На людей львы нападают рідко — лем як дуже голодны, стары, або в самообороні. Але раз засмаковавши людского мяса, левлюдоїд стае смілым и нагадат на людей даже дньом, вдератся в село.

Приміров таких нападоч ест много.

В одной колонии лев загрыз пару негров. Одного разу из громады людей в 40 чоловік в день лев схопил носильника, а вечером листоноша. Через пару дней нахальный лев вдерся в хижину и схопил солдата. Товариш оборонил го горящом головньом. Через два дни лев догнал под самым селом старшину и загрыз го, потом напал на работника, што сиділ кело ідла с товаришами.

При будові Угандської залізної дороги в 1899 року, два льви людоді навели паніку на робітників індусів, знищивши за єден місяць двадцять осем землекопів. Індуси покидали роботу і повтікали в місто Момбас. Лем через три неділі они повернули, коли інженери убили львів.

В Южной Америкі

РІКА АМАЗОНКА

Єт в світі ріка, яка неслла бы в океан таку массу воды, як несе ріка Амазонка, што пропыват попереk Южной Америки. Она начинатся в горах Андах и на отдалении 1000 километров тече з Анд по горських ущелинах и потом вступат на равнину.

Заледво Амазонка приняла первы свои притоки, она робится ширша от ріки Волги, а тымчасом она мае ище течи 450 километров и соединитися с многими иными ріками.

Нарешті под самым экватором Амазонка росширятся в ціле море и вливат в Атлантик так много воды, што на 500 километров от ей в иву в море, далеко в морі, можна видіти коломутны річны фалі.

Ровнины Амазонки жаркы и вогкы. То природна теплица величины ледво не в Европу. Але тота огромна равнина мало ище знана людям. Проли нути в тоту теплицу майже невозможно по той причині, што она вся заросла густыми болотными лісами. Ліс складатся з высокых, як го онны, дерев, дуже грубых. Пару людей, взявшися за руки, ледво можут обняти в приземку єдно таке дерево. А всі дерева разных пород: або з великими споряными блисчачыми листками, або з дробными ци пірястими.

Лияны грубы и долги, як морскы канаты, обвивают грубы дерева. Всьо то сплелося, герепутало в таку гущавину, через котру невозможно продертися, аж треба прорубувати дорогу согіром.

Шобы хотя скільки-небудь ознайомитися с природом тых лісов, мы наняли великий човен и с проводниками индийцами пустили вниз по Амазонкі на пару сот километров.

Вчас рано воздух над ріком свіжий и холоднуватый. З блисчачого листа величезных дерев и з даху нашого плаваючого будиночка капат ночна роса, якбы через ноч они были змочены дощом. Лем зрідка повіват слабенький вітрик. Ріка гладенька, як зеркало.

Помалы в лісі починатся бурне житя. Табуны качок злітаються на гладку воду, совсім не боятся людей. Цілы хмары чорноголовых чайок с криком кружат над ріком. До берега подходят олені и дику козы, а щелест в густой гущавині говорит о присутности малл. Незамітны в гущавині папугы разных видов сідаєт на плодоносны галузкы дерев и тогда градом сыплются вниз лузга и ягоды. Всьо ліс наполняется голосным стуком разнобарвных дятлей (жолн). Часами з лісної глушины, где земля вогнійша, роздаєся шум, якбы отряд кавалерии приближался быстрым галопом. То стадо водосвинок допче вогку землю, выганяючи з ней хробов и мух.

В лісах Амазонки, в водах, воздухе — кипит житя. Правда, в темной глубині ліса коло корней дерев мало животных, але верхы дерев, якы купаються в солнечном світлі, обліплены инсектами и птахами.

В том царстві лиян (виючихся рослин) звіры пользуются рослинными канатами, штобы взрапатися поближе солнца и свіжого воздуха. Большинство амазонских звірей пристосовано до житя на деревьях. Там начисляют тридцать осем видов малп, з яких всі лазуны, всі з долгими и чепкими хвостами, што допомагают роботі штырох рук. Амазонский медвідь тоже спрытно взбератся на дерева. Мурияоды, лінивцы, разные виды білок (вевюрок) майже не спускаются на землю. Треба додати до того, што много змій и инших ползунов живут лем на деревьях. Коли величезный удав (уж дуситель) обвиєся наоколо суков и дримат нерухомо, його трудно стрижнити от лияны.

Але головне царство деревных верхов становлят птахи и мухы. Меж мухами єст много таких, сильно размножение яких стає згубным. Так ночны москиты и денны мухы "піум" ділають даякы островы Амазонкы совсім недоступными — до них страшно и приближаться. Муриянка "сауба" отгрызат кускы листа и несе их в свои долги под-

земны коридоры; кофейны плантации часто совсім нищатся ватагами тих розбойников. Друга муранка — “огненна” — ище страшнійша; трафлялося, што тоты муранки примушали утікати цілы села индийцов.

* * *

Приближатся полудне. Солнце надто палоче, даже для жителей горячих краёв. Всьо спішит в найгустійшу тінь, много звірины и птаства засыпают. В природі настае покой, німа тишина. Ниякой хмарки не видно на небі. Листя величезных дерев блищит под прямовидными лучами солнца, ненарушный покой панує внизу, где лем зрідка перелітают с квітка на квіток маленькы пташкы колібры або мотыльки. Не видно ни рыб, ни водяных птахов, лем на піщаных намуловых островках лежат величезны крокодилы.

З настаньом темноты мы останавлимаєся дагде коло широкой піщаной намулины, старанно привянуєме човен и укладаєся на ноч. Старамєся выбрати даякий островец (выспу), бо отдаль от лісов и перешкода з воды забезпечуют нам покой от диких звіров.

Индийцы набирают дров для ватры, а по дрова итти недалеко: на вершку острова немало дров, принесеного водом. Розложивши огонь, индийцы берутся ловити рыбу. Рыбы подходят сами ку світлу, а индийцы надівають их на списы. Часами налапают черепах, які выползают на пісок зарывати свои яйца. Отже, вечеря нам приходит даром.

Коли зме повечеряли, индийцы долго хлюпалися в воді, притягли ище дерева на огонь и потом полягали спати еден коло другого под чорным плащем. Спокойне дыхание их указує, што они заснули. Зато не так легко заснути європейцу, зачарованому величиєвостью и торжественностью незвычайной обстановкы.

Тихо плещут фалі в піщаний берег, и ничий крик не порушує ночной німой тишины. В мертвой тишині чути лем шелест ползучой комахы, и ухо ловит плюск подскакуючей рыбы. И на небі панує такой самый покой

— ни одной хмарки не видно. Раптом зашумит вдали вода, якбы налетали фалі на фалі, и здаєся якийси дивный рух на середині рікы. Пробудилися индийцы и шепчутся боязливо. Они думают, што даякий величезный водяный змій, даяка потвора робит тот незрозумілый шум.

Ополночи перший раз порушуєся покой спячого ліса криками животных, и от того часу тоты крикы повторяются от часу до часу. Чым ближе до рана, то и частійше чути тоты крикы. Але незадолго до восходу солнца настае тишина, яка была и на початку ночи. Часами, з невідомой причины, фалювание в світі животных досягат такой силы, што весь ліс наповняється тысячами розмаитых голосов, зойков и криков. Тота шумлива тревога не замолкає до того часу, покаль не блиснут солнечны лучи, які розганяют страх.

* * *

Басейн Амазонкы занимає площадь понад 7 миллионов квадратных километров и незвычайно богатый на світло, тепло и житя. Грунт незвычайно урожайный, дощов поддо- статком, стоит дуже сильна спека. Земля с чудесном силом вырощує всьо, што на ней посіяно. Але ту уже вырастат много диких рослин, што глушат посівы. Отже потребна постоянна борьба з лісом и густом рослинностью вильготного жаркого климата. Потому население в лісах Амазонкы рідке и всі найліпшы місца захвачены иноземными колонистами под плантации. На тих плантациях колонисты примушуют працювати индийцов, як рабов и военноплінных. На плантациях працюют тоже негры невольники, привезены с Африкы.

В лісах по рікі Амазонкі ростут прекрасны каучуковы деревья и какао, які притігають експлоататоров из краёв Европы. Они примушуют своих рабов зберати в лісі каучуковый сок и плоды какао, з яких выготовляють шоколаду. Робота зберания каучуку и какао дуже тяжка и небеспечна. Дику звіры и комары задають великы шкоды роботникам, тропична малярія губит людей беспощадно.

С. Мяч.

ИНТЕРЕСНО ЗНАТИ

(ИЗ “СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ” — М. ИЛЬИНА)

ЦИ ДАВНО МЫЮТСЯ ЛЮДЕ?

Рідко в даяком місточку ніт сейчас водопровода. Каждый з нас тратит денно галонів 10—12 воды. А в стародавны часы житель великого міста употреблял лем еден галон. Так тепер подумайте, ци мог он часто мытися и сколько мог тратити воды на прання и мытья комнат.

Та и не чудно, што воды тратили мало: водопроводов тогды не было. Дагде на пляцах были студні, и воду треба было волоčiti ведрами, як и тепер ище трафятся в маленьких місточках. В студнях часто находили здохлых котів и щурів, вода была воняча.

В стародавны часы людям не доставало не лем воды, им не доставало и почутя чистоты. Мытися люде почали совсім недавно. Літ триста тому назад даже королі не уважали за потребне мытися каждый день. В роскошной спальні французского короля вы нашли бы огромне ложе, таке велике, што його немож было постелити без помощи специального инструмента — “постельной палицы”. Вы нашли бы там пышный балдахин на штырьох позолоченых колоннах, подобный до маленького храма. Вы нашли бы там великоліпны ковры (капеты), венецианскы зеркала, години работы найліпших годиняров. Но сколько бы вы не глядали, вы не нашли бы умывальника, ни даже простой мыльницы.

Каже рано королю подавали мокрый ручник, котрым он вытерал лице и руки. И всі думали, што того совсім достаточно.

На прання воды тоже росходували немного. Білизну хоц и носили, але смысла в том было мало. Даже богаты люде міняли кошелю раз на місяц, а часами раз на два місяцы.

Тогды думали не о том, абы кошеля была чиста, а о том, штобы корунки на манжетах были дорожшы, и груди красше вышиты. На ноч кошелю знимали разом з другим одіньом и спали голо.

Лем двіста літ тому назад додумалися, што білизну треба міняти частійше.

Хустинка до носа тоже появилась не дуже давно. Ёй всего лем двіста літ.

Спочатку таком хустинком пользовались лем немногы. Меж богатыми и знатыми людьми находилися такы, котры уважали хустинку до носа непотребном роскошом.

Пышны балдахины над ложами устроювалися не так для красоты, як для того, штобы спастися от блощиц, котры падали с повалы. В стародавних палатах до сего часу сохранилися такы парасолі от блощиц. Блощиц и в богатых палатах было видимо-невидимо.

Балдахины мало помагали. Блощицы залізали и укладывалися в их фалдах ище з ліпшом выгодом.

Канализации не было. Помыи выливалися прямо на улицу из окон. Брудна вода стікала в канаву, вырыту в середині улицы. Вонь от канавы была так мощна, што прохожы старалися проходить по-под стінами домов.

И не чудно, што в стародавны часы люде хворіли больше, як тепер. Никто не знал тогды, што где бруд, там и зараза. Бывало, што цілы міста вымерали от страшных хворот — чумы, черной оспы. Из десяти дітей до десятилітнего віку доживало лем пятеро. На каждом корнері мож было видіти много жебраков калік, подіравленых оспом и проказом.

Што зробило нас здоровыми и кріпшими по містах? Водопроводный кран, кусок мыла, чиста кошеля.

ЧОГО ВОДУ ПЬЮТ?

Вопрос, здається, такий простий, што и спрощувати ніт чого.

Але коли спросиш, то оказуєся, што из десяти людей лем еден знає, чого воду пьют.

Вы скажете: воду пьют потому, што хочєся.

А чом хочєся?

Тому, што без воды жити немож.

А жити немож потому, што мы воду цілий час расходуєме и нам треба ей запас дополняти.

Дыхните-ле на холодне шкло. Шкло запотіє, покрьєся капельками воды. Откаль взялася вода? Из вашого тіла.

Або, повічме, вы в жаркий день вспотіли.

Откаль взялся пот? Знов отталь, из вашого тіла.

А раз вы воду расходуєте, тратите, вам треба от часу до часу запасатися новом.

На добу чоловік тратит цілых 12 шкьянок воды. Значит, стілько и треба йому выпити або зісти.

Та ци воду ідять?

В том-то и діло, што ідять. В мясі, в яринах, в хлібі — во всякой іді воды далеко больше, як твердого материала. В мясі воды три раз больше, як твердого материала, а огурец, лак тот майже цілий з воды.

Та и в вас самих воды майже стілько, сколько в зеленом огурку. Если вы важите 90 фунтов, то в вас близко 80 фунтов воды, а лем около 10 фунтов твердого материала. Тіло взрослого чоловіка содержит воды меньше, но тоже около трьох четвертых частей вагы.

— Чом же люде не розливаються по землі, як киселица?

Вся штука в том, што не так важно, из чого построєна річ. Головне — як она построєна.

Если мы рассмотрим под микроскопом кусочек мяса або огурка, мы увидиме множество кліточок, наполненных соком. Сок тот не выливается из кліточок зато, бо они зо всіх сторон замкнены. В том цілий секрет. Значит, вода головный материал, из котрого побудуване наше тіло.

И зато не чудно, што чоловік може долго прожити без іды, а без воды не може прожити и пару дней.

ЦИ БЫВАТ НЕПРЕВИДНА ВОДА И ПРЕВИДНЕ ЖЕЛІЗО?

Каждый повіст, што вода превидна. А на самом ділі она превидна лем в тонком слою. На дні океанов ноч, потому што солнечны лучы не можут перейти глубоко воду.

Но не лем вода — каждый материал в тонком слою превидный, а в грубом — ніт. Возте, наприклад, кусок білого и превидного шкла и посмотте на него з боку. Шкло оказєся и не білым и не превидным.

Недавно еден ученый из желіза зробил пластинку грубости в одну тысячну часть миллиметра. Пластинка тота превидна як шкло и майже совсім безбарвна. Положивши ей на страницу книжки, можна без трудности читати найдробнійший шрифт.

Таки самы превидны пластинки ученый приготовил из золота и из других металлов.

ЦИ ДАВНО ЛЮДЕ НАУЧИЛИСЯ ДОБЫВАТИ ОГОНЬ?

В стародавны часы люде думали, што в огню живут маленькы огненны ящуркы — духы огня. А были и таки, котры уважали огонь за бога и будували в його честь храмы. Соткы літ горіли в тых храмах світильники, посвящены богу огня.

Обычай поддерживать неугасимый огонь — еден из самых стародавних на землі. Много десяток тысяч літ тому назад люде не знали добывать огонь. Они не добывали огонь, а **находили**, як тепер находят драгоценны камені. И не дивно, што огонь тогда хранили, як великий скарб. Если бы он погас, другого достати не было бы где, бо зробити огня люде не уміли.

Бывало, што перун запалєл дерево. Люде зо страхом смотріли на огненного звіря, котрый пожерал дерево, с тріском ломаючи конари и слизуючи языком кору. Подойти ближе было страшно, а уходити не хотілося: в холодну ноч было тепло и весело коло горящего дерева.

Первобытний чоловік был смілом истотом. Он часто мушений был боротися и с огромным косматым мамонтом, и с силачом пещерным медведьом. Нашлисы наконец и таки смільчаки, котры не побоялися приближаться ку гаснущому огню от перуна.

Мы не знаме, кто первый осмілился схватити горящий сук и принести дому, в пещеру, то-ту чудесну добычу. Може тото зробил не еден чоловік, а пару людей в разных місцах. Но як бы оно не было, а нашлись смілы, вынаходны люде, котры уласкавили огонь, як уласкавляють диких звірей.

Вынаход Эдисона, котрый зробил перву электричну лампочку, маленький вынаход в поровнянню з вынаходом тых покрытых волосом, долгоруких, косолапых людей. Не было бы огня, мы бы и сегодня были подобны до орангутанов або гориллов.

Яркий огонь освітил пещеры и землянки первобытных людей. Но минуло ище много тысяч літ, покаль люде научилися добывати огонь.

Коли чоловік научился добывати огонь, он уж не боялся, што го може стратити. Если буря або злива гасили ватру, все было можно розпалити новый огонь.

Но ище долго в храмах горіли неугасимы світильники, напоминаючи о том часі, коли огня не уміли робити, коли огонь был рідком и дороговцінном находком.

Як то не дивно, але самый стародавний способ добывания огня сохранился до нашего часу. Первобытны люде добывали огонь, тертьом одной деревяной палочки о другу.

Мы тоже добывае огонь тертьом патички о пуделко.

Но разница ест, и дуже велика. Запалити нашу патичку справа едного момента. А штобы запалити кусок дерева через тертя, хоцбы и дуже сухого, треба помучитися пять минут, або и больше. Та и знати треба. Нашу патичку каждый запалит, але пробуйте добыти огня первобытным способом!

ЧОМ ПАТИЧКИ ЗАПАЛЮЮТСЯ?

У первобытного чоловіка не было таких прирядов, якы ест у нас. У него не было ни пилы, ни сокиры. Пилил он и стругал острым каменем або костью. Робити таким инструментом было нелегко. Треба было так долго терти и скоблити, што дерево затлівалося и даже часами запалювалося. Тото, правдоподобно, заставило чоловіка догадатися, што огонь можно добывати тертьом.

Для того, абы дерево запалилося, його треба сильно нагріти. Значит, и терти едну палочку о другу треба дуже долго.

Друга справа — сірники. Головка сірника зроблена из материала, котрый запалят-ся даже от маменького нагрітя. Дост доткну-тися головком сірника до горячого желіза, наприклад, приложити ку горячей печной дверкі, штобы сірник запалился. Но прило-жете другой конец, патичка не запалится.

ЦИ ДАВНО У ЛЮДЕЙ СІРНИКЫ?

Сірники вынашли совсім недавно. В 1933 року мы празднували столітие первой фабрики для výroбу сірников. До того часу, то ест пред сто роками, огонь добывали другими способами. Вмісто пуделка с патичками люде пред сто роками носили в кишени маленьку скриночку с трьома дивными предметами: кусочком стали, невелич-ким каменчиком и кусочком чогоси подоб-ного до губки.

Если бы вы звідали, што то таке, вам сказали бы, што сталь — то огниво, камен-чик — то кремень, а кусочок губки — трут.

Ціла купа предметов заміст едного патич-ка!

Як тогды добывали огонь?

В одной руки чоловік держал огниво, в другой кремень и трут. Он ударял огнивом о кремень. Ниякого результата! Ище раз! Знов ничего! Ище раз! Из огнива выскочила искра, но губка, трут, не затліватся. Нако-нец, в четвертый и пятый раз губка затліват.

Правду повісти, то была теперішня наша запальничка. В запальничкі тоже ест кусо-чок стали — колечко, ест и трут — гнотик, промоченый бензином.

Выкресати огонь было не так-то просто. Коли европейскы путешественники хотіли научити гренландских ескимосов своим спо-собом добывати огонь, ескимосы не хотіли. Они казали, што их старый способ тертя ліпший. Они обертали ремнем палочку, по-ставлену на кусок сухого дерева.

Пробували и европейцы вынайти простій-шы способы добывати огонь, и вынашли, но всі тоты способы невыгодны и дорого ко-штували.

Так продолжалось до того часу, покаль не вынашли фосфорны патицкы.

Фосфор — то материал, котрый запалят ся при найслабшом нагрѣтїю — всего до 60 градусов. Здавалося бы, што лїпшого материала для добывания огня и придумати немож. Но и фосфорны патицкы доничого в поровнанию до наших.

Они были дуже ядовиты, а головно запалѣлися дуже легко. Штобы запалити патицку, дост было черкнути ей о стїну, або даже о холяву. Коли патицка запалѣлася, она трїскала и розлїтувалася, як маленька бомба. Згорївши, патицка оставляла по собі скверну память смродливого сїрчаного газу. Крім фосфора, в головкѣ была ище сїрка, котра, горївши, оберталася в сїрчаный газ.

Лїт 60 тому назад появилися наконец “безопасны” або “шведскы патицкы”, котры мы употребляме тепер. В головках тых патицок фосфора совсїм нїт, он замїненый другим материалом. Сїрки в них тоже нїт. Они безопасны и не так ядовиты.

ШТО ТАКЕ СУП

Многы думают, што бульон дуже поживный. А правду сказати от бульона поживы мало больше, як от чистой водичкы.

В тарелкѣ бульона девятнадцать ложек воды и лем една ложка всяких других складников. Если бульон варити, покаль вся вода не выпаруе, то на днѣ горьчка майже ничего не останеся.

Если талерку супа отнести в лабораторию и зроби́ти анализу, розобрати, то окажется, што крім 19 ложек воды в тарелкѣ супа $\frac{1}{4}$ ложки толщу, $\frac{1}{4}$ ложки клею (так, та, найзвычайнїйшого столярского клею!), немного солей (не лем звычайной соли, но и других солей). А остальне — то “вкусовы складники”. Так называют тот складник мяса, котрый робит го вкусным, смачным, и котрый при варенію распущается в водѣ.

Но не лем в супѣ, во всѣм, што мы їме, о много больше воды, як нам здаеся с первого взгляда.

В яринах воды так много, што они робят ся легкими, як пух, если их высушити. В фунтѣ мяса — воды три чверти фунта. В крѣтшкѣ так само.

ЧОМ МЫ ЇМЕ МЯСО?

Мы покончили с супом, можно взятися за мясо. Если бы мы зроби́ли анализу (розобрали) мясо, то мы бы дозналися, што в мясѣ, як и супѣ, ест вода, вкусовы складники и соли. Но, крім того, в мясѣ ест ище еден складник, котрого в супѣ дуже мало, — а то бїлко.

Коли мясо варят, часть бїлка выплыват зо шумовином. Газдыні знимают шумовину, штобы суп был красший, чистїйший, — а робят то непотребно, бо отбирают найпоживнїйшу часть в супѣ.

Без бїлков нам не мож жити, потому што и наше власне мясо, як биф або телятина, складат ся майже цїлковито из воды и бїлков.

Если мы будеме живитися такими потравами, в котрых много толщу, цукру, крохмалю, но нїт совсїм бїлков, мы вчастнїйше ци позднїйше погибнеме от недостатку будовляного материала для нашего тїла.

Пожива, значит, быват двох сортов: толщ, цукер, крохмаль — то ест топливо, котре огрїват наше тїло и приводит в рух цїлу нашу машину. А бїлки — то головный будовлянный материал, с котрого мы будуе́ме наше тїло. Розумїеся, коли нїт дров, приходится палити столкы, — коли нїт толщов, цукру, крохмалю, в чоловіку палят ся бїлки. Значит, бїлки можут служити нам и будовляным материалом и топливом. И для того бїлки так конечно потребны для людского тїла.

МОЛОКО

Найлїпша пожива в свѣтѣ, то тота, котром звїр кормит своих дїтей, — молоко.

Из молока вырастают мускулы, кожа, шерсть, кости, когти, зубы. Молоко претворяет слабе львятко в мощного льва, рык котрого потрясат скалы. Огромный кит, як и маленька морская свинка, вскормлены молоком.

В молокѣ ест всьо, што потребно дитинѣ: в нем ест и вода, и толщ, и цукер, и бїлок, и соли.

Толщ плават в молокѣ в видѣ множества дробненьких капельок. Так як толщ лекший

В торжественны дни сыр ставят на стол. Сыр тот товаришит чоловіку от колыски до гробу. Умираючи, властитель сыра оставляют го своим дітям.

Швейцарскы газеты писали о сырі, котрому минуло 120 літ. Того “діда” покраяли і зіли недавно. Был дуже смачный.

ШТО ІЛИ В СТАРОДАВНЫ ЧАСЫ?

Хліб

Были часы, коли люде не уміли обрабляти поля и живилися майже лем мясом. Люде іли не лем звірей и птахов, убитых на полювачкі, но и плінников, захваченных на войні.

Повідають, што воины одного африканско-го племени кидаются на врага с криками: “Мясо! Мясо!”

Який страх должен наводити тот крик на розбитого и утікаючого противника!

Один из первых американских колонистов в Сіверной Америкі росповідал, як были зачудованы индийцы, увидівши хлібны поля білых. Вот яку бесіду выголосил вождь одного племени своим товаришам индийцам:

— Білы сильнійшы от нас, потому што они ідят зерна, а мы іме мясо. А о мясо дуже трудно. Мясу треба пару літ, чтобы оно выросло. А każde с тых чудесных зерен, котре білы люде кидают в землю, вертатся ку ним с сотком других всього через пару місяцев. У мяса, котре мы іме, — штыри ногы, чтобы утікати от нас. А у нас лем дві ногы, чтобы го доганяти. А зерна остаются и роснут там, где их посіют. В зимі мы мерзнеме в лісах, бавиме по цілых днях на польовачкі, а білы отпочивают у себе дома. Я кажу каждому з вас, кто хоче мене слухати: Скорше, як упадут дерева, котры роснут у наших жилищ, — люде, котры ідят зерна, вынищят людей, котры ідят мясо.

Трудно сказати, коли перве зерно было кинене в землю руком чоловіка. На стародавних египетских пирамидах мы находиме уже образы людей, котры ростерают зерно меж двома каменями.

Предок нашего хліба был мало подобный до нашего хліба. То была попросту каша из дробных зерен, розболтанных в воді.

от воды, он помалу выплыват наверх — творится слой сметанкы. Через колочение сметанкы получают масло: капелькы толщю от колочения збиваются разом и отділяются от воды.

ЧОМ МОЛОКО СКИСАТ?

Постоявши день або два, молоко скисат. Но можно го закиснути и обернути в творог не за два дни, а за дві секунды. Для того треба капнути в молоко немного оцту.

Творог — то молочный білок. Он в молокі роспущенный, як цукер в воді. Но додати до молока кислоты, чтобы творог выдѣлился, захвативши зо собом и толщ.

Но але если в молоко никто кислоты не вліе, а оно и так за даякий час скисат? Кто тому виноватый?

Виноваты тому маленькы грибки вроді дрожжей, котры все носятся в воздухі. Попавши в молоко, они берутся за работу и претворяют молочный цукер в молочну кислоту. А от кислоты молоко претворят в творог.

Штобы молоко не скисало, треба го преварити. От кипячения грибки погибают.

Быват, што молоко претворят в творог в часі варения. То от того, што до него грибки уж загіздились и наготовили кислоты.

ЧОМ В СЫРІ ДІРКЫ?

Если творог подержати дольше в пивниці, работа грибков буде продолжаться, и потом творог претворится в сыр. Дірочки в сырі, як и дірочки в хлібі, зроблены углекислым газом.

А откаль тот углекислый газ?

Його зробили грибки.

ЧОМ СЫР ДОЛГО НЕ ПСУЕЯ?

Потому, што он зверха покрытый корком, котра не дае йому засохнути и оборонят го от шкодливых грибков.

Повідають, што в Швейцарии ест такой обычай: В день рождения дитины робят великий сыр и пишут на нем имя новорожденного, день, місяц и рок.

Бывало, што каша тота засыхала. Куски засохшой кашы заміняли людям хліб в тоты часы.

И тепер ище на Востоці печут кукурузны лепешки (адзимку) из прісного тіста.

Нерідко бывало, што каша из зерен скисала и ставала от того рыхла и мягка. Тот, кто догадався замісити таку кислу кашу зо свіжо розмолотым зорном, первый вынашол хліб.

Отчого же каша скисала?

Оттого, што в ню попадали из воздуха дрожжовы и молочны грибки. В воздуху носится много всяких невидимых грибков, в том числі и тоты.

И тепер ище пекари кладут в хліб не дрожжы, а кисле тісто.

Много літ прошло покаль людє научились добри управляти почву и добри печи хліб. Всього лем пред двіста роками людє середнього достатку іли такий хліб, котрого бы тепер никто не хотіл істи.

КАРТОШКА

Звычайну нашу картошку не іли и богаты людє. Картошка появилась в Европі совсім недавно.

В часі французской революции картошка была ище новинком. Французска королева носила в петлиці квіты картошки, а вареный картофель каждый день подавали к королевскому столу.

Родом картошка — из Перу и Чили. Можно точно назвати рок, коли картошка прибыла из Америки в Европу: ей привезли из испанских колоний разом з ладунком серебра и золота в 1534 року. Через пятьдесят літ картошка перебралася из Испании в другы европейскы краи — спочатку в Англию и Австрию, а потом уж в Германию и Францию.

Спочатку к картошкі относилися недовірчиво, особливо дорослы людє, котры к ней не привыкли. Но діти, гварят, дораз полюбили картошку, котра здалася им смачнійша от каштанов.

Картошка принялася дуже добри в новой отчизні. Не прошло и пару десятков літ, як заморска новинка из потравы королев обернулася в страву бідаков.

ШТО ПИЛИ В СТАРОДАВНЫ ЧАСЫ?

Богаты людє пили вино и мед, бідны — воду, но ни богаты ни бідны не знали чаю и кавы.

Всього лем 300 літ тому назад до европейцев дошли первы слухы о чудесном напитку, котрый пьют китайцы и японцы. Говорили, што тот напиток дає людям долге житя.

Наконец в 1610 року первый раз привезли чай в Европу. Привезли чай в Европу голландскы купцы з далекого острова Явы. Як звычайно, купцы почали хвалити свой товар. Называли чай божественном травом, радили пити го по 40—50 горняток денно, во всякий час дня и ночи. Один голландский доктор заміст всіх лікарств и для всіх хворот прописувал чай.

А по правді чай совсім не трава. Робят го из листков чайного дерева. А потом чай совсім не лікарство. Кріпкий чай для здоровья даже шкодливый.

Но мимо такой рекламы зо стороны купцов, чай пили спочатку лем богаты людє, бо он был дуже дорогой.

Послі появления чаю появилась кава—кофе.

Французскы купцы, побывавшы в Турции и Египті, давно уж росповідали о чудесном дереві. Из сімян того дерева туркы робят напиток, котрый называтся не то “каова”, не то “кофа” и котрый пьют вмісто вина в тавернах. Напиток тот прогонят смуток, укріпляют жолудок, робит чоловіка сильным и здоровым.

Незадолго кава появилась на обіді у французского короля. За королем запровадили каву герцогы, за герцогами графы, виконты, за ними друга шляхта без титулов, а за ними другы богаты людє, купцы, докторы, адвокаты. Было открыто множество кавярен—кофеен, в котрых людє просиджували по цілых днях. То, што было принято при дворах королев, отразу входило в моду всяди.

Были и врагы кавы. Дакотры казали, што пити турецкий напиток католикам не подобает. Другы запевняли, што министр Кольберг спалил собі кавом жолудок, што кава коротит житя, што от кавы колют колькы и робятся болякы в жолудку.

Одна принцесса прямо заявила, што она за нич в світі не буде пити “саджу з водом”, як она называла каву, и што она волит добре старе пиво, як тот заморський напиток.

Чоколаду встрітили ище больше враждебно. Говорили, што чоколадом треба кормити свиней, а не людей, што чоколада спалят кров и може даже убити чоловіка.

Правда, чоколада, привезена из Мексики знаменитым путешественником Кортесом, не была подобна до теперішньої. Мексиканцы робили чоколаду из мішанины какао, маиса и перцу и совсім без цукру. Аж потом почали готувити чоколаду по нашому способу. Для того бобы какао мелют, мішають с цукром, ванильом и другими ароматными примішками и прессуют.

Кто-ж мал правду во всіх тых спорах о чаю, каві и чоколаді?

Чай и кава мало поживны и мають в собі, крім того, складники шкодливы для сердца и нервов.

Друге діло — чоколада и какао, особливо чоколада. В нем много толщу и білков. Недармо путешественники, отправляючися в полярны край, берут зо собом великий запас чоколады.

Какао меньше поживне, як чоколада. Його приготовляють так: бобы какао мелют, муку смажат и потом из ней выдушуют толщ. Для того в какао меньше толщу, як в чоколаді.

ЧЫМ И ЯК ІЛИ?

На столі у богатых людей не было недостатку в дорогочінных начинях — из золота и серебра.

Чого лем там не было. А одной річы и так было брак, а то самой звычайной вилки (видельца).

Тогды іли руками. Не вязалися, а запускали всі пять пальцев во вспольну миску, хоц она была зо золота або серебра.

Та и ножей не было много — два-три на цілый стол. Треба было все в потребі звертатися к сусідам при столі с просьбом подати нож.

Талерок тоже не было. Их заміняли великы округлы кусы хліба.

Послі обіда тоты кусы хліба, насякнены мясным сосом, кидали бідакам або собакам.

И тарелки и вилки появились лем 300 літ тому назад, и то не в каждом домі, а лем в палатах.

Высоки каменны сходы ведут в велику темну галю, ледво освічену факелами (смольными світильниками). На окнах оконницы, хотя на дворі ище білый день. Но час зимущный, треба ошажати тепло, таж шкляны шибы ище не вынайдены.

Хотя тотa комната — обідальня, обідального стола в ней не видно. Стол принесут, ци зробят, пред самым обідом.

Но вот появляются слугы в зеленых безрукавках из домотканного сукна, в долгих жолтых пончохах и червенох пантофлях с острыми носами. В моменті уставляются кобыличкы. На кобыличкы кладут доски.

Уложеный таким способом стол покрывают білым обрусом з вышитыми на нем оленьями, псами и полювачами, трубящими в трубы.

На стол ставят солянку, кладут талеркы с хліба и два ножи. Остаеся присунути ку столу лавкы и звати гостей на обід.

Паны ввалюются с шумом и криком. Властитель замка, його сыны и гости — сусідны поміщикы — лем што вернулись с полювання на диков. То рослы бородаты люде, зо здоровым румянцем на щеках.

Разом з ними вбігають в комнату дві собаки хозяина — злы звіры, готовы на еден знак розорвати чоловіка. Найпозднійше входит жена рыцаря.

Компания засідат за стол. Аппетит у всіх волчий. Кравчий — слуга, подаючий мясо, — приносит из кухни, што стояла на дворі, огромну мису з дымящимся медвежим мясом. Розрізавши мясо на кускы, он подае го на концу великого ножа гостям. Мясо добри напопрене и пече горло. Четврт медведя счезат за четврт години. За медведем иде бок дикого вепра с таким самым палячим сосом, цілый упеченый олень, лебеді, павлины, розмаиты рыбы.

Купа костей и рыбных хребтов вырастат на столі пред каждым гостем. Под столом тоже иде работа: собаки обгрызают кости и варчат на себе.

Ідят долго и много. Іда — головна розрывка в той медвежой барлогі. Слугы ледво здоляють подавати все новы и новы мисы

— пироги, яблока, оріхи, медовники. Вина и меду выпивают за обідом мало не три цілы бочки. Не дивно, коли под конец обіду тот або другий из гостей валится на подлогу и среди шума, хохота, лаю собак роздаєся мощный и протяжный храп.

ПЕРВА ВИЛКА В АНГЛИИ

В 1608 року побувал в Италии еден англичанин, котрого звали Томас Кориат. В часі подорожы он провадил дневник, в котрый он записувал всьо, што його особливо интересовало. Описує он и великоліпие венецианских палат, стоячих серед воды, и красоту мраморных храмов Рима, и грозне величие вулкана Везувий. Но одна річ зачудувала Кориата больше, як Везувий и венецианскы палаты.

В його дневнику ест така запись: “Коли итальянцы ідят мясо, то помагают собі маленькими вилами из желіза або стали, а ча-сами зо серебра. Итальянцы не хотят істи руками. Они кажут, што істи руками непристойно, потому што не у всіх руки чисты.”

Кориат набыл собі такы “вилы”. Вилка, котру он купил, была мало подобна до нашой вилки. У тамтой вилки были лем два зубы, дуже долги, а ручка коротка. Взагалі тот инструмент наминал больше камертом, як вилку.

Приіхавши дому, Кориат хотіл похвалитися перед приятелями и знакомыми своим вилок. Запрошений на обід, он вынял с кишени вилку и почал істи по-итальянскы.

Всі очы звернулися на него. А коли он объяснил, што то за штука у него в руках, всі хотіли поглядіти ближе тот итальянский инструмент для іды. Вилочка обышла цілый стол. Вилка всім подабалася, яко вироб, но для іды несущый. Всі в еден голос рішили, што итальянцы великы чудаки, што істи вилокм дуже незграбно.

Томас Кориат пробувал перечити, казал, што нехорошо брати мясо руками, потому што руки не у всіх чисты. Всі погнівалися на Кориата, што он повідат таке на англичан, што у них нечисты руки, што их не мьют пред обідом. Та ци нам не старчит 10 пальцев, данных нам природом, штобы мы глядали штучных пальцев для іды? Най он пока-

же, як то выгодно істи штучными пальцами?

Кориат хотіл показати свою штуку. Но первый кусок мяса, взятый ним з мисы, упав з вилок на стол. Всі в сміх. Мусіл бідный сховати свою вилку назад в кишню.

Перешло літ пятьдесят, зачым вилкы вошли в моду в Англии.

Повідають, што вилкы почали употребляли тогды, коли паны почали носити великы корунковы колніры. Тоты колніры перешкаждали им істи: они подперали подбородок и не дозволяли схиляти голову. В таком колнірику было выгоднійше істи вилками, як руками.

Но то лем так повідають. А напавду вилкы появились тогды, як люде почали дбати больше за чистоту.

ЖЕЛІЗО

Всі мы думаєм, што желізо найтривальший и найкріпший материал. Недармо грандиозны мосты, желізну дорогу будуют из желіза. Но тот найтривальший материал тоже и найслабший. Мощный желізнодорожный мост, котрый не подастся под тягаром сотен тяжкых вагонов, боится вогкости, дощу, мглы. Чым больше в воздуху вогкости, тым скорше погибает желізо от ржавчины. Ржа — то та хворота, котра незамітно нищит найтривальшы желізны будовы.

Ту причина, чом так мало дошло до нас стародавних желізных виробов. Лекше найти золотый перстень, котрый носил даякий египетский Фараон, як простый желізный серп одного из його многочисленных подданных.

Може быти, што через много літ среди розвалин наших городов учены не найдут ани знаку наших желізных будов; всі они пропадут от ржи, зотліют, як кости тых людей, котры их будували.

Но што то ест тот страшна хворота желіза, и ци ніт от ней спасения?

ЧОМ ЖЕЛІЗО РЖАВІЄ?

Што станєся з ножом або вилокм, если их послі мытья не вытерти насухо?

Они заржавіют.

То знают всі газдыні.

Ясно, што желізо ржавіє — от вогкості.

Єдного разу водолазы натрапили на дні моря на корабель, котрый затонул полтора ста літ до того. На палубі корабля они нашли пару арматных куль. Кулі были так зіджені ржом, што их мож было краяти ножом. Вот што зробила зо желізом вода!

Як же спасти желізо от вогкості?

Треба го насухо вытерати.

Но але немож все вытерати. Єст предметы, котры немож держати все сухими. Чайник, ванна, ведро хоча-чи-нехотя-чи должны быти мокрыми. А желізний дах ище труднійше спасти от вогкості: таж не будеш за каждым разом по дощу вытерати дах ручником. Та и в суху погоду желізо тоже ржавіє, хоц и помалы. Таж в воздуху все єст вогкость. Воздух всьо высушує, но сам сухим не быват. Он з жадностью высыує воду всяди: з лем што вымытой подлогы, из мокрой білизны, из мочар, оставшихся послі дощу.

Єдиный способ спасти желізо от ржавчины — то покрыти го даяком мастью, оловом.

Олива защитила бы желізо от воды и не дала бы му заржавіти.

Но звычайно поступают иначе. Вмісто оливы берут оливну фарбу и покрывают н्हом желізо. Слой фарбы на желізі высыхат и робится твердым. Такий твердый слой буде, розумієся, долше и ліпше держатися на желізі, як слой рідкой оливы.

ЧОМ БЛЯХА НЕ РЖАВІЄ ТАК СКОРО, ЯК ЗВЫЧАЙНЕ ЖЕЛІЗО?

Кромі фарбы, обороняют желізо от ржавчины оловом. Вытягнуу из желіза бляху покрывают слоем олова, и так мы маме бляху, з якой вырабляют, приміром, бляшан-кы для консервов, и т. п.

Олово дуже добри оборонят желізо от вогкості, а головно — от квасов. Квасы ище сильнійше нищат желізо, як вогкость. Коли вы розріжете лимон, нож чорніє. То квас вїлся в желізо.

Лем невеликы желізны предметы єст смысл покрывати оловом. Но никто не покрыват оловом желізо на дах. Для того єст таньший материал — цинк. Оцинковане желізо ище ліпше хранитя, як покрите оловом.

Звідате, чом тогды не робят оцинкованных начинь, кен, баньок?

Потому што цинк, котрый совсім не боит-ся воды, дуже боится квасов. Даже найслаб-ший квас розїдат цинк. А при том выхо-дят цинковы соли, котры дуже ядовиты. Готовити або хранити поживу в цинковой посуді опасно. Друге діло такы предметы, як ведра, ванны. Их дуже часто вырабляют из цинка або оцинкованого желіза.

Даже коло малюваного або покрытого другим металлом желіза треба ходити и пильнувати. Желізний дах треба от часу до часу наново малювати, а поржавлены місца замінити новыми кусками.

Чоловіку треба обходити желізо, як жи-ву истоту, штобы защитити го от болізни — от ржавчины.

С ЧОГО ЗРОБЛЕНЫ ЖЕЛІЗНЫ ПРЕДМЕТЫ?

Як-то с чого? Ясно, што из желіза. Вот вы и помылилися. Всі предметы, котры мы называме желізными, — вилкы, гвозді, под-ковы, кочергы — на самом ділі зроблены не из желіза. Ліпше сказати, не зо самого же-ліза, а из мішанины желіза з углем або другими материалами.

Чисте желізо без нияких примішок, сто-ит так дорого, што проста кочерга, зробле-на з него, стоила бы около 25 рублей.

Но тота кочерга была бы не лем дорога, а и горша от той, котра зроблена из міша-нины.

Чисте желізо замягке. Кочерга из него погнулася бы, гвоздь не мож было бы вбити в стіну, ножом не вкромил бы ничего.

Чисте желізо так мягке и так легко мож го ростягнути, што из него можно зробити “желізний папер”, лекший и тоньший от па-пиросной бибулкы.

Тото желізо, котре мы знаме, все с при-мішками. Найліпша примішка — уголь. Уголь в желізі єст майже все.

Як же уголь попадат в желізо?

А вот як.

Желізо добывают из руды, котру находят в землі. Штобы выплавити желізо из руды, треба класти руду разом з углем в великы печи, слой угля и слой руды, напереміну,

Зверху насыпуть руди и угля, а здолы вдують воздух. В печь для выплавки железа дуют сильным воздушным насосом.

Уголь распалюется до біла и спалюется. А железо выплавляется из руды и стікат долу на дно печи.

Но расплавленное, рідке железо растворяет уголь — подобно, як горяча вода цукер. Потому из печи выходит не чисте железо, а кріпка мішанина угля в железі — чугуны. С первого дня своего жита железо сплавлено с углем.

Часть угля мож выпалити, если вдувати в расплавленный чугуны воздуха. Так и получают из чугуна сталь и железо.

ЧОМ ЧУГУНЫ НЕ ПОДОБНЫ ДО ЖЕЛІЗА, А ЖЕЛІЗО ДО СТАЛИ?

Всі прикметы железа зависят от того, сколько в ньом угля.

Если зровнати железню кочергу, стальной нож и чугуны котел, здається, што они выроблены з разных материалов — так они не подобны едно на друге.

Железны погрибач-кочерга: ей можно зогнути, а она сама не розогнётся. Она не зламётся от удару. Она не боится тяжкой работы — погартати ньом в пещу, в огню, перевертати дрова або угля — ей нич не станётся.

Стальной нож — красивый, блестящий, острый. Если он зогнётся, то и сам выпростится. А если го зогнути сильніше, он зламётся. Если бы го ужити до огня вмѣсто кочерги, из него скоро останутся лем обломки. Зато в своей работе он майстер. Різати, стругати — тото он умеє.

Лятыи, чугуны котел, аж чорныи от примішаного к нему угля. Он крехкий: если ударити го молотком, он розобьётся. Зато он тоже придатныи до своей работы. В нем мож варити обід.

Зроблены тоты предметы тоже не едныи способом.

Погрибач выкованыи из куска раскаленно-го железа. Роспечене до червена железо робится таким мягким и податливым, што його мож кувати — придавати му ударами молотка потребу форму.

Нож тоже выковали, но потом ище загартовали: распалили до червена и вложили в холодну воду. От того сталь стала ище больше твердом.

Чугуны ковати не мож: от сильного нагривания чугуны плавится — робится пльном. Железо и сталь перше стают мягкы. И в том розмягченом стані з ними можно робити, што хоче — ковати, штампovati, роскачувати в бляху и т. д.

Котел не выковали, а выляли: Вляли расплавленного чугуна в форму из сухой земли, и дали му стугнути.

И во всіх тых различиях виноватыи уголь, котрого в железі мало, в стали больше, а в чугуны много.

Вы легко можете определити, ци много угля в той стали, из котрой зробленныи ваш нож.

Занесте го до ножовника выострити и призрийтєся, якы искры будут при острению вылітати з него, ци розголужено, ци як огненныи линии. Если искры летят в виді огненных линий, ваш нож не из стали, а из железа.

ШТО ВЫРАБЛЯЮТ ИЗ ГЛИНЫ КРОМІ ГОРШКОВ?

Як дивно здається, што всі тоты помалюваныи горшки и мискы, выроблены из самой звычайной глины. Из той глины, котру мы проклиname, коли нам треба крачати по мягкой сельской дорозі.

Но не лем горшки и мискы. Чого лем не вырабляют из глины! Из ней вырабляют цеглу и фарфоровыи статуеткы, талеркы и синьку для білизны, цемент и фарбы. Но найинтересніше, што в склад всякой глины входит **алюминий**.

О том легком білом металлї ище недавно знали лем учены, а тепер майже в каждой кухні мож найти алюминиову пательню. И не дино: таж алюмин не ржавіє так, як железо, и не псується от квасных потрав. Правда, он боится мыла и соды, но то невелика біда.

Алюминий называют часто "глиняным серебром", но до серебра йому далеко. Його білыи кольор скоро переходит в сірыи, потому што на воздухї он покрыватся тонким

слоем окиси, котрый псує його вид, хотя и защищат го от сильнйшого окисления. Но тот окис совсім нешкодливый — не то, што окис міді.

Из алюминия не мож вырабляти таких предметов, котры все маот быти красивыми и блестящими.

Но зато у него ест една прикмета, котрой ніт ни у серебра, ни у золота, ни у стали: он дуже легкий, три раз лекший от желіза. А то важно для будовы аеропланов, котры маот быти як найлекшы. З многими металлами алюминий дає дуже цінны сплавы. Напримір, дюралюминий — сплав алюминия з магнием, мідьом и марганцем — три раз лекший от стали, а такой самой тревалости.

И лем подумати, што глина, по котрой мы ходиме и їдиме, то ище нерушена руда прекрасного цінного металла. Алюминий пока-што добывают из других руд — боксита и криолита. Добывати го з глины невыгодно. А выгодного способу ище не придумали.

Фарфор тожє ділают не из той глины, котра у нас под ногами. Ділают го из каолина — самой чистой білої глины, котра встрічаться не часто.

КТО ПРИДУМАЛ ФАРФОР (ПОРЦЕЛЯНУ)?

Дакади в приморских краях — в Дании, Швеции, Франции — тянутсь по берегу долги пласкы валы. Коли их попробовали раскопати, показалося, што то огромны купы всяких отпадков: рыбих костей, огрызёных черепов, каменных ножей и скребков, костяных топоришков из оленього рога. Видно, ту жили даколи первобытны люде, котры всі свои кухонны отпадки звалювали на купу около свого жилища.

С часами тоты помыйны ямы взросли в цілы горбы, котры тянутсь на соткы метров.

В тых “кухонных купах” нашли, меж иншим, и черепкы глиняных горшков. Горшкы первобытных людеи были мало подобны на нашы: не были ани гладкы, поливаны, дно не было плоске, лем заострене, копцувате.

Но так не так, а то были правдивы горшкы.

Прошло много тысяч літ послі того, покаль появилась порцеляна, фарфор. И не дивно: таж зроби́ти порцелянове горнятко далеко труднйше, як глиняный горшок.

Первыми научились опалювати порцеляну китайцы — 1700 літ тому назад. Но правдивого успіха при том они доби́лись совсім недавно, в 15-м віку, при императорі из династии Мин.

Китайский фарфор цінили в Европі на вагу золота. Никто не знал, як они то робят, покаль наконець одному алхимику не удалося розгадати секрета китайцев.

С фарфором повторилося то само, што было з другими китайскими вынаходами — порохом и книгопечатанием. Китайцы не хотіли никому чужому открыти своей тайны, и европейцам треба было наново вынаходить их. Порох мал придумати Бертольд Шварц, книгопечатание — Гутенберг, а порцеляну (фарфор) — Бетгер.

Бетгер был придворным алхимиком короля Августа Сильного. Алхимики думали, што такы металлы, як мідь, желізо, олово, мож обернути в золото, если стопити их с “философским каменем”. Десяткы літ глядали они того выдуманого ними камня, котрого нигда не было. Но не лем алхимики вірили в тоты часы в философский камень. Королі, котрым вічно бракувало грошей, брали алхимиков на службу ку собі, в надежді, што они придумают, як зроби́ти золото. А штобы придворный алхимик не утік к другому королю, його звичайно держали замкнено, як плінника. Бывало, што королю надоіло ждати обіщанных богатств, и он приказувал усмертити несчастного ученого. Ци в насмішку, ци в знак особливого почтения к науці, алхимиков вішали не на звичайной, а позолоченой шибениці.

Но при таком гляданию неистнующого философского камня алхимики часто натыкались на други вынаходы. Так было и с Бетгером.

Йому было всего 14 літ, коли он случайно нашол рукопись о философском канени, в котрой повідалося о том, як робити золото. От того часу Бетгер о ничом другом не мог думати. Може быти, он бы и не стал алхимиком, если бы у него под руками не

было лаборатории: Он служил учеником в аптеки. Каждую ночь, когда аптекар Цорн пошел спать, його молодой ученик брался тайком за свои алхимические пробы.

Якося раз, когда он занурился в свою работу, открываются двери, и господин Цорн в халате и ночном колпаке вошел в аптеку.

— Што ты тут робиш, ничгоде? Як ты смієш без дозволу взяти такы приряды? Цілою твоей платы не хватит, чтобы заплатить за одно начиня, если ты его розобьешь!

— Я робю золото, — ответил покорно Йоганн.

— Золото? Ах ты, злодюга! Ты бы лучше научился как треба робити липкий пластырь. Ми непотребны алхимики, а аптекарские ученики. Забери свои манатки и марш дому. Повиц отцу, чтобы он выбил с тебе тот же глупости.

Смутно пошел Бетгер дому, несущи на плечах мешок с паром залатанных порток и кошух и драгоценном рукописью, которая обещала ему богатство и славу.

Дома встретили его неприветливо. Хотя його отец был чеканщиком монет, в родине Йоганна редко давали возможность было найти збыточный грош.

Не перешло и пару месяцев, как нужда заставила Бетгера вернуться к Цорну. Он мученный был дать слово, что он никогда больше не будет заниматься алхимией. Но алхимика так тягло к алхимии, как картяра к картам.

Бетгер снова взялся за свои ночные опыты, но теперь лучше стерегся. Але и Цорн его лучше подстерегал. В одну несчастную для Бетгера ночь аптекар снова поймал его на месте проступка и, не слушая никаких оправданий Бетгера, выгнал его из аптеки.

Бетгер был в распуке. Вернуться дому он не хотел.

Но та судьба змилосердилась над бездомным алхимиком. Случайно он познакомился с богатым вельможей — князем фон Фюрстенбергом. Узнавши о алхимических пробах шестнадцатилетнего ученого, князь взял его к себе в палату и устроил ему правдивую лабораторию.

Бетгеру повезло. Його одели в прекрасную одежду, дали ему грошей, посадили в богатую квартиру. Цорн, который догадался о том, оповещал всем, хвалился, что його ученик

стал знаменитым алхимиком. А люди ему отвечали, что у такого доброго учителя, как Цорн, не дивно научиться всякой премудрости.

Но рокы шли один за другим, у Бетгера начали пробиваться усы и борода, а из його опытов ничего не выходило. Князь, который сначала был с ним ласковый, начал подозревать, что Бетгер просто ошуканец, крутар. А за такое крутарство тогда карали тяжело.

Бетгер пробовал утечи, но його поймали и силой примусили продолжать работу. Когда он служил в аптеке, його карали за то, что он занимался опытами, а теперь йому грозили суровыми карами за то, что он не хотел заниматься опытами.

В конце от Бетгера зажадали, чтобы он на письме выложил свой способ робити золото. Тут йому напавду треба было стати ошуканцем. Он написал замысловатое и дивное сочинение, которое от начала до конца было лем выдумка. Но йому не удалось одурачить князя. Обман был раскрыт и по величии короля Бетгера посадили в тюрьму.

Теперь Цорн уже не хвалился своим учеником.

— Я все говорил, что Бетгер ошуканец и злодей и что он кончит на шибенице, — запевнял аптекар своих покупателей, которые ище недавно слышали от него похвалы для своего ученика.

Но, на счастье, Цорн снова помыслился. Бетгеру снова повезло. У него нашолся новый покровитель — граф Чирнгаузен. По совету графа, король предложил Бетгеру найти способ выробу порцеляны (фарфора), которая тогда ценилась дороже золота. Незадолго до того король Август отдал прусскому королю целый полк войска за китайский порцеляновый сервиз из 48 кусков.

Пробы удались. Бетгер выробил из мейсенской глины фарфор, правда, не белый, а барнястый.

Бетгер был щедро награжденный, но на свободу його не выпустили.

Способ выробу фарфора был объявленный державным тайном. Бетгера и його троих помощников держали под стражом, как преступников.

Спочатку порцелянову посуду мож було видіти лем в палатах. Саксонський король посылал мейссенські вазы в подарок другим королям. Но в 1707 року порцеляна появилася перший раз на маркеті — на Лейпцигском ярмаку. В замкі Альбрехтсбург в Мейссені была устроена велика фарфорова мануфактура. Ту Бетгеру удалось наконец виробити білу порцеляну.

Мейссенська посуда, котру легко познати по заводському знаку — двох скещенных мечов — прославилася скоро в цілом світі. Отружнити ей от правдивой китайской (чайны) было дуже трудно.

Много літ прожил Бетгер в Мейссені в замку, як плінник. Йому давали всьо, крім свободы.

Он был уж немолодым чоловіком, коли знов хотіл утечи. Для того он начал тайны переговоры с прусским двором.

Біжати йому не удалось. Переговоры його с Пруссіом были открыты, он был арестованный и засуджений на смерть. Но ту знов його ждало счастье, уж послідне: он умер в тюрмі и так вымкнулся от шибеницы.

ШКЛО

С чого вырабляют шкло? Шкло вырабляют с піску, из самого звичайного піску. Тоты шклянки, бутылки, котры вы видите, зроблены с піску. И не лем шклянки и бутылки. Тепер цілы великы будовы робят зо шкла и желіза. В Лондоні, наприклад, ест огромный дом, котрый так и называется: "Шклянный дом". Он так высокый и обширный, што віковы дерева в його галях выдаются, як на открытом місті. И тота огромна будова стоит и не рассыпается, хотя она побудована на половину из піску.

Коли робят звичайне фляшкове шкло, пісок кладут в горнец, додают соды и креды и ставят в специальный пец. Горнец мусит быти из огнеотпорной глины, т. е. с такой, котра не плавится от сильного жара.

От высокого горяча всі три материалы — пісок, сода и креда — зварюются разом. Выходит в конці расплавленное, плинне, як вода, шкло.

Но шкло лем на око подобне на воду. Коли оно остывает, оно веде себе совсім не так, як вода.

Если воду охолоджувати, она буде оставаться плинном, покаль температура не упаде до нуля. А як лем ртуть в термометрі опустится до нуля, вода замерзне — обернется в твердый лед.

Совсім не то дієся с плинным шклом. Охолоджуючись, оно густіє дуже помалы, при 800 степенях оно становится тягучым, потом оно стає, як мягке тісто, а потом аж твердне в шкло, яке мы привыкли видіти. Но определити, при какой жарі шкло плавится и коли оно твердне, не мож.

Вот потому дуже часто шкло называют "твердым плинном", хотя с первого взгляда тотта назва здаєся так глупа, як біла саджа або горячий лед.

ФАБРИКИ МЫДЛЯНЫХ БАНЬОК

Говорят: куй желізо, покаль горяче. Про шкло мож было бы сказати тотто само: дуй шкло, покаль горяче, покаль оно не стало твердым и крехкым.

Но вы, може быти, и не знате, што большу часть шкляных виробов выдувают — так само выдувают, як діти выдувают мыдляны баньки. Лем заміст соломки берут долгу трубку з деревяным мунштуком. Послі того, як зварене в горшку шкло остыне, работник наберат кусок шклянного тіста на кончик трубки и дует. Выходит шклянна банька.

Из той баньки мож зробити всьо, што хоче: шклянку, погарик, бутылку, даже плоску оконну шибу. Приміром, треба зробити бутылку. Робочий вкладує баньку в форму и дует в трубку до того часу, покаль банька не заполнит форму бутылки. Коли бутылка остыне, ей легко vybrати; для того форма розъемна. Розумієся, перше треба отрізати бутылку от выдувной трубки. Штобы то зробити, старчит провести по горячей шийкі бутылки холодным прутот.

Выдувание шкла — работа тяжка и шкодлива. Для того на многих заводах, особливо для выдувания великих предметов, користуются не людскими легкими, а воздушным насосом — механизмом. Літ двадцет тому назад вынашли машину для выдувания бутылок. Тотта машина, котром оперує двох робочых, працує за 80 работников. Она вырабат 20,000 бутылок денно.

Штобы зробити шкло больше тревалым,

Його долго выдержуют в специальном печи, где оно остывает дуже поволи.

Дорожше шкло ище до того гранят, шлифуют и полируют. Часто, вмісто того, штобы выдувати предмет, потом гранити и полирувати, то отливают шклянный предмет, як с чугуна. Тоже пресуют, если шкло легко розмягчуеся при нагрітїю. Лятый або пресованный шклянный предмет легко отрижнити от граненого — у первого всі углы тупы, а у граненого остры. Гранены шкляны предметы дороги, ляты дешевы.

Великы зеркальны шкла тоже не выдувают, а отливают. Выходят великы и грубы пластины, котры потом шлифуют и полируют.

Шкляны предметы рижнятся не лем оброблением. Доброта шкла зависит и от материала.

Напримір, зелене фляжкове шкло вырабляют из простого жолтого піску, соды и креды. В звичайном піску много ржавчины, котра го забарвлюе на жолто. В шклоплавном печи жолта барва переходит в зелену. Значит, зеленовата барва шкла — то знак, што в шклі желізо.

Для білого шкла треба білого піску. А для výroбу найліпшого шкла треба чистого білого піску, а вмісто соды — поташу, вмісто креды — вапна або сурику. Из такого материала выходит тяжке, блестяче шкло, як диамант.

ШКЛО, КОТРЕ НЕ ТРИСНЕ

Из чого бы не робили шкло, без піску не обыйтися. Давно уж того знали, но пісок никак не могли расплавити. То удалося всего около 30 літ тому назад. Оказалось, што посуда из расплавленного піску, або кварцу, о много раз тревальша шклянной: ей мож распечи до червена и потом класти в холодну воду — ничего ей не шкодит. Покаль тота кварцова посуда дуже дорога, бо для плавления кварцу потребны электричны печи, котры берут много энергии.

Кварц — то шкло будущего.

ИСТОРИЯ ЗЕРКАЛА

В старину, коли шклянных зеркал ище не было, богатые люде взиралися в металлических пластинках — из серебра або мішанины мі-

ди и олова. Но металличны зеркала на воздухі быстро тускнїли и темнїли.

Наконец догадались, што металличный слой мож для защиты от воздуха скрыти под шкло — подобно, як мы тепер кладеме шкло на образы або фотографии.

Так вышло шклянное зеркало.

Долгий час зеркало робили так: на кусок шкла накладали лист оловяного папера и сверху наливали ртуть (живе серебро). Ртуть растворяла олово и мішалася з ним, и тота мішанина кріпко прилипала до шкла.

Ученый Либих вынашел другой способ. На шкло наливают раствор серебра. Серебро постепенно осідат и за яке пол години покрывает шкло блестящим налетом. Потом для тревалости заднюю сторону зеркала покрывают фарбом.

Серебро ліпше от ртути, бо раз зеркало выходит яснїше, а другое — ртуть ядовита.

Видиме, што výroб зеркал не так уж трудный, а меж тым літ триста тому назад зеркала знали вырабляти лем в одном місті — Венеции. И способ výroбу зеркал венецианцы держали в тайні. По тамошным законам смерть грозила каждому, кто посміл бы открыти иностранцам секрет зеркального výroбу. По приказу венецианского правительства всі зеркальны заводы были перенесены на остров Мурано, где иностранцев не пускали.

Даколи на том острові было сорок великих заводов, в котрых працювало пару тысяч работников. Лем в едну Францию вывозили 200 скринь зеркал каждого року. Ту вырабляли не лем зеркала, но и другие шкляны предметы, котры славились в цілом світі.

Шкляны мастера с острова Мурано мали специальные привилегии в Венецианской республикі, подобно шляхті. Островом управлял совет, избранный самими шклянными работниками. Полиция республики, котрой боялися всі венецианцы, не мала никакой власти над жителями Мурано.

В одном только их свобода была урізана. Под страхом смерти им был забороненный выїзд в чужы края. Смерть грозила не лем біглецам, но и их фамилиям, оставшим в краю. Но и так венецианцам не удалось сохранили своей тайны.

Якоси раз французский посол в Венеции получил из Паржа секретне письмо. Письмо

было от всемогущего министра Кольбера. Послу приказывали найти дораз работников для новой королевской зеркальной мануфактуры. Мануфактурами называли тогда великие мастерские, котры рижнилися от маленьких лем числом работников. Машин тогда не было.

Посол знал, як трудно было зманити робочых с зеркального завода в Мурано. Он знал венецианский закон: “Если шклянний работник перенесе свое ремесло в другой край, то йому буде посланный приказ вернуться. Если он не послухат, то його родны будут заперты в тюрьму. Если он и тогда не захоче вернуться, будут посланы за ним люде, штобы го убить”. А хотя бы и удалося заманити майстров, то як скрыти сліды? Таж послу не мож нарушити законы того краю, в котрый он посланный.

В тот сам вечер к будові французского посольства на берегу канала подплыла лодка-гондола. Из гондолы вышел чоловік, закутанный в чорный плащ. Он забавил пару годин у посла.

От того часу тот чоловік заходил тайно частіше во французске посольство. Был то дробный торговец из острова Мурано.

О чом говорили французский вельможа и дробный торговец — никто не знае.

Извiсно лем, што через неділю-дві курьер французского посольства повез Кольберу письмо, в котром посол писал, што штыри майстры згодилися утечи во Францию и што всьо готове для утечи.

Прошло ище пару неділь. Была темна нощ, коли ку острову Мурано тихо пристала барка з 24 вооруженными от ног до головы людами. Из темноты вышли штыри люде, котрых провадил знанный уж нам торговец. Пару слов с той и другой стороны, штыри люде всіли и барка рушила, уносячи штырох венецианских майстров шкла в далеку Францию. А дробный торговец вернулся дому — з мішком 2000 ливров.

Коли в Венеции узнали о утечи зеркальных майстров, они уж были в Парижі и працювали над выробом зеркал. Дармо венецианский посол старался довідатися, где они находятся. Их скрыли так добри, што найти их было невозможно.

Но штырох майстров было мало. Прошло пару неділь, и друга партия майстров — знов штырох — утекла из Венеции под самым носом у береговой охраны.

Венецианске правительство, недовольне своим послом в Парижі, котрый нияк не мог дознатися, где находится королевска мануфактура, назначило нового посла — Гвистиниани.

Гвистиниани скоро нашол біглецов, котрых йому удалося призвати ку собі. Йому удалося дакотрых уговорити вернуться в Венецию.

Но Кольбер тоже не спал. Он старался всіми силами удержати майстров у себе. Их поселили в палаті. Грошы платили огромны. Оточили их выгодами. Их фамилиям, котрым грозила смерть, помогли утечи из Венеции.

Дармо Гвистиниани давал пребачение и по пят тысяч дукатов каждому майстру, абы лем вернули. Они не хотіли покинути Париж, где им жилося прекрасно. Майстры уж и забыли о страшном законі, котрый грозил им смертьом.

В январі 1667 року, через полтора рока послі приїзда во Францию, помер несподівано найліпший з майстров. Через три неділи умер другой, котрый был специалистом в выробі зеркал. Докторы открыли, што они были отравлены.

Майже в тот сам час в Венеции были арестованы и убиты два майстры, котры хотіли біжати во Францию.

Страх охватил майстров на королевской мануфактурі в Парижі. Они почали проситися дому. Кольбер их не держал: всі их секреты по выробі шкла, специально зеркал, были уж знаны французам, а венецианским майстрам треба было много платити. На королевской мануфактурі работа шла без остановки. В королевских палатах и в дворцах богатых французов появились зеркала во Франции выроблены.

Придворны дамы пудрувалися пред новыми французскими зеркалами. И ни одной з них не привиділося в зеркалі лице венецианского майстра, котрый зробил зеркало и был зато отравленный...

30 СТАРОГО ЖИТЯ

СЕЛО ЯКУБЯНЫ

(СПИШ)

Село Якубяны на Спишу — далеко и широко знане, не лем на Спишу, не лем на Пряшевской Руси, але на Подкарпатской, и в Галичині, бо то едно з найбільших карпаторусских сел. Якубяны числят поверх тысяч нумеров.

Село Якубяны лежит в котловині, як прекрасна дитина в прекрасной природной котлыскі меж прекрасными богатыми природно верхами. От востока буковый и лісковый Мартинец, на полудне висока спичата Кичера. Пастух, штобы дознатися, ци уж полудне, то обернувся тварю до Кичеры. А як свою тінь легко прекрочил, то уж знал, што полудне. А кто вышел на верх спичатой Кичеры, то увиділ в найбольшу літню спеку снігом покриты высокы Татры, виділ прекрасны вічно зелены Карпаты, Стару Любовню, Камюнку, Орлов, Люботыню, Чирч, и гет далеко Попрадску долину, по котрой вилася чудесна ріка Попрад, єдина ріка в світі, котра пресікат хребет великих гор.

На запад солнца Лысинка, Яворинка и Чертиж. На сівер ку Галичині прямо на Старе Місто (Старый Санч) долином Попрада, где якубянцы ходили коні купувати. Добра дорога веде том долином и чиста горска вода сходит зо всіх сторон до Попрада. Коли вітер от Галичины подуват, чути клеотаня сільского млина с той стороны.

* * *

Яке старе село Якубяны, то я не знам, бо до документов я не заглядал. Я вышел на емиграцию, яко молодой сільский хлопец, где мі там тогда того в голові было! Знам я о своем родном селі лем того, што ем запам'ятав з вечурок, што стары люде оповідали, або хлопи при роботі, пастухы при

статку. Чом называтся наше село — Якубяны? Повідали, што заложили го на “св. Якуба”, што на того святого польский пан там людей посадил. Бо даколи наша спишска земля належала до старой панской Польши. Польский король с панами торговали том земльом и людьми з мадьярскими кралями и грофами.

Єст з давен-давна и фамилия Якубянских в Якубянах. Видно, што того Якубянского польский пан, ци король солтысом зробил над своими панцизняными хлопами. То была найбогатша фамилия в Якубянах, и назвали ей Грофиками, то єст, як бы маленькы грофы. Тот Грофик владіл в Якубянах великим маєтком пред 100 роками.

За водом от Якубян, ку востоку, мало быти село Стефановцы, котре мало быти зложено на св. Стефана, певно мадьярским паном. Але тото село пропало.

Тепер якубянскими ялицовыми и смерековыми лісами владіє панска фамилия Пропснеров, німцы, што купили тот маєток от польских панов, здаєся Замоиских.

В Якубянох копали даколи руду, но не в майнах, а так зверху. Повідають, што с тых там руд на Спишу выливали звоны. И якубянскы звоны мали быти вылаты в Якубянох с той спишской руды, звоны по имени Адам, Осиф, Йоан и Ева. Но всі тоты звоны забрал потом австрийский кайзер на кононы в світову войну. Топили тоту руду в Якубянах, недалеко, где тепер стоит корчма и муры. Тото місце звалось Маса. Топлену лятину возили в Гамры, где тепер стоит машина до різання дерева.

Чом перестали копати и топители руды, то я не знам, але думам, што не оплачалося

панам при модерной индустрии. Німцы Проп-снеры, вмісто руды, взялися до ліса, бо панам почал оплачатися ліс ліпше. Модерна пила різала дерево на дошки, котры отвозили ку желізной дорогі до Орлова, откаль везли в світ.

Угля на Спишу так само на верху, но не свободно никому рушити, бо то панске. Вы, якубянскы хлопцы, идте далеко в Америку копати угля, а в Якубьянах не руште, бо то панске.

Коли якубянцы отрабляли панщину, то мали и для себе дост добры поля и луку. Они были панскы, но пан давал хлопам, абы могли жити и на панов робити. А коли панщину закасували, то паны страшно хлоп-пов ошукали, дали им найгоршы поля, а собі взяли всьо, што добре и всі лісы. Инженеры так ділили, як паны хотіли. Лем два брата нашлись в Якубьянах, што не дали ошукати себе, не уступилися с Чершлі, прекрасной луку. Коли пришли панскы инженеры им отберати, то они оба с косами за нима, и не допустили на свою луку. Пан не хотіл с того робити клопоту, бо боялся, штобы други газдове не взбунтувалися против него, но и так остало. Так што тым двом остала прекрасна лука, а други газдове скрепталися по своих головах, з долгим волосом, што далися пану так ганебно ошукати.

* * *

В 1903 року згоріла якубянска церков, и 25 газдом будинки. А и на той згореной церкви, котра стояла 107 літ, якубянцы мали старый долг у пана. Пан был, як то водилося всяды, патроном церкви. Но то был такой патрон, што як селяне не мали грошей на будову, то он им пожичил, а взял в заклад от якубянцов прекрасну долину — Нижний Порач. Селяне вернути грошы не могли, так што тота прекрасна земля остала при пану. Такой то пан был патрон.

* * *

Якубянцы працювали в лісі, возили дерево. Но пан платил дуже мизерно — от фуры дерева 80 грайцаров, а як заплатил папірка, то ест дві коруны, то уж мусіла быти паробска фура. Роботнику при пилі платил от 25 до 60 грайцаров, коли я был дома в 1903 року, треба было працювати от 4-ой години рано до 8-ой вечера, то ест 16 годин. Потом пришло улекшиня — робили от

шестой рана до шестой вечера, то ест 12 годин.

То было бідного народа житя. За 25 грайцаров, на американскы грошы 10 центов, треба было бідному чоловіку працювати 16 годин. Уменьшили години на 12 годин аж тогды, коли народ почал горнутися в Америку на емиграцію.

Єдна бідна вдова носила 16 годин каждый день на плечох дырва до пеца при пилі, бо пила была парова, за 30 грайцаров. Дробных дітей у ней было четверо и они мушенны были сидіти сами дома без материнской опікы, выходила она в ночи и приходила в ночи до дому о 9-ой годині. С тых 30 грайцаров ей треба было накормити и приодіти себе и діти. У пана миллионы, а бідна жена працює на него за 30 грайцаров.

Мали мы в селі “просвітительох”, но тоты “просвітители” не дбали о бідный народ, они шпекулювали, якбы то с тых 30 грайцаров, што вдова заробила, хоц 15 для себе взяти. И вдова с тых 30 грайцаров ище занесла пану превелебному.

Коли я вспомнул за пана превелебного, то вспомну єдного, што помер, як я ходил перший рок до школы. Тот пан превелебный програл свою жену в карты, то потом обходился газдыньюм. Який то был “побожный” поп на старость, то ту подам примір: Пришол до него сповідатися єден старик и повідат, што на Макавея напился молока. А поп як скочит на него: “Воліл єс чорта выпити, як молока в такой великий пост!” Потому тот старик добри з розума не зышол, як он тяжко согрішил. Тот пан превелебный назывался Тизети. Такой был мадьярон, што и на мадьярске свое назвиско перемінил.

* * *

Мали мы в Якубьянах и сельский кооператив-склеп. Говорили нам поп и учитель, што треба зо села выкурити жидов, котрых было пят фамилий и жили с торговлі. Но але може каждый знати, як кооператив може розвиватися под руководством панов, котры хотят быти капиталистами с працы народа. Найперше поп Криско и учитель Такач брали, сколько хотіли из того нашого кооператива, а не платили, ани записувати не казали, што взяли. Товар до skleпу брали на кредит. А час иде, рок за роком,

приходит час, што мушено и платити за товар. “Гару-гару — ни пінязи, ни товару.” Но пан превелебный не дармо ходил до школы. Он лем думат, якбы сам выйти з біды, як бык без рогов з ярма, а што буде з людми, то што його обходит.

Едного дня казал пан превелебный закликати двох газдох, людей побожных, и гварит им так:

— Я вас ту закликал на добре діло. Пишут мі з Будапешту с краинского товарного складу, што если наш кооператив буде брати от них товары, то они нам дадут в дарунку прекрасны золотом вышиваны праздничны ризы...

Розумієся, што набожны газдове на такой проект з радостью пристали. Золотом вышиваны ризы! Та кто бы не пристал! А пан превелебный мал уж приготовлены папери до подпису. Подставил газдам. Газдове подписали, бо то на ризы, и пошли дому барз задоволены.

Но ту о 6 місяцов приходит Янкови писмо зо шпаркасы, абы заплатил процент от 7 тысяч корун. Янко подумал, што то там в той шпаркасі ся им дашто поплело, тай писмо шмарил. Таж он ниякы тысячи зо шпаркасы не брал. Але ту приходит и позов до права, до орсацкого. О, як уж орсацкий кличе, то треба ийти. Приходит Янко до орсацкого, а орсацкий звідуется Янка:

— А вы, Янку, чом процент от пінязи не платите, што сте пожичили зо шпаркасы.

— Я не пожичал ниякы грошы — гварит Янко.

Орсацкий показує Янкови вексель:

— А то чий подпис, Янку?

— Та мой, пане велькоможный.

Тепер аж Янкови засвітило в голові, што то певно тогды он подписал, як подписувал на золотом вышиваны праздничны ризы. Гварит Янко — так и так. Но Орсацкий повідат, што то нич не поможе, ту стоит чорне на білом, што вы сте поручили за вексель Миклоша Такача, учителя, на 7,000 корун, а за других 7.000 ваш сусід. А што учитель не може платити, то вы оба 14,000 корун заплатите, а потом собі, як хочете, можете подати до суду учителя, што он вас скламал.

Пана превелебного ту нич того не тычилося, бо його ни на векслю не было, ни ниякого свідка. Так газдове мушены были запла-

тити. Подали до права учителя. Право тяглося долго, до войны не покончилось, аж по світовой войні за чешской влады. Газдове выиграли. Учителю продали одну велику луку и звернули газдам по 7,000 корун. Но то уж не тоты коруны были. Тамтых корун было 5 за доллара, а чешских 100, а потом 35.

* * *

Ей, бо то добри было пану превелебному жити в Якубях! Што мал найліпшой землі, лук, ліса! И то вшитко люде задармо обробили, заорали, посіяли и зобрали, привезли до стодолы. И не лем с полового поля, але привозили ище зо свого бідного урожаю. Двадцет газдовских фамилий жило бы с того, што попу лем с поля привозили. А ту и плаца от державы, и доходы. В Якубях каждый день похорон был, а крестины, а весіля. Лем пан превелебный крочнул, то собі казал добри платити.

А што до школы, то школа у нас, на таке велике село, была лем една. По 300 дітей приходило до одной клясы. Та хоцбы был и добрый учитель, то бы му трудно было научити дачого столько дітей в пятох клясах. Аж потом газдове зробили другу школу с корчмы, то уж было двох учителей, но тоты учителі были церковны, то больше пильнували умерших, як дітей в школі.

Коли пришла асентирка, то из Якубян по триста рекрутов брали. Як уж вертали с Подолинца, то страх было, на каждого нападали, корчмы рабували, жидов били. Но им всьо было пребачено, бо они уж были “діти Франца Осифа”. То была тота панска мадьярска культура. Тоты наши темны хлопці не розуміли того, што они идут обороняти того пана Пропснера, што платил по 25 грайцаров за 16 годин работы. Тых наших дітей учили так, што каждый з них мае убити по 10 москалей.

Нич дивного, што паны старалися о то, штобы по наших селах панувала якнайбольша темнота, każde село отдали под диктатуру одного пана превелебного мадьярона, а тот уж лем того ся учил, як народ в темноті держати. Народ вірил в чары и страхи. Коли люде посходилися, то не было другой бесіды, лем о попах, чарах и страхах.

Приходили люде на вечурки, то як стары хлопцы и жены почали росповідати о босор-

ках и страхах, то нам, дітям, аж волоси на голові ставали: една чула, як дитина плакала, што померла некрещена, як просила ксту, друга о босоркі, што на кочергі понад селом літат и заходит там, где ся має корова отелити, кому молоко отберат. Против таких чарох и страхох лем свячена вода и свячене зіля помагат, лем пан превелебный може помочи. Но и народ тому всьому вірил. А то всьо было в інтересі панов, бо над таким темным перестрашенным народом они могли панувати и выкорыстувати го на всі стороны.

Припоминам собі не єдну пригоду с такыма страхами, но трудно всьо описувати. Але ту опишу єдну пригоду з великим страхом, што ходил зо світлом по Шамбронской горі. Та гора належала до Якубян, але была при Шамбронском хотарі, то ей так назвали. Так єдного року в децембрі ночном пором почало на той горі появлятися світло, якбы даякий великан з ясным світлом по горі ходил. Были остры ясны морозы, чистый воздух, далеко было видно. Лем раз єдного вечера рознеслася по селі новина, што якийсь великан ходит зо світлом по Шамбронской горі. Люде збіглися коло нашої хижы, бо от нашої хижы тоту гору было найліпше видно. Так, ходит ктоси по вершку горы зо світлом. И то ходил пару вечеров. Перше того страха николи не было. На што-си зле ворожит тот страх. Лем почало темніти, уж гурма народа коло нашої хижы. Люде спремерзали, лем им зубы звонили, но каждый хотіл того страшка видіти. Потом показалося, што то была ясна звезда, котрой на тот короткий час выпала небесна дорога понад Шамбронску гору.

Тоты, што жили в Якубьянах послі світо-вой войны, то опвідают, што як якубянскы "войякы" повертали до дому, єдны з русской, другы с тальянской неволі, але особливо з русской, бо там их было найбільше, и то вельо з них вернуло чехословацкыми легионерами — то дораз взялися робити в селі "порядок" и свою "справедливост". От чого почали? А почали от того, што взялися судити жены, котры не были вірны своим мужам в часі войны. Кто там може знати, котры вірны не были, но але єдну знали, бо

придбала потомка. Што з ньом зробити? Єдны радили, што треба ей повісити. Але другы кажут, што то была бы легка смерть, треба найперше жену мучити. Єден, што был в пліну в России, каже, што так треба з ньом зробити, як робили с таким женом за царя в России, бити ей корбачами. Другий каже, што ліпше буде замкнути ей до гарешту и не дати ей їсти, най помре з голоду. Но єден нашолся меж ними розумнійший и каже, што найліпше буде почкати на ей мужа, мы не маме права, мы ся з ньом не женили. Так спас жену от смерти.

Пришла чехословацка власть и дораз з ньом пришли учителі, были росширены школы, всі діти обовязково мусіли ходити до школы, так што в том молодшом поколі-ню зашла уж велика зміна, молоды люде уж можут читати и писати.

* * *

Пред 80 роками житя в Якубьянах было дуже трудне. Село было замкнене в собі, заробков не было нияких, поле ділили и переділювали. Улекшало аж с открытием эмиграции в Новый Світ, в Америку. Первым из Якубян осмілилися выїхати в Америку Раш. То было його друге мено, першого мена не памятам. Ціле село за тым чоловіком плакало. Но коли люде довідалися, што он уж в Америці, почали по єдному эмигрувати дальше. И мой старший брат выїхал пред 60 роками. А в 1900 року уж было вєще якубянцов в Америці, як в Якубьянах.

От того часу уж ліпше было в Якубьянах жити, бо раз поля для газдов оставало больше, уж не мушены были так ділити, а по-друге з Америки родны родным помагали, присылали грошы, люде позбывалися долгов.

* * *

Якубянцы живут найбільше зо скотоводства. Выпасают грубый рогатый скот и овцы. Мало в селі такого газды, котрый бы не мал увечок. Літом всі овцы в селі бере бача. В Якубьянах было двоих таких бачов, котры брали на літо газдовскы увечкы на контракт. От каждой дойки давали газдам по 13 до 14 фунтов сыра. Такий бача має до помочы по 5 и вєще хлопов, котры помагают му ходити коло великого стада, пасти и доити.

Для бачы остае не лем часть сыра, але и добру отаву продае с кошарискох. Місце, где стадо ночуе, бача часто, майже каждый день мінят, так што запрогноит великы лужы, и на тых лужах росне прекрасна отава. Тоту отаву бача продае потом газдам за добры грошы.

Из увечок газдове мают не лем сыр, с котрого каждый выраблят бриндзу, але и волну, котру сами прядут и вырабляют домове сукно, с котрого шіют собі теплу одежу.

Хліб родится слабо, пшеницу дуже мало дакто посіе. Сіют жито, ярец, овес — садят грулі и капусту.

СМІШНЫ ПРИГОДЫ

В Якубнах так вірят, што як мертвого вынесут з Якубян через границу, то на село мусит придти даяке несчестя — град, злива, засуха. И потому з Якубян не позволят вынести мертвого.

Працувал еден работник от Нового Санча из Галичины в панском лісі и встрітило го несчестя, дерево го привалило и он помер. Так привезли го до села, скочанілого, бо то была зима, то покойный замерз цалком. Внесли го до едной хижы, положили на лавку лежати. В хижі было тепло, так што небощик загірлся, розмерся и упал з лавкы на землю. Якубянцы так ся пострашили, што всі с хижы поутікали, а небощика самого на землі охабили. Аж за даякий час успокоилися, што вернули дохиж.

Як якубянцы убили медведя

Якубянцы возили в зимі пану дерево до пилы. Двоме братья, Петро и Янко, приіхали до ліса, зложили дерево на сані и Янко поіхал з деревом, а Петро остал готовити на дерево, абы мали готове на другой день. Заганят Янко коні, смотрит, а ту на пути лежит медведь. Што робити? Выпряг Янко коні, сіл на едного и вертат назад ку брату и другим фурманам, повідат им, што по дорозі встрітил. Коли уж шиткы фурмане мали дерево на санях, вйо, тай ідут разом. Приіхали, ест, лежит медведь. Што робити? "Кричме разом всі, може ся добровольно спряче!" — порадил еден. Почали кричати, гукати. И напавду медведь встал и, затачаючися, пустился под дорогу до потока и

вошел до воды, где вода была сперта, што в літі наносила всякого лому, то ся зробил банюр. Медведь перешол через тот банюр. Но што было морозно, то вода на медведю замерзла. Там за банюром были два дерева разом и медведь заложил ногу меж тоты два дерева так, што не мог вытягнути, а може зо слабости уж не мог крачати, бо знате, што в зимі медведь спит, а того ктоси збудил и так блукал наспаню. Коли то виділи фурмане, што медведь не може рушатися, позбивали сокиры с короткы топорискох, понакладали на долги друкы и так медведя добили, бо и так мало живый был. Положили того медведя на фуру з деревом и привезли до села. Велика слава для села, хлопи медведя убили. На другой день положили того медведя на санкы и гайда до Старой Любовні, Гнязда, Подолинца, Кежмарку — показували світу, яки якубянцы добры хлопи, што медведя в лісі сокирами убили. Так заробили по пару дудков коло того медведя и славу для якубянских хлопков, што медведя сокирами убили.

Петро Гузлей.

ДВА ВЫЗЫСКУВАЧЕ

(Село Білцарева, повіт Грибов)

Село Білцарева, грибовского повіта, едно з найкрасшых лемковских сел, славне своими садами и богатством садовины. Овочовы дерева так улюбили собі Білцареву, што и в лісі, в потоках вы могли найти солодки черешні, а малин, черниц, ягод в нияких лемковских лісах столько не было, як в білцаревских.

Из документов о Білцареві знаме, што в 1531 року Иван Троханович (сегодня Трохановский) купил от польского короля Жигмонта I солтыство Білцареву при помочы грибовского вийта Пенньонжка. Другий документ польского короля Яна III титулуе фамилию Трохановичов уж Трохановскими и шляхтичами.

На Лемковщині были великы королевскы и панскы лісы, королевскы послі первого розвалу Польшы перешли в австрийскы камеральны лісы, а панскы остали в руках поль-

ских панов. Таки лісы были и в нашей Білцареві. В 1820 року тоты лісы набыл даякий пан Гош, а по його смерти в 1886 року білцаревский панский ліс купили білцаревскы селяне. Но хотя ліс был уж их, громадский, а все ище го называют “панским”.

Того ліса ест за одну четверту всей посілости села Білцаревы, и ліс прекрасный, богатый в дерево, паствиско, ягоды, малины, черниці и дику звірину, село може с того ліса мати великы доходы, но селяне не могли привести того маётку до порядку и не знали так газдувати, абы вытягнути корысть для себе. Так што они оставалися лем все мизерно плаченными роботниками в своем лісі, а корысти тягли вызыскаваче. Было их в Білцареві двох: торговщик-шпекулянт (еврей) и духовник. Тым людям в Білцареві жилося дуже добри, по-панскы, а селяне працювали и бідували.

За примір возьме малины. В громадском лісі мож было собрати тоны малин в сезонуву пору, и жены, дівчата, діти зберали тоты малины. Но часто зберали до кошиков, вмісто до такого начиня, абы не протікало, так што часто найліпший сок подорозі до дому вытікал и малины тратили на вазі. Тоты малины они несли прямо до містного торговца, котрый им платил по 2 крайцари за фунт и сыпал до бочки, а завюз до Грибова, то брал от 10 до 15 грайцари за фунт, то значит 5 до 8 раз брал больше, як сам платил. В часі сезону денно завюз до 400 фунтов малин, за котры заплатил 8 ринских, а взял 40 ринских и больше.

Так было и з деревом, з яйками, маслом, курятми, телятами, всё то шло через руки місцевого шпекулянта. Зато шпекулянт и його фамилия одівалися в шолкы и жили по-панскы, діти ходили в місті до школы, а селяне и их діти ходили обдерты, босы и голодны, діти от маленкости працювали и пасли, о школі ани мысли.

Другым вызыскавачом нашего села был місцевый духовник. Тот не лем вызыскавал, але и диктувал цілому селу, його еден голос значил больше не лем в церкви, але и в громаді, як голоса всіх газдов. Білцаровского “ксьондза” каждый знал на цілу околицу, бо он был не лем “ксьондз”, але и великий

“русский патриот”, и адвокат, и з духами бесідувал, но и великий богач был, осмеро дітей мал, всіх вышколувал, хоц и планно училися, а притом до банков капиталы зложил, десятки тысяч, а всё с того едного села Білцаревы. И жили собі дуже по-панскы, на високу ногу. Мене он крестил в 1888 року, а в 1913 року ем шол до Америки, то мя послідный раз сповідал. Як на клєбании жили, то я знам добри, бо наша хижа лем через воду от клєбании была.

Он в Білцаревой был вшитко: настоятель духовный, начальник громады, жандарм, дорожник. Яко духовный настоятель сам в нич того не вірил, што проповідал в церкви з религии. Он с того сміялся. Зато дер за похороны, весіля, крестины, службы божы, як ниякий другой поп на околицу. О каждом небощику знал, што ся з ним діе на другом світі, бо он выкликувал духов з другого світа. Так и кричал в церкви, што он знає, котрый білцаровян находится в небі, котрый в щистилищу, котрый в пеклі. Но переважно всі білцаровяне были в пеклі, лем едного поляка душа, што ся повісил, мала быти спасена, бо полька ище екстра на службы божы приносила.

За похороны брал по 100 ринских. Лем за похорон мого отца нич не взял, бо ся страшно на него заїл, што отец протестовал против несправедливости. Мого отца называл социалистом, и коли отец помер, то не позволил звонити, ани хоругви с церкви взяти, ани до церкви не впустил.

Коли молоды хотіли побратися, то мушены были идти на “науку” ко ксьондза. Но ниякой науки им не давал, а казал робити на полю, або молотити.

Нияке засідание сельской рады або собрание громады не могло без ксьондза обыйтися, бо было неважне. Он уж знался добри с паном старостом и зо жандармами. Почту для села брал сам, отверал писма и читал, цензурувал.

Выбрали раз против його волі вийтом В. Горощака, молодого энергичного селянина, што знал свое право, порядок и дисциплину, и всю громадску власть от ксьондза одобрал. Гей, што то было! Выклинал го с церкви,

заклинал живым крестом, но нияк не мог с тым хлопом поради́ти.

Коли виділ, што дагде на людском труді може заробити побочно, то дораз ставал контрактором. Збурила вода дорогу, забрала мост, ксьондз уж голосился до староства, што он возьме поправу на себе. Пришла комисия, отаксувала, тай дали ксьондзу грошы. А ксьондз нагна́л до работы своих парафиянов: Навозили каминя, дерева, поправи́ли до́рогу, а коли работа была зроблена, то єдно́го поклепал по плечах, другому всыпал до пригорщ кукурузы и повіл, што як тоту кукурузу посадити, то барз велика выра́сне, а грошы сховал сам, положил собі до банку.

На полі зробила вшитко громада. Селяне навоз вывезли, поорали, посі́яли, покосили — жены позберали, компери посадили, окопали, выкопали. Так само дров навозили з громадского ліса, 12 сягов дров на опаль давала громада каждый рок. Нарубали, привезли, порубали на готове до пеца.

А кромі того в Білцаревой заховалася ище роковина, каждый газда приносил по пару снопов зерна, каждая газдыня великий роковий хліб, кромі тых хлібов, што газдыні носили в каждую неділю поста, в задушны суботы и на св. Николая. Носили хлібы з найкрасшого зерна, або с купчой муки, бо то Богу на офіру. А у ксьондза і́ли тот хліб свині, коні, худоба.

Єдного року пришла на худобу в селі хворота, т. з, слинавка. Много худобы вымарнілося. Но ксьондз знал вытягнути и с того корысть. Почал кричати в церкви, што то божя кара зато, што люде мало на службы божы дают. Радил, штобы каждый газда приносил на службу божу перше теля от каждой коровы на хвалу божу, то слинавкы не буде. И подумайте, сколько то попу телят зо села пришло. И правда и то, што йому принесли, тото теля уж ся не слинило, бо го зарі́зали и зі́ли. То само было и с курами: абы ся куры несли, треба было носити яйка до церкви на молебен.

И “организации” в селі заклада́л: Заложил “братство” и “сестричество”, каждый член платил по 5 корун членского рочно. Затоты грошы ксьондз спроваджал сві́чки, на котрых зарабля́л — а братчыкы и сестричкы

стояли с тьма сві́чками в часі отпра́вы. З єдным мал клопот, бо хо́ц вступи́л до братства, але сві́чку тримати и стояти в ряді не хоті́л, бо был дуже низкого росту, такий на звыш, як и сві́чка, то ся ганьбил.

“Егомосць”, “імосць” и их сынове грали великих аристократов, одежу для себе орде́рували аж в Кракові. Но зато егомосць не мог смотрі́ти, як селянин або селянка мали нову лаху. Коли на Матку-бжу посвячал коло церкви зі́ля, то лем позерал, где стоят жены в новых тыбетках, и змачал кропи́ло аж по саму ручку, а шуст по новых тыбетках. Не-єдна жена зберала ці́ле лі́то грибы, ма́лины, жебы си тыбетку купити, а егомосць сплямил за єдну мину́ту брудном водо́м.

Сам себе и свою фамилию обложил всі́ма выгодами, взял село в свои руки и сиді́л в нем 35 лі́т, яко неограниченый никым диктатор. Бідны газдове были беспомочны, бо у него были ключы до земной и небесной вла́сти. Наостатку приступил до будовы модерной мурованой плебани́и. Стара будова была ище добра, но он хоті́л таку зо всі́ми выгодами. 23 тысячы мушено было бідне село зложити на тоту нову будову.

Раз мало я не стратил житя завдякы пустоті и легкомыслности попового сына и самого попа. Єден з його сынов зда́л який-си экзамен, тай мене выправил по него паром коней до пої́зду в Грибові. “Панич” был пьяный, взял от мене коні и гнал их так без милосердия. Звычайно з Грибова до Білцаревы треба і́хати годину, а мы приі́хали за 40 минут. Жене панич и через село и на мост, што провадил через воду на плебани́ю. Мост не вытримал. Коли зме были на середині́, мост завалился, коні и брычка с паничом и зомном в воду. Вода у нас невелика, голый каминец в часі до́лшой погоды. Но на наше счастья тогды падал дощ и вода была больша, так што вмі́сто на ка́миня, мы упали до воды и не убилися. В чуда не ві́рю, но тогды сталося для нас чудо. Позднійше показалося, што мост был уж пере́гнитый. Так видите, село зложило попу 23 тысяч на нову модерну плебани́ю, а он не подбал столько, штобы поправити мост до той модерной плебани́и, што стояло бы парусто корун.

Поле в Білцареві не было таке планне, село было положене меж лі́сами, в котловині́, ма-

до поддостатком вогкості, ліси обороняли го от спеки и наводнення, а притом давали поддостатком подстілки под худобу. Родилася озимина, овес, конич, а найліпше компери. Крім того, як уж выше вспомнено, надзвычай родилася садовина. Люде з других сел, здалека с польских сел приходили в Білцареву за садовином. Но білцаревяне не знали с тым порядку, много садовины погнило. Не было кому поучити селян земледільства, садоводства, лісоводства, скотоводства. Газдували так, як газдували діди прадіди. Правда, приходили до села поучны книжечки О-ва им. М. Качковского членам того О-ва, но никто майже их не читал, бо старшы люде читали, и то лем дакотры, лем церковне писмо. Єгомосьц нагварял, штобы стати членом О-ва Качковского, но не зато, абы люде просвітілися, лем абы он мог уходити за "патриота" во Львові. О то он не дбал, штобы селяне дашто знали, бо йому выгоднійше, як не знали нич. Темного легко вызискати.

Итак, наше село Білцарева переживало віками в темноті и нужді, найперше в старой пансіой Польші, потом под властью австрийского кайзеризма, а 22 рокы тому назад попало знов под власть польских панов. Минувшого року попало под німецку фашистску оккупацию.

Много білцаревских селян выемигровало за море, в Америку, подобно, як з других лемковских сел. В самой Білцаревой не было ани не буде добри жити, як долго она буде под чужом ненародном властью, таком властью, котра не буде дбати о народ, лем о то, як вызискати тот народ, то ест така, котра даст народ в руки таких вызыскачов и затемнителей, як тоты два, повыше описаны. Лем народна власть научит народ працювати для себе и жити по-людскы. И я твердо вірю, што в Білцареву, як и в цілу нашу Лемковщину приде така народна власть.

Я. А. Кобан.

КАЖДЫЙ РОДИТСЯ СО СВОИМ ТАЛАНТОМ

(Село Чорне, повіт Горлицы)

Каждый чоловік родится со своим талантом, так и я родилася со своим, лем не каждый чоловік має возможность развити свой талант, с котрым родился, и я належу до тых людей, што не мали возможности покончити школы, абы развити свой талант.

Хочу я вам оповісти пригоды из своего жития за дитинских літ в краю, в мойом родном селі:

Запамятала я першу пригуду, коли мі было штыри рокы. Памятам, як пришол до нас старенький подорожний, и што он повідал. Было то в літі, як мои мама пришли с поля з работы. Они варили вечерю, а я колысала дитину. Вошол до хыж старенький подорожний и сіл собі на лавці и почал на мене позерати. Но мама не любили, як чужы люде им на діти позерали, бо ся бояли, што дітом ся з очей стане. Я памятам, што коли до нас пришол даякий подорожний, то мя брал на руки, а мои мама тото не любили. Так и тот подорожний смотріл на мене, як я бігала по хыжы, а потом мя взял за руку, коли я пришла близко него, и положил собі на коліна. Мама подошли и хотіли мя от него взяти, но он рюк:

— Успокойтеся, газдынь, я вам ей не возму, я вам лем хочу повісти, под яком планетом ваша дитина родилася и який має талант.

Погладил он мене по голові, попозерал по карку и гварит:

— Тота ваша дитина родилася под военном планетом. Коли бы она была хлопцом и покончила школы, то бы из ней был великий полководец, котрый бы выгравал битвы, где бы лем не воювал. Але же тота ваша дитина дівчатко, до высшой школы ей певно не дате, то она вам буде на доброй помочы на газдовстві дома, покаль не выіде в світ.

Итак, я была от самой маленкости на помочы мамі дома. А коли мі уж минуло осем літ, то мя брали на помоч и мои няньо, до поля до работы.

Взяли мя перший рок со собом ярувати. Они ходили за плугом, а я поганяла. И так ся им добри зомном орало, што ся не мог-

ли нахвалити. Повідали, што я так знам добри запровадити быкы, што нич им не треба плугом замітувати. Так мы весело парували перший рок, што ани зме не знали коли, так нам легко яр перешла.

На другий рок няньо уж не хотят никого иншого поганяти, лем мене. Пришла яр, и я знов поганям.

А наш грунт был коло самой поповщины, и вышел поп посмотрити свое поле. Стал он коло нас и звідуєся, як ся нам оре. Няньо гварят, што барз добри, бо мают доброго погонича, што му так быкы ходят, як годинка. Поп посмотрил, як то мене быкы слухают и як мі ходят и покивал головою на мене.

На другий день поп вышел ку нам уж рано и гварит:

— Слушайте-ле, Василию, я мам два трирочны гачуры, котры ище не были запряганы, та я бы их хотіл выучити тягати, бо я их хочу до брычки на выїзд.

А няньо гварят:

— Та знате, егомосьць, што? Запряжте вы их найперше до плуга. Мате бандуркы садити, то их возте и запряжте до плуга и садте бандуркы.

И так зробил поп, як няньо му казали.

Запрягла я быкы до плуга и ореме з няньом, а за хвилю смотриме, везе и поп бандуркы зо слугом. Привезли бандуркы, а потом пошли по гачуры. Привели гачуры, запрягли до плуга, тай поп взял в руки и кричит: вїо! Слуга тримат плуг в руках. Вїо и вїо, але гачуры ани руш. Вмісто вперед, та они взад. Взял их слуга в руки, а поп за плугом: Вїо! Але гачуры як скочат, як торгнут попом, то поп на землі. Слуга выпустил плуг, а хватил за гачуры, и тримат их за вичкы, што силы. Успокоилися кус. Стал поп зо землі и знов зачинат поганяти, а слуга за плугом. Але гачуры як станут впацкы и шмарят собом, то аж вичкы поторгали и колечка поламали. Не можут собі нияк дати рады. Кухаркы стоят с кошиками, же будут бандуркы садити, а мусят дармувати. Поп шкрябе голову, и гварит, што тоты гачуры не будут робити.

Приходит поп ку мому няньови и гварит:

— Василию, тоты мои гачуры не хотят робити, и, як видно, то не будут робити. Повіч мі, што я з нима мам робити?

А пак каже поп жартом:

— Може ты, Василию, позволил бы мі твого погонича, може бы йому мои гачуры ходили в плузі, як ей быкы так добри ходят.

А няньо гварят:

— А вы, егомосьць, не смійтеся, бо и так може быти, што мому дівчату ваши гачуры будут ходити.

— Та но-ле спробуеме!

— Та спробуеме!

— Так я вам вышлю свою кухарку поганяти, а вы мі дайте свого дівчате — гварит поп.

— Най и так буде — гварят няньо.

И так няньо мя пустили. Слуга принос другы колечка, подложил, дал мі гачуры в руки. Я погладила гачуры по головах, поклепала по боках, и гварю: вїо Кася, вїо Маня просто бороздом. Идут просто. Дошли до конца, наvertsам, идут, як стары. И идут просто бороздом. А я лем бесідую до них, вїо Кася, вїо Маня. А они тото любят, слухают.

Не могли пречудуватися. Гварит поп:

— Но та лем посмотте, як той дитині коні ходят, а мене мало не убили!

И так мы зорали пару загонов. Коли пришло полудне, поп взял мя на обід и обідали мы обое в його покою. Он барз был рад, што уж може тепер гачуры запрягати и до своей брычки на выїзд.

А в неділю в церкви поп о той пригоди мал проповідь. Гварит, што каждый чоловік родится зо своим талантом. — Я, гварит, виділ того тыждня в одной дитині такий чудесный талант. Мам я трирочны гачуры и я хотіл их научити робити. Запряг я их до плуга, но ни мі, ни мому слугі тоты гачуры в плугі ходити не хотіли, хоц мы их кормили, выховали, так што они нас знают. Цапкы нам ставали, вичкы поторгали, колечка поламали. А пришла осемрочна дитина и тоты мои дикы гачуры ходили ей, як діти. Ци не даный Богом великий дар, великий талант той дитині? Што бы с такой дитины могло быти, если она могла покончити школы и развити свой талант?"

Так мя выславил в церкви. Але о то не старался, абы я могла покончити школу и развити свой талант.

ПЕРША КОСА

(Село Баеровцы — Пряшевска Русь)

Коли мой отец вышел до Америки, то я, його найстарший сын, мал 14 роков, и я остал уж, яко газда коло мамы и молодшых от мене пятеро дітей, двох братов и трох сестер. Было то в 1908 року, 2-го юня, як мой отец вышел в Америку, так што я уж мусіл думати, як ся до косы брати.

Так найперше треба было добру косу купити. Гварю я мамі:

— Мамо, мі треба добру косу купити, то я мушу ийти до Плавец на ярмак выбрати собі косу, бо треба коничину косити.

Мати вивязала зо шматкы грошы, дала мі и я выбрался на ярмак купити добру косу. Пришол я на ярмак, позерам, где продают косы. Смотрю, а там хлопох купа, обступили кошы с косами и собі бренкают. Подхожу я ближе, стаю зо заду, бо наперед мя не пустили, тай призерамся, як они тоты косы выбирают. Еден бренкат косом о камень, другий тягат свою по ногтю, третий тягне ей по своих зубах. Я иду ку тому, што косу по зубах тягне, думам, што тот певно найліпше знае выбрати косу, як он тягне по зубах, а не поріже собі язык або варгы. Думам собі, што того ся мі треба тримати, он мі добру косу выбере. А то ище и баровян был. Потягнул я го за рукав и гварю:

— Уйку, може вы бы мі косу выбрали...
А он каже:

— Та чом бы ніт, але мі мусиш паленкы купити.

— Най буде и так, уйку, вы мі выберте косу, а я вам кажу палюнкы.

Выберат уйко косу, тягат по ногтю и по зубох и о камин бренкат — выбрал.

— Тота для тебе буде — гварит.

Заплатил я косу и гварю:

— Но та тепер подте уйку до корчмы, то вам кажу палюнкы.

Пришли зме до корчмы, розказал я уйкови погарик палюнкы, але уйко пити не хоче, гварит, где моя палюнка. Мусіл и я собі палюнкы купити. Выпили зме, тай я звідуюся уйка, ци не иде ище дому. А он гварит, што цілый день ярмак, што он не иде, аж буде по ярмаку.

Иду я сам дому, тішуся своей косі, тягам так по ногтю, як и уйко, бренкам по каминю, пробую и по зубах потягнути, але не можу вызнатися с того, як то мож познати косу, ци она добра, як потягнути по ногтю або по зубах, то лем уйко знае.

Пришол я дому, гварю матери, як то хлопцы косы выбирают и звідуюся, чом то косу по зубах тягнут. А мати повідат, што они так познают, ци коса мягка, ци тверда. Беру я зас косу, тай пробую зубами, ци она мягка, ци тверда. Мати на мя кричит, што собі гамбу поріжу, або язык отріжу. И правда, уж кров иде з гамбы. Але зато нич. Гварю, што я иду поклепати тоту косу. Мати гварит, што треба попросити даякого хлопца, абы мі косу поклепал, бо я не знам.

— Гей, не знам! Таж я нераз виділ, як няньо косу клепали.

Набил я косу на кися, взял на рамено и иду на поле косити коничину, а все ся озерам, ци то на мене дакто смотрит, што я уж такий хлоп, што иду косити. Вышол ку коничині, збил косу, нашол собі таке деревце, што ем забил до него бабку, збил косу с кисяте, сіл, тай клепу, и от часу до часу позерам, цы дакто не смотрит, як я уж и косу сам клепу.

Но але што ся стало. Я ту бю по той косі, а ту на косі сама лушка, остря покривлене, як несчестя. Взял, набил на кися, вытяг оселку, потягнул по косі, лем раз ся мі оселка зомкла с той покривеной косы, тай я пальцом по косі. Лієся кров с пальца. Але и палец байка, лем жебы дакто не виділ. Озерамся, ци дакто не позерат на мя и не смієся з мене, який я ту косар.

Збил я тоту нову косу, поламал и шмарил, а набил собі стару няньову косу. Аж том старом косом научился я косити, на ней научился клепати, бо стара коса так ся не луцкуе, як нова.

Косил я коничину, а потом я ся лапил лукох косити. Пришло ийти косити на горы. Вы знате, што на горах трава тверда, псярка, там треба мати силу и добру косу. Хлопцы з мене сміют, кажут мі добри притискати. Я пристикам, што мам силы, а коса лем поверху втіче. Но помалу я и на горах привык и косил.

Пришло зерно косити. Ту уж было вельо лекше косити, а з вязаньом было тяжше. Гру-

лі копати зас лекше было. Але як пришло до ліса по дрова ийти, то зас было барз тяжко.

Поіхал я раз з матірью до ліса. Хотіли зме привезти єдного бучака. Но и не дай Боже го высадити на телігу. Пришол ку нам єден хлоп. Мати ся усміхат, што он нам поможе навалити того бучака, тай му гварит:

— Уечку, мусіл вас ту сам панбог принести.

— Та є, — гварит.

— Но та лем нам поможе того бучака навалити на воз.

А хлоп гварит:

— Ты глупа, та то ани штырме хлопи того бучака не двигнут.

Я повідам матери, што он сам го може двигнути, якбы хотіл, но он не хоче помочи. Таки людє на світі сут, што вам не поможе, он тішитя, як на другого біда. Тот хлоп был наймоцнійший в Баровцох. Но але зато нич, гварю, мы собі даяк порадимє. Мати расплакалася, што такий великий хлоп и не хоче помочи.

— Не плачте, мамо. Я виділ раз, як єден хлоп вытягнул дерево на воз с коньми. Спробуєме и мы так.

— Забьеш и коні и сам себе — гварит мама.

Но але я подставил друка под бучака, привадил коня и вытяг на воз. И от того часу уж и мама смотріла на мене, як на хлопа, уж ся так за мене не бояла.

Пришла зима. Но и в зимі было работы дост, бо было дванаест кусов статку. Може дакто повісти, же чом отец шол до Америки, як у нас было дванаест кусов статку. Та бо у нас не было урожайного поля, у нас людє лем зо статку жили.

Коли зима перешла, то треба было братися до плуга. Молодший брат поганял, а я ходил за плугом. Я прошу, лем помалы, Николай. А он нароком, як зажене коні, коні скочили, а мой плуг уж вонка. Николай мал с того сміх, што то я не знам за плугом ходити.

По яри пришла знов косьба. Но тот рок вельо ліпше шло, як перший. И так дале рок за роком, аж до 1911 року, коли я уж был тугий паробок.

Того року сталася така пригода зомном.

Якоси раз в великом пості взяли хлопці єдному газдови воз, єдны посідали, а други тягали, и так возилися. А газда пошол на скаргу до пана превелебного. Но он не знал, котры то хлопці. Але якы же иншы, як не тоты, што няньох в Америці мают. Тай на мене. А мене тогды ани дома не было, бо я был в Липянох с учителем. Прихожу я до-му, а мати мі гварит:

— Ци ты знаш, што маш ийти на катехизм на фару? И то дораз.

— Та добри, можу ийти, як мя треба.

Выпряг я коні з Николаем, тай иду на фару. Пришол на фару, знял калап и кажу: “Слава Иисусу Христу”. А мой пан превелебный нич не каже, лем вышол до сіней и вертат назад з бакульом, тай вымахнулся на мене. А я лап за бакульку и звідуюся:

— Пане, та то зашто?

А он кричит:

— А ты битанк таланк!

Потом мі каже, што я іздил того газды возом. Я попросил учителя, учитель посвідчил, высварилися оба по мадьярскы, но нич не помогло. Учитель мі повіл, абы я вєце до него на катехизм не ходил. И я не ходил, але он мал все на мене око и все мене непокоил. Но в 1912 року пришли няньо з Америки и уж мі дал спокой.

Хотіл я іхати до Америки в 1913 року, но мя не пустили. В 1914 року я уж мал 20 літ. Уж мя до войска взяли. Пан превелебный каже в церкви, што тоты, што до войска идут, абы выступили наперед пред олтар. Но и як зме выступили, то он найперше ку мі и повідат мі при вшиткых, який я планый хлопчиско был, што тєраз мене перша куля може убити. И каже дальше, штобы зме били добри тых москальох, бо они погане...

С. С. Кормош.

ЯК МЫ ВЫШЛИ НА КООПЕРАТИВІ

(Терново над Терешвом, Мармарош)

Наш карпаторусский народ в Мармарошу жил бідно, дуже бідно. Добре жилося у нас лем попам, євреям шпекулянтам и мадьярским урядникам. Селяне были совсім в руках лихварей, задолжены по уха. А кто раз задолжился у єврея лихваря, тот уж не осво-

бодился з його пазур. Он и ціла його фамилия были мушены працювати на лихваря. Бо то по 20 процентов и больше лихвар собі рахувал от своей пожички, так селянин нияк не мог выйти с той лихвы и счасом тот кусок його поля переходил на власность лихваря, и селянин был мушенный працювати на него.

Коли мні было 15 літ, у нас был еден учитель, по имени Иван Мигалко, котрый хотіл помочи нашому селу Терново выбавитися от лихвы и задумал он основати в селі взаимопомочну кооперативну кассу. Кто хотіл быти участником той кассы, то должен был каждый тыждень вкладати 10 грайцаров. А если у него не было 10 грейцаров, то приносил даякий свой сельский продукт, яйца або масла, або друге што, а тот кооператив продавал то, и так наш кооператив дошол до капиталу, што мог давати пожичкы селянам. Давал пожичкы на 8 процент. Розумієся, што селянину было лекше платити 8 проц., як 20 процентов, то раз, а друге он был сам членом кооператива, он мал там свою участину, то и тот процент, што он платил от пожички, богатіл кооператив, то и його. Наша касса уж так взросла, што при ей помочы задолжены у лихварей селяне помалу освобождалися от них. И то за два roky наш кооператив уж дошол до такой силы.

Наш духовник Александер Горзов спочатку был с кооперативом. Он, здаєся, думал, што для него самого с того буде велика корысть. Но йому так вышло, што он може мати от лихварей больше корысти, як от кооператива. И коли еврейскы лихвари и шторники звернулися до него, абы он помог им убити нашу народну взаимопомочну кассу и торговлю, он перешол на сторону лихварей и спекулянтов, взял их партию и разом почали робити против нашего кооператива.

Но и поп почал вмішуватися учительові до торгового и кассового діла и почал переслідувати го в церкви. Бо треба знати, што учитель был церковный, то ест он подлежал епископской верхности. Так ишла у нас сварка и борьба в кооперативі дас 3—4 місяцы. Наостатку парафияне скликали громадский митинг, збунтувалися против попа и урадили выгнати го зо села. Если не одый-

де сам до місяца, то треба го вынести силом из парафиального дома. Так ухвалила громада.

На другу неділю пришол в село служити службу в церкви епископ Фирцак из Ужгорода, и он нагрозил учителю, штобы ниякими кооперативами, нияков торговльов не занимался, а абы смотріл церкви и церковной школы.

Но коли люде вышли с церкви, а потом поп с епископом, то люде пред церковом почали грозити попу и епископу, абы оставили учителя в спокою, а сами забралися зо села. Так што якоси поп и учитель погодилися и здавалося, што всьо утихло. Так было, дас місяц. Но мы видиме, што поп штораз то больше пьяный ходит, и пьяный до церкви приходит, та и в церкви пье так, што часами хлопцям в середині вечерни треба было выводити пьяного попа из церкви на задны двери ивести го до дому, бо падал при олтарі. А то он так упивался вином, котре носили му лихваре и шпекулянты, абы он робил против нашего кооператива. Розумієся, што не лем вино, але и грошы му носили.

Незадолго нашому учителю спалили столу и стайню, а в ней 7 учительовых коров, 4 безрогы, куры, и цілый господарский инвентар пропал в огню. А ничего не было ассекуровано.

От страху и жалю захворіла тяжко учительова жена и зажадала от своего мужа, абы он сейчас выносился зо села, бо она ту жити не буде.

Итак, учитель был мушенный забратися з нашего села, а кооператив оставил неграмотным селянам. Та и каждый урядник отрікался своего уряда, бо боялся, што и його так спалят, як спалили учителя. Ище рок держали кассу, но она уж упадала, бо люде боялися сами своего кооператива. Поп провадил пропаганду против нашей кассы, казал людом, што то лем урядники богатіют.

И так, народ лишил всьо, а сам попал назад в поповскы и лихварскы руки. Народ страшно роспился от того часу. Он ненавиділ попа и лихварей, але виділ, што он не може освободитися от их пазур. Люде меньше ходили в церковь, а больше в корчму. Были такы, што як сіли в корчмі в неділю, то

просиділи до понеділка. Церков пустовала.

Я в тот час пошол до войска. А коли я вернул з войска, то мое родне село совсім змінилося. Головну улицу села заселили євреї лихвари и гандляри шпекулянты, а русскы газды росселилися в колибах-будах поза середину села.

Так жил наш карпаторусский народ под мадьярскими панами в старой Мадьярии за Франц Осифа. То не едно наше село было в таком рабстві полов и еврейских лихварей шпекулянтов. В таком страшном рабстві, в страшной темноті и нужді жила вся наша Карпатска Русь. И она попала назад в мадьярську неволю и темноту. Она буде мучитися так долго, пока не освободится и не объединитися зо своими братами на Востоку.

Димитрий Церковник.

ШАРИШСКЕ ВЕСІЛЯ

(Село Поточки, Маковица, Пряшевска Русь)

Мое весіля отбылося не так давно, бо лем 6 літ тому назад, в 1934 року. А было то так:

Мой теперішний муж был в Америкі пред тым нашим весілем, а пришол осмотріти край. Но и в краю он осмотріл и мене, и хотіл мя взяти за жену. Лем една біда нам стояла на заваді. Он хтіл, жебы зме присягали у нотаря, а я хтіла у попа. Але наконец я пристала на його. Знате, як то єст: хлоп ся мі любить, та уж зробити так по його волі, ийти до нотаря и повінчатися. Но але ту знов біда, бо родиче не хтіли у нотаря, лем у попа, Моя мама так плаче, лем гучит, што молодой не хоче ийти ку попови, як даякий великий грішник. А ту уж весіля стоїт, музыканте грают, сватове, дружбове, дружкы танцуют, треба ийти под вінец, а младый лем все до нотаря.

Уж и моя мама ся кус успокоила, уж нич о попа не вспоминаєт. Но але як посходилися на весіля стары бабы, як почали языками обертати, то ажи цыганску музику заглушили. Една каже:

— Кумо, я бы свою дівку не дала так за хлопа, абы не была вінчана у попа.

Друга каже:

— Стрыно, я бы свою тыж не дала.

Третя каже:

— Тетко, то єст великий гріх, бо то так, як на віру, як лем у нотаря повінчати.

А молодой лем все до нотаря. А мама зас плаче и с плачом иде ку младому, тай гварит:

— Сыну мой, ид до попа, бо я ся барз ганьблю! Каждый кричит, што то гріх у нотаря.

Но и так молодой рад-нерад мушений был старым бабам уступить, уж пристал ийти до попа. Та и мі уж лекше на сердці стало, уж ем рада, што вінчання отбудеся у попа. Знате, я тыж радше повінчатися у попа, бо пип, то єст штоска. В краю попу дають, бо думают, што с попом все ліпше счестя. Молодому барз ся то не любило, но але кед уж каждый так на нього, то треба до попа ийти.

Так уж сидиме на возі и ідеме до Бережничкы вінчатися ку попови. Попово мено Ян Лацко. Но та уж шитко добри, уж зме пришли на фару. Вышол поп Лацко ку младому и звідует:

— Маш выпускный лист от своего попа з Ладимировы?

А молодой каже:

— Ніт!

— Та чом ніт?

— Та я не знал, што треба даякий выпускный лист — каже молодой.

— Так? Та я вас вінчати не буду!

А я уж ся трясу зо страху и сой думам:

“Та тепер уж наистні мусиме до нотаря...”

Но але якоси инакше роздумали. Послали дружбу на коню до Ладимировы. А то было дас 20 километров драгы в одну сторону. Дружба мал принести выпускный лист. Но але ладомирский поп не хоче дати выпускный лист, бо молодой не был в сповіди у него. Дружба иде назад, а лист не несе...

Но та тепер што зробити? Я кажу своему попови, ци я не можу от него достати свой выпускный лист, што тогды нас може поп молодого повінчат.

А мой пан каже:

— То гей, чом бы ніт, але мусите заплатити за тот выпускный лист так, як и за вінчание, бо преступуете закон, котрый каже, што ты маш быти вінчана своим попом, не другим.

Но и так нам треба было двум попам за вінчание платити.

Но и тото людям нич не помогло, бо коли люде виділи, што мой муж не хотіл вінчатися у попа, то почали бесіду, што он в нич не вірит. И за столом, як зме ся гостили, то каждый на него смотріл, як на даякого звіра, ци ся буде крестити за столом, як гварили отчеш. Гварили, што он мусит быти даякий кальвин. А як виділи, што он то робит, што и други, то повідали, што он вірит в Бога, лем в попа не вірит, то и так великий грішник. Но мой муж был ту в Америкі, то он знал, якы попи и он в попох не вірил ани не вірит, але в Бога вірит, акуратного Бога. Але кед в краю люде так думают, што як человек в попа не вірит, то и в Бога не вірит. Так они фальшиво вірят в Бога. Кед я собі подумам, як в краю попи робят з людьми, як их здерают, як их в темноті тримают, як выступають против просвіты и людского прогресса, як лем о себе дбают, о свои выгоды, то аж мі недобри ся робит. Та они горшы от поганох.

Правда, я тоже вірила попам в краю так, што я была за них свой живот дала, бо я думала, што они святы, як о собі сами повідают. В краю я попам руки цілувала. А тепер, як бы мі дакотрый руку надставил, абы ей поцілувати, то я бы му наплювала. Они бы зос человека скору здерли, кебы могли. Они знали, што мой муж пришол з Америки, то принюс даякы грошы, то треба от него взяти. Єден хоче 60 корун за фалаток папера, а другий 65 за вінчанку, и взяли!

Но але люде ище все не были спокойны, зачали бесідувати, што мы не вінчаны. Так мой брат на другий день прибїг на коню до Ладимировы и звїдує мене, же ци зме вінчаны. Я му кажу, же е! Но он не вірит и мі гварит, абы я ишла з ним назад ку мамі, што они мі не дадут так жити невінчаным. Я му кажу, абы он не мішался не в свое діло и ишол собі дому. Але он ани руш с хыжи, аж ем му мусіла показати шлюбный лист. А моя мама аж похворіла через тото мое весіля.

То так люде в краю твердо вірят в попох. Попові даст остатню коруну. Штобы мал дашто купити за тоту коруну своим дїтьом, то ей даст бріхатому пану. Пан собі іст и пье найліпше, а народ ся морит на постной бан-

дуркі з варом, а часом ани бандуркох нїт. Я бы рада была, жебы скоро Красна армия там пришла, то бы тых бріхатых панох повінчала, ани бы им выпускного листу не требало. Тогды не буде: "берте бідного!" — але будут брати бріхатого пана. Уж дост ся там натримали ярмо на нашом бідном народі. Лем што сами хтіли, то з народом робили, а ище и тепер што хотят, та робят прокляты мадьяроны и словацкы клібаны. Тепер на Словенску невольню по-русскы бесідувати.

Не думайте, дороги краяне, што то ест даяка выдумка, то ест истина правда, бо то было зомнов, што ту написано. Велика баламута женитися в краю.

* * *

Два місяцы по весілю мой муж пошол назад до Америки, а я остала дома коло мойей сестры, бо мужа родиче мене не хтіли ку собі, бо их сын не женился так, як они хтіли. Они хотіли, абы он взял собі жену богату, и таку му раїли. А я была бідна и сирота, без отца, то они не хтіли бідну невісту. То як мой муж пошол до Америки, то мі было барз эле.

Люде до мене были барз неприемны. Я была з другого села, то на мене смотріли, як звіры на чужого звіра, як на даякого неприятеля. И зачали мя страшити, што уже вече я свого мужа не буду видіти нигда, што он мат другу жену в Америкі. Бесідували, што ани писма от него мати не буду, ани мя до Америки не возме. А я глупа была, то ем тым байкам вірила и барз ем ся старала и плакала. И люде ся с того барз тішили, што я ся грызла и плакала, бо ся гнївали, же не взял собі жену зо села, але пошол за женов на друге село и то дост далеко. Я ся ганьбила дагде с хыжи выйти, бо ся каждый сміял, што муж пошол, а я остала.

Я здня-наден чекам, же може писмо приде. И так пришло едно, пришло и друге и третье. А ту уж почтар мі и рецеп принюс, што мам грошы на почті. Та то уж не так, як люде думали. Ту уж им было недобри, што муж о мі не забыл. Уж пак зачали повідати: "Та ей гроши пришли от него!"

За короткий час мі уж и шифкарта приходит, и муж пише, абы ем задала на пас. Подала я о пас, а ту зас дашто инше. Уж

повідать, што мя до Америки не пустят. И знов людом радость, а мі смуток. Але ци пустят, ци ніт, то треба ся старати о пас.

Но пас достати у крайовых панков проклятых, у той сволочи, не так легко! Я пошла до Стропков на окресный уряд з документами, што мі выробил Ладомирский нотар и дала на пас, то мі повіли, што достану о місяц. О місяц ем пришла до Стропков, ци пас не пришол, то мі повіли, што пас ест на окресном суді в Свиднику. Пришла я до Свидника, а там мі повідать, што загнали пас назад до Стропков. И так мя преганяли за три місяцы, зо Свидника до Стропков и назад. А я то не похопила, што тота сволоч потребуе платню окреме. Але встрічу едного, што уж давал на пас, а он мі гварит:

— Ты, Олено, глупа. Як ты хочеш мати пас, то ты ид ку слечной, што робит нам в канцелярни на окресном уряду и дай ей грошей!

Не пошла я до канцелярни, там где она робила, а там, где жила, и ем ей вопхала 100 корун. Та на другой день уж ем пас достала. А як был тот человек мя не поради, то ище до днеска бы-м чекала за пасом, бо я така глупа была, што ем не знала, што панам треба по двараз платити. Я раз им шитко поплатила за их роботу и за стамплі и за папери.

Так каждый може видіти, што шиткы крайовы панове еднакы, ци то чехы, ци словакы, ци полякы, ци русскы, шиткы лем бідного человека здерают.

* * *

Так уж пас мам в руках, лем бы іхати ку мужови. Выбралася я в неділю, думаю, треба ийти по обіді. Але треба ище высповідатися на дорогу. Иду рано до сповіди. На сповіди поп мі барз наказувал, же як приду до Америки, абы ем ходила до церкви, але лем до греко-католицкой, и жебым мужа наганяла до церкви. бо он знал, што мой муж в попох не вірит. И я уж тепер им не вірю, бо я ся преконала, што они правду не повідать. Та и каждый розумный чоловік то може розуміти, може переконатися, што нашы попы мадьяроне, то найгоршы неприятелі нашого народа. Я не можу розуміти, чом то наш народ кормит таких своих неприятелей, уж был бы час всім нам порозу-

міти, кто наш приятель, а кто неприятель.

Выберамся до Америки, а ту тилько люда ся сходит, што ніт ся где рушити, и каждый на мя смотрит, бо уж іду до Америки. Еден до другого говорит:

— Она ище приде назад, бо тепер барз вертают...

Я и сама мала страх, што мя вернут. Пришла я до Праги и чекам на американске визо. Смотрю, дост люда вертают назад. Котрых вертают, то плачут. Найвеце было женох, што ишли ку мужом, так як и я. Я позерам, як они выходжали плачучи от конзуля, и аж ся трясу сама зо страху, што зомном буде. Чекам и чекам, а ту уж и мене кличут. Приду до офису ку консульови, и там ся мя вельо звідуют. Консульт бесідуе до дівкы, што была з ним в офісі, а она мі тлумачит. Перше ся мя звідуюе, ци знам читати и писати. Я кажу, што знам. А ту собі думаю: "не барз добри..." Каже мі подписати свое мєно. Я подписала. Вельо дост ся мя звідуюе, приміром: ци мі муж грошы посылат. От кого ем тоты грошы отбєрала, ци с почты, ци от нотара. Ци мя муж не бил. Ци ем ся з даким не правотила або за свідка дакому не была. Што хлоп до пипкы кладе, як курит. И вельо другы вєцы. А пак осмотріли мі очы и шитко, и потом взяли мя до другого руму и дали мі визо.

Та тепер уж знам, што поїду, и я достала велику радость. На другой день рано сідам на шифу, то ем собі заспівала:

Буд здрава капуро,
Не добре там було —
Робити казали —
А істи не дали...

* * *

А коли ем пришла до Америки ку мужови до Детройт, Мичиган, в юню 1935 року, то моя мама в краю померла того самого року пред Кризмусом, а брат мі пише писма, што барз планный рок и не мают што істи, штобы йому даякы центы послати на хліб. Та мой муж му послал пару долларов. То як ся довідал о том бережницкий поп Лацко, што брату пришли грошы, то такой ку ньому пришол в неділю рано пред службом и гварит брату, што он чул, што брат достал грошы з Америки, то най му заплатит от похорону мамы, бо он чекати не буде.

Брат му повідат, што мы му послали пару центов на зерно, бо не мают што їсти, и му показує, же шитко порожне. А поп му гварит, што йому до того нич, он свое мусит достати за погреб.

И так долго ходил до брата и грозил му, страшил, што глупый брат дал му грошы, а сам с фамелийом голодовал.

То такы они християне, тоты нашы священники мадыяроне, таку они християнску роботу сполняют. Та ци то Христова така робота?!

Елена Цупер,
родом зо села Поточки.

СИРОТСКЕ ЖИТЯ

(Стебник, шарышска столица)

Коли моя мати померла, то я мала два тыжни житя, а мой старший брат мал два рокы. Остали мы з няньом, а сам наш няньо жил коло своей мачохы. И так наш няньо, кади ходил, то Бога молил, абы нас Бог взял хоц едно, але радше мене, бо зомном было веще біды, як з братом. Але Бог не хотїл брати ни брата, ни мене. И што мой няньо робит: Взял он мене на руки и занюс мя ку мойой мамы мамі, то ест мойой бабкі, штобы бабка мене взяла хоц на еден тыждень:

— Возте ей, гварит, хоц на еден тыждень, штобы я ся выпсал.

Но але и бабка сама не была, бо она жила зо своим младшим братом, котрый был тыж женатый. Правда, братова дітей не мала. И коли мене няньо там принюс, то принюс зо собом и горівку, хоц бабка горівку не пила. Зато пил дідо, бабин брат и його жена. Як тоту горівку выпили, то дораз якоси помякли шиткы трое и казали бабі мене взяти. Повїдали бабка, што я тот перший вечер была так тихо, як бы-м мала заборонено плакати.

И так, бабка казала мене зохабити на тыждень, а на другой тыждень уж мал няньо по мене придти и забрати дому. Але на другой тыждень няньо приходит и просит бабку, штобы мене ище на другой тыждень полестували. Бабка гварит — най буде ище другой тыждень. Перешол другой тыждень, уж и третий ся кончил, а няньо не прихо-

дит по мене, он так якбы призабыл. Але пришол на четвертый тыждень, принюс ище паленкы и гварит, ци бы бабка не взяли мя “за свою”. Бабка каже: — Та най уж буде и так. Возму ей за свою...

Но але в краю на селі не робили нич чорне на білом, лем так на слово. И уж я была у бабки своя, а няньови якбы великий тягар с плеч долу, дораз хлоп отмолод и давай женитися другой раз. Оженился. И Бог о них не забыл, зачал их з другом женом жегнати діточками. Та нич му Бог давал по одному, то по одному, а потом дал му двое нараз. Коли тоты близнякы народилися, то я уж мала 12 роков. А вы знате, што в старом краю 12 роков, то уж рахуєся дівка до каждой работы, на полю и дома. То не так як ту, што як дівка має 12 роков, то ище ся мама боит саму дома охабити. И тогды мой няньо здогадался, што он має у бабки дівку уж 12 рочну, котра му тепер дуже ся придаст до работы. Приходит до бабки уж без паленкы и гварит:

— Пришол я по свою дівку, бо мі ей треба.

Бабка каже, што она не знат, ци я схочу ийти. Але няньо гварит, што як не пиду, то он ся мене “отрече”... Тым словом он дуже настрашил мою бабку и она зачала мене сама просити, абы я ишла з отцом, бо як он ся мене отрече, то будеме мати великий грїх — и я, гварит, и ты дитино будеш мати грїх. А тото бабкі не пришло в голову, ци мой отец не має грїха, што он отрюкся мене, коли я мала два тыжни. И зо страху пред тым грїхом, котрый мал упасти на бабку и на мене, я была мушена ийти з отцом.

Если я пришла ку своему няньови, то я дораз дозналася, што коло няня буде мое житя тяжше, як коло бабки. Ту треба было не лем дома и на полю робити, але треба было ийти на заробок заробити для няня даякого цента. Лем згинул сніг и кус потепліло, треба было ийти до панского ліса садити смереки. Паны казали стинати старе дерево на продай, а на тото місце казали садити молоде. Садити зме тоты смереки от свиту до змерку за 45 грайцаров денно. Але то треба садити скоро и добри, бо тот, што дозерал работников, то он знал, як то треба обходитися з бідными работниками. Он шол

за роботниками и подтігал посаджены деревца, и коли таке деревце легко вийшло, то он уж знал, што треба з вами зробити. Он подтігал тоты деревца аж вечером, штобы не заплатити за цілий день работы. За таке едно деревце он найперше наклеял до “русского бога”, бо он был мадьяр, — бухнул до той бідной работницы, што аж мусіла упасти, та ище ей и набил, накопал и за денну роботу не заплатил.

А коли ся перешла уж тота работа, то трабало ийти до другого пана робити коло сіна. В того другого пана уж зме не робили за пінязі, а робили зме за сіно, за дванасти копу. Пан брал 11 коп, а нам всім была дванаста копа. И то треба было скосити, высушити, зграбати и привезти пану до його stodолы и выложить там, где оно мае быти. Коли перешла работа зо сіном, то треба было ийти до того самого пана робити коло зерна. И тыж зме робили за 13-ый мандель, так што пан брал 12 мандлів, а мы всі тринастий. Треба было зерно скосити, зграбати, высушити, привезти пану до його двора и выложить там, где оно мае быти.

Коли перешла работа зо зерном, то зме шли до того самого пана бандуры копати, и ту зме уж робили за пінязі, за 50 грайцаров на день. И ту тот панский слуга знал, як ся з бідными роботниками обходити. Коли пришол вечер, то он взял от работницы мотику и почал копати за вами, и як нашол одну бандурку, то он вас набил с том вашим мотиком, одогнал вас дому и не заплатил вам за вашу роботу ани цента. Так робили з бідным народом. Робили, што лем сами хотіли, бо на них ниякого права не было, бо то была панска держава и панске право...

*

*

*

Пришла несчастна світова война. Тогды бідному народу стало ище горше жити, бо уж тогды и того скапаного цента не было где заробити, не было зашто и што купити, бо шпекулянты всьо поховали. В дома в нашом краю в горах на том газдовстві для себе хліба брак, а и с того мушено было давати воякам. Насамперед пришли до села форшпаны, то они стояли в селі 6 тыжней, в каждой хижі было по 2—3 хлопков и обіли газдох. А коли уж тоты форшпаны оды-

шли, то пришло до села войско, котре стояло 7 неділь. Тоже было по 2—3 воякы в каждой хижі. И так, перше нас добри выіли, а потом аж почалися бити. То билися в Стебнику за 6 неділь. За цілий час, як у нас стояли, то мадьяре наших людей мучили. Не мож было зыйтися разом двом-трьом людям, палити немож, світити немож, когута мати немож, штобы русске войско не пришло. Но русске войско и так пришло. А коли русске войско одышло, а вернули мадьяре, то они аж тогды здівалися над нами, што мы помагали русским. Нам уж немож было мати русску книжку в хижі ани до молитвы. Або як вынашли, што дакто был в Америкі православный, то уж му был конец. А до церкви за еден день 75 раз стрілили, бо думали, што там “мускы” сховалися.

Коли мадьяре вошли назад в село, то пришли двома мадьярскы воякы до рихтара и казали собі дати двоох хлопців, абы их перевели через Магуру до Тварошца. Но и так рихтар зашол до едного газды за сыном и до мого отца за сыном, за моим братом, абы они перевели тых вояков через Магуру. И так тоты два хлопці выбралися вести тых двоох вояков. Но подорозі тоты два воякы отдали хлопців другим воякам, яко шпионов, и тоты другы взяли их аж до Бардиова и там заперли до арешту. Мы чекали брата на обід, нема — чекаме на вечеру, нема. Дуже мы не старалися, бо мы мали в Тварошцу родину, то мы собі думали, што брат там заночувал.

Но приходит рано отец того другого хлопця и повідат, што он довідался, што тоты наши хлопці не повели вояков до Тварошца, лем воякы казали хлопцям стояти на варті под Магуром и они там стоят планно загорнены и голодны. Урадили оба з няньом так, абы ийти под Магуру и постояти за хлопців на варті, а хлопці най бы пришли дому, поіли собі, загірілися и загорнулися теплійше. Но и зобралися оба, идут под Магуру, а под Магуром хлопців ніт, лем сут воякы. И воякы их обох схватили, яко шпионов и обідвох заслали гет в мадьярский край и тримали на примусовой роботі два roky. А хлопці пересиділи тыждень в арешті в Бардиові, а потом взяли их до войска, што уж мают roky.

А мого отца и того другого газду там страшно мадьяре мучили и казали им робити найтяжшу роботу у мадьярского пана. Брат пошел за Франц Йошка кров проливати, отец в невольничой роботі у мадьярского пана, а діти остались сами дома. Та где дома, коли не мали даху над головами, бо хижа была розбита кулями, гранатами. Мы не мали нич што істи. Раз выдалося мадьярам, што русскы знов мают придти до села, то почали выбератися гет, але не хотіли охабити ани єдної хижи в селі и почали подпалювати запорядком. И то зробили тот огонь о самой полночы. Люде спали в пивницах, повыходили, што будут гасити свои хижи, бо товды перестали стріляти, то каждый хтіл ище дашто заварувати. Та думате, што мадьяры им дали загасити тот огонь? Не дали. Шмарилися на людей, як дику звіры, били их и гнали гет зо села, голых, босых, мокрых — брали дітей без матерей, матерей без дітей. Єдна жена мала маленьку дитину в пивниці, таку што ей было місяц. И тота жена просила мадьяра пробога, штобы ей пустил до пивниці по тоту дитину. Но тот мадьяр не мал тельо милосердия, штобы пустил тоту маму взяти дитину, лем маму повлюк, а дитина сама в пивниці осталла и была там сама аж до рана. На рано приешол газда на того ватриско, смотрит, никого и ничого нигде. Слухат, чути, як бы гдеси маленька дитина плакала. Иде до пивницы, а там дитина сама. Так ся чоловік перестрашил, што ани не взял дитину, лем побіг ку своей жені и його жена пришла и забрала тоту маленьку дитину. Я думам, што тота дитина до днеска жие.

А друга жена не хотіла ийти зо свого подвіря, уперлася, та мадьярский вояк ей пробил багнетом на смерть.

А тых людей, што забрали, то их гдеси загнали за Пряшов. Но тамты люде не хотіли наших людей брати, били их и мучили. За пару неділь вернули тоты наши люде назад до села на голы ватриска. Дакто бы може думал, што мадьяре хотіли заварувати наш народ от кульох, то их зато брали гет. Но, мадьярам не росходилося о наших людей, они хотіли нас всіх вынищити, а село спалити, штобы не зостало про русскых. Из цілого села не остало лем седем хижох, а то решта вшитко лем ватриска. Но та ище где

был даякий хлоп, то радил, як мог. А так, як мы были, што няня нам взяли до мадьярской неволі, старшого брата до войска, то была на нас велика біда. Лем ище с тым нам было добри, што нам сыпанец остал, што зме зерно и лахы тримали. Выгляду (окна) не было ниякого, зато дах был над головою. В том сыпанці мы бывали через два роки. В сыпанці зме спали, а на ватриску зме істи варили.

Были такы часы, што не было нич што зварити и не было причом зварити. Раз пришло уж так, што зме ниякого дровна не мали, тай зме собі з моим молодшым братом побесідували, што было бы добри, як бы зме так скоро зрана вышли до панского ліса и привезли собі сухых конаров. В панском лісі было дост сухых конаров, котры там гнили. Як зме урадили, так зме и зробили: Встали мы вчас рано, пошли в панский ліс и назберили мы сухых конаров на фуру, запасали, загамували два колеса, бо то было дост з верха, тай я ся перекрестила и брат ся перекрестил, до того брат перекрестил и тото місце, с котрого зме мали рушати, и фуру з дровами, и уж ідеме с тьма дровами и тішимеся, што уж будеме мати при чом істи зварити. Переіхали зме пару кроков, а наши дрова бабух в яругу и вернулись. Мы жадно не знаме, што маме тепер с тым робити, откаль то ся треба того яти. И не двигаме, лем вадимеся. Брат кричит на мене, што я тому виновата, што ся звернуло, бо я ишла коло воза, а добри не тримала. Я знов кричу, што он виноватый, бо он добри не іхал, лем заіхал в яругу. Як уж зме ся так вывадили, то зме сіли и почали обое плакати. Плачеме, а воза з дровами не двигаме. А ту лем раз зашелестіло в гушавині коло пути. Выбіг найперше панский пес, а за псом выходит мадьяр, панский слуга...

Ну, та уж зме тепер ту! Подходит тот мадьяр ку нам, тай звідует, кто нам то казал ту за дровами ийти. А мы гвариме, што никто, што мы никого не маме, абы нам казал ийти, мы сами пришли, бо не маме при чом істи зварити. А он дораз нам почал "русского бога" клясти:

— Басом вам русского бога, та вы не знате, што то панский ліс?! Двигайте, тоты дрова дораз и везте их на мое подвіря!

И так мы зробили. Уж зме ся зо собом не вадили, лем взялися двигати и двигли з бідом тоты дрова и завезли на його обору. А на його оборі столько было дров, што ани місца не было для наших, а ище и тоты нашы кирвачны там мусіли быти. А и кару заплатити треба. А як зме на нашу обору пришли, то така чиста была, як зеркало, без едного дровенка. Но слугу мадьярско-го пана того нич не обходило, што наш няньо уж другой рок мыє хвосты коровам у мадьярско-го пана далеко в Мадьярии, што поневинні мадьяре взяли от нас, а мы не маме при чом істи собі зварити, ани ніт што зварити.

Про панску войну ничего не было. Не было кому робити, не было што істи, не было зашто купити, ани не было што купити. От шпекулянта за грошы нич не мог достати, хоцбы умерал. Ище за масло, сыр, яйца мож было дашто достати, а за грошы нич. А воякы, што взяли з газдовства, то нибы платили часом, але за их грошы нич немож было купити.

Насамперед бракло соли. Нemoж было нигде соли купити, ни в Зборові, ни в Бардиові, аж требало было иди за сольом на Шомвар, там где ей выварювали. Но за пінязі и там не достал соли, лем тыж треба было мати масло, сыр, яйца. То так там люде стояли, як на "бредлайні". И тоты, што выдавали соль, то они добри позерали по той лайні, и як виділи, што вы мате масло, сыр, яйца, то хоц сте были на другом конці, то вас взяли наперед, а як сте были лем с пінязми, то сте там могли стояти в лайні и цілый тыждень, а соли сте не достали. Та дакотры ходили там в том Шомвару (місто певно назывался Сольвар, бо соль там варили, але мадьяре собі зробили "Шомвар" — прим. ред.) помеж хижы и просили людей, абы им соли продали. То люде брали пінязей, сколько хотіли за тоту соль, а ище вам велику ласку робил, як вам продал, так, якбы задармо дал.

Но потом якоси соль пустили, што мож было и в Зборові за пінязі купити, але зас зерна бракло. Не можна нигде зерна купити, хоцбы з голоду гмерал. Треба было иди за зерном аж коло Пряшова, бо там ся люде ліпше мали, там ліпше ся родило, як коло нас. Они там мали зерно, а нафты не мали

и не могли там гайсу (нафты) нигде поблиску достати, а мы могли достати гайсу з галицкой стороны, за сыр, масло, яйца. Так мы брали нафту и шли зме з ньом аж ку Пряшову и там зме міняли нафту на зерно. Но але нафты немож было вельо набрати, бо треба ей было нести до трена, а потом зас от трена. Но раз мы не мали ни масла, ни сыра, ни яец, то зме пришли за зерном с пінязми. Выбралося нас трое. То зме ходили за тым зерном от рана до вечера. Люде там мали зерна дост, але за пінязі никто не хотіл продати. Ку вечеру мы зашли до едного газды и просили зме го так про Бога, абы нам зерна продал. И ледво мы го упросили, што кус нам продал. Взяло нам два дни, покаль мы пришли дому с тым зерном, а на тыждень го не старчило.

Потом зме зачали уж инакше робити: Ишли зме на жнива, до Червеницы, до Кукова, до Келемеша. Там зме робили за зерно. Едны робили у богатых газдох, а другы робили у пана. Треба было робити цілый місяц за 100 кильо зерна. А спати треба было в stodолі, спало нас в едной stodолі 100 людей. То як ище было сухо, то пол біды, але як пришли дощи, мокро, то уж не дуже бракувало и до холеры.

В 1920 року я уж ишла до Америки. Подорож моя была не совсім добра, бо трены были наладуваны так, што рушитися не было где. В том року вертали воякы, певно с пліну, з легий. То они были дуже недобры, што они билися, кров проливали за Френц Йошка, а дома их чекала лем біда, нужда.

Но коли я уж пришла ту на землю Вашингтона, то я дораз познала, што ту народ уж ліпше цивилизований, як в краю. Коли зме сходили с трена, то кондуктор брал от нас пакункы и помагал женам зыйти с трена. И я не могла с того выйти, ци то правда, ци ся мі лем сние. И так само, коли я стала до роботы, то я дораз познала, што ту боссове инакше обходяться з робитниками, як панскы посіпаки в краю. Ту, як ся му ваша работа нё сподабат, то вас не набье ани с плацы вам не стягне, як в старом краю, лем он вас файно отправит и скаже, што тепер му вас непотребно, але як му треба буде, то вас закличе. Хоц он вас уж и не думат покликати...

Миннеаполис, Минн. **Мария Лобанц**

В Краю и в Америці

(Написала Ю. Р.)

НА СТАРЫ РОКЫ

(По старокрайовым писмам)

В низенькой хижкі над берегом річки скригнули остро двери и росхилилися. З них высунула голову жена в чорной хусткі, поспотріла на дорогу якраз против дверей. Дорога починалася от річки и вела в панський ліс. Видно, когоси вызерала, но никого не взрівши, сховала голову назад и знов зо скрипом, заперла двери.

На дворі уж свитало. День заказувався погідный, лем холодняво было зрана. Пташки цвіркотали беспрестанно на деревах коло дороги. С коминов дакотрых сельских хиж уж дым выходил клубами. За хвилию выходит дым и з нашої низенькой хижы над річком, але не с комина, бо комина не было. Спочатком выходил дым одним діром в даху, потом веце дірами, а на остатку по-под стріху.

Двер знов скригнула, ище острійше, и ростворилася на-ростеж. Зо сін вышла старушка около літ сімдесят, схилена ку землі, боса, в той самой чорной хусткі на голові, в старой чорной полатаной сподниці и чорном полатаном кафтані. В запаскі што-си тримала еднов руков, а другов опералася о стіну. Кликнула пару раз:

— Цюп, цюп, цюпа, цюпа.

На тот голос из сіней вылетіли вітром куры, обступили бабцю и лакомо позерали на ню, просили істи. Бабці што-си не вышло так, як мало быти, бо закликала ище раз до сін: “цюп-цюп—цюпа-цюпа!”

— А где-ж то моя Явирничка? Та-ж то моя найліпша курка, найліпше ся несе — рекла вголос бабця и взяла костур в руку, який стоял коло двери и иде глядати Явирничку. А куры так и шли шнурком за нев.

Обышла бабка наоколо хижы кличучи, але

Явирничку не нашла. Та не было и где дуже глядати, бо свого огорода не было, ани куска землі, лем што на змірку земляков собі посадила. Старушка россыпала овес зо запаскы по приспі под стіном хижины и сіла собі коло кур, тай позерала, як они лакомо звідали зеренка. За хвилию знов поспотріла в сторону ліса и тяжко вздохнула. Потом спустила голову и задумалася, а штобы улеکشати тоты тяжкы свои думкы, высказувала их гофосно:

— Пережила-м едну войну, пережила не мало смутку и згрызу, натерпіли зме ся голоду з Ёвков. Едного сына мі убили, другий пропал без вісти. А тепер мі хотят взяти остатню подпору и потіху на мои стары рокы, и знов хотят убити на войні мого дорогого внука. Ци не воліла я померти, як Ёвка, його мама? Ище така молода была. А як ей жаль было померати. Як она наказувала хлопцу пред своей смертьом: “Дитино, слухай бабцю и помагай им...” Притискала його маленькы ручки до своих распаленых горячком уст, цілувала их. Ище счастья, што он не помер от той гишпанкы, бо она не едного забрала на другий світ. Филип не памятае своей матере, сирота моя. Тяжко я го ховала и тепер им го дай, дай го пана на войну...

Заплакала старушка горенько...

Уж долго так сиділа на приспі и плакала на свою долю. Уж ей и слез бракло, уж хотіла зобратися и встати. Двигнула голову, смотрит, а пред нѐм Марта, што служила у попа, дочка Олены Филярской, заробницы, што коморует у бабки. Дівчина была одіта по святочному, бо днеска Маткабижа.

— Лем сте сами, бабцю? — звідует Марта.

— Сама, Мартусь, сама, — рекла старушка тихо и поспотріла ласкаво на Марту. — Што там в селі чувати, Мартусь? Была-с в церкви?

— Но, днеска ніт службы в церкви, знате, час военный.

Бабця жила подальше от села, коло панского поля. Ище барз давно дідич дал ей дідови кусок поля под хижку зато, што дідо служил за него при войску.

— В селі, бабцю, великий смуток и плач. Хлопов забирают на войну. Люде цілу ноч не спали, лем плакали. Страх, што ся діе. За село немож ани кроком выйти. Я лем так крадком прилетіла ку вам звідатися, ци сте не чули дашто за Филипа...

— Чула-м, дитино. Был ту вчера Климко Ковалів, та гварил, што го виділ в лісі вчера, недалеко тартаку. Филип гварил му, штобы мі передал, абы я ся за него нич не грызла, бо он собі раду даст, едно просил, абы му лахы через Климка передати и дакус хліба.

— Бабко! Я не вірю Климкови — рекла перестрашена Марта. — Он подлый чоловік, пияк, злодій! Та Филип го знає добри, який он ест, што он дораз жандармам донесе. Памятате, як он донюс жандадмам на Филипа, што он достал газету "Лемко" з Америки? Я думам, што може он ани Филипа не виділ, лем так собі придумал сам. Та дали сте му одежу?

— Дала-м. И одежу и хліба и кусок солонины было, што Филип купил, як робил при тартаку, то ем му дала, — рекла зо слезами старушка.

Марта посмотрила смутно на бабцю, а потом всунула ей што-си завите в папері:

— Я вам ту кус принесла, бабцю, може сте ище не снідали...

— Та и не хочеса, дитино, снідати, не хочеса мі нияк істи, отколи Филипа нема дома. И уж так мі што-си бесідує, што я го у певно вєще не увижу, не дочекам, хоцбы и жил...

Марті стали слезы в очах. Хотіла стриматися от плачу, не хотіла показати свои слезы старушкі, но не скрыла. Слезы, як нароком, потекли цюрком по лиці...

— Треба ийти дому, бо там на мя ждут...

Марта служила у егомосця уж пятый рок. А ей мама ходила на заробок на клєбанию, прала білизну и помагала часами кухаркі, як треба было. И днеска Мартина мама помагат на клєбании, ище от вчера там робит, бо імосць мае гостей, то много работы в кухни.

Марта тыж помагала в кухни, але найвєще робила коло свин и коров. Ище не минуло ей двадцет літ, але уж немало горя пережила. От маленька все лем на службі и на службі...

— Та бывайте здоровы, бабцю. Мама гварили, што вечером придут дому, — рекла Марта и пустилася ийти.

— Ид здорова, моя дівко красна. Най ти Бог заплатит за твое добре сердце...

Марта скочила з одного камня на другой через річку, вышла на стежку и быстро пустилася ку селу.

Старушка тымчасом встала и вошла до хиж. Почала розвертати с паперя, што ей Марта принесла, але ище не успіла розвити, а ту отвєраются двери и на порозі стают два польскы жандармы з гверами на раменах.

— Ту мешка Филип Гуня? — звідує остро еден з них.

— Ту, — гварит старушка стиха.

— Муф глосьно, стара чаровніцо! — заворчал другой жандарм.

Сержант вынял позолочене вічне перо и махат ним по маленькой книжечкі, звідуєся знов:

— Як се называш?

— Мария Гуня, — отповіла.

— А тен Филіп, то твуй сын?

— Но, то мого сына сын, того, што го на войні убили.

— Нас то ніц не обходзі, гдзе го забили. Муф по-польску, бо ту Польска. Гдзе тен Филіп?

— Я не знам, пане. Як вышол вчера перед вечером до работы, то го німа.

— А гдзе он робі?

— Та при тартаку, в лісі у Шлеймы.

— Бабо, муф правде, бо бендземы шукаць!

И знял гвер з багнетом, тай шурнул ним по-под лужко, потом отворил пєц и, хоц было добри видно, што пєц поржный, але поштуркал и до пєца багнетом аж до само-го заду. Больше ничего в хаті не было, то от пєца вернул ку постели и бах багнетом в подушку. Піря так и полетіло по хижі. Бабка стрєвожена позєрала по панах, што они роблят. А панове, коли уж піря роспу-дили по хижі, пустилися до двери. При дверях ище наказали бабкі, што як Филип

верне, то абы дораз голосился на постерунок, бо як не зголосится, то буде смертю караний, и вышли.

Бабка вздохнула тяжко, сіла на лавку и ждала, коли Олена верне с клєбани, бо ей барз прикро было оставатися тепер самой в хижі. Жандармы пустилися дорогов ку панскому лісу. Виділа их бабка на окно. Просила Бога, абы лем Филипа там дагде не нашли.

* * *

Война распалилася уж надобре. В селі страх, плач, аеропланы літают, як птахи понад село. Было слышно стрілянину и чути запах пороху. Зо села позаберали хлопів, котрых с коньми и возами, а котрых з лопатами, решта хлопи покрылися по лісах. Потом и жены з дітми утікали в ліс, заганяючи пред собою худобу, кто яку мал.

По селі літали кулі. Полякы даякий час отстрілювалися, но недолго. Лем раз, як бы дашто вдарило до них, почали утікати. Дакотры влітували до пустых хиж, глядаючи цивильной одежы. Котрый з них нашол даяку одежу, свою войскову скидал зо себе, а надівал цивильну и так утікал.

Утекли полякы, село опустіло, ани живой души за хвильку не было в селі. Но скоро за слідами польских войков пришли німцы. Люде почали вертати з ліса. Спочатку німцы не гварили людью нич, абходилися з ними дост по-людску, так што руснакы аж тішилися, што німец их освободил от панской Польшы. Но, розумієся, то лем спочатку так было, потом німец почал обдерати народ с послідного зеренка, с послідной живины, гнати молодеж на примусовы невольничы работы...

Хлопы праві всі повертали, едни з лісов, другы с польского войска, лем одного, Клемця Ковалевого не было. Филип пришол дораз, лем польске войско утєкло зо села. Бабка барз потішилася, што Филип жиє и здоровый. Та и Марта была барз рада. Дост за ним наплакалася, и то так, штобы никто не виділ.

Скончилася в селі война, но почалася страшна біда. Найперше, лем пришли німцы, уж нич немож было купити. Хлопы повертали сами, без коней и возов. Німцы брали зерно и картошку. А ту зима иде.

Но одного дня вчасном зимом,—а зима по-

чалася така тяжка, якої стары люде не за-
 памятали, — пришла до села вість, што в по-
 вітовом місті засідат комиссия в справі пе-
 реселения руснаков до Совітского Союза.
 Оголовили в селі, што кто хоче переселити-
 ся в Совітский Союз, то може ийти до Кро-
 сна и записатися. Люде тому дуже рады.
 Повідают, што в других повітах позапису-
 валися уж и цілы села. Но з другой стороны
 иде страшна пропаганда против того. Его-
 мосці в церкви аж ся пінят, так кричат, абы
 люде варувалися большевиков, бо там стра-
 шный голод, миллионы людей з голоду по-
 умерало в Совітском Союзі, бо там бога
 выгнали, священников росстрілюют, церкви
 палят. Много людей отстрашили от пересе-
 ления. А до того зо-за Сну приходили все
 новы “наочны свідкы”, розмаиты украинскы
 панкы, котры осідали на наших лемковских
 селах и оповідали людью страшны річы, як
 там народ мордуют. Почали люде хвіятися,
 кто того не розуміл, же чом то паны нена-
 видят так тоту державу.

Але таких, як наш Филип, никто не мог
 застрашити. Он розуміл добри, чом егомос-
 ці и панкове так бесідуют. Филип их не
 слухал, та и всі такы як Филип, переважно
 молоды, шли записуватися на переселение.
 Филип взял зо собою Марту, тай до Кросна,
 и там дали записатися сами, и Мартину ма-
 му и бабку на виїзд в Совітский Союз.

Коли вертали, Марта звідуется Филипа:

— Як ты, думаєш, Филипе? Ци нам там
 добри буде меж чужыма людми?

— То не чужы люде, Марто! То свои! Там
 аж нашы люде, а найважнійше, там наша
 власть, наше правительство и наша держава.
 Там работник чоловіком, там найліпший го-
 нор быти добрым и честным работником.
 Школы там открыты для каждого, кто лем
 хоче учитися. Хліба нам там николи не буде
 бракувати. У егомосця, ани у богача там
 служити не будеш, ани імосць здіватися над
 тобою не буде, на никого там працювати не
 будеш, лем для самой себе...

— Та откаль ты так шитко знаєш, як там
 єст? — звідует Марта.

— Я знам, бо я доставал “Лемка” з Аме-
 рики, то в “Лемку” было всьо описано. А
 и при тартаку работники нераз бесідували...

Коли уж мали розходитися, позріл Филип
 на дівча, на ей румяны от морозу личка, на
 задертый носок, позріл в ей чорны очы,

котры, як дві великы теркы смотріли ласкаво на него. Филип взял дівча за обі руки, притягнул ей ку собі и крепко, крепко обнял и поцілувал, а пак гварит ласкаво:

— Мы, Март, однеска уж все разом будеме, уж николи я тебе от себе не отпущу. Разом будеме жити и працювати. Так, Мартусь?

— Так, Филипцю, — шепнула тихо Марта. — И я от тебе нигде не пиду. С тобом я и на край світа готова ийти.

Стояли бы ище так долго, але ктоси им перервал их сповідь.

Филип наказал Марті, абы нич о том імосьці не гварила, што они записалися на выїзд до России, бо імосьць могла бы ище даякой біды наробити. И не повіла Марта ани слова никому.

Вернул Филип до дому уж вечером. Бабця праві свои куры до сін наганяла.

— Ноле, бабцю, влапме едну куру, зотнийме, тай на завтра курятини зіме, — гварит Филип весело. — Аж мі пахне, так бым зіл мяса, та и вы бабко бы сте зупы похлипали.

Такого ище не было, абы бабка курку про себе стяла. Но але про Филипа, хоц ей куркы яка шкода была, готова дораз и курку зварити, хоц лем сім их мала, тай гварит:

— Та уж выбер и зотний едну, лем не выберай молоду, а стару.

— Бабцю! Та мы их шиткы виріжеме и зіме, бо уж вам их не треба буде.

— Што ты плетеш, Филипе?

— Нич не плету, а правду гварю. Днеска ем вас записал до России, и себе, и Марту, и Мартину маму. И то не лем мы ідеме, бабцю, іде много люда...

Бабця ростворила широко очы на Филипа, што он таке бесідуе.

— Правда, бабцю, правда! Ідеме, може через місяц по нас приде. Ани грошей нам на дорогу не треба, повезут нас задармо, и землю нам дадут.

— Якы то тоты русскы люде добры, не забыли о своих, — рекла втішно бабка.

— И мы добры, бабцю, але нас не было кому оцінити, аж нашы братя нас оцінили...

* * *

Дочекали и того дня, што им пришли карткы и дата, коли выйдут. Зима была тяжка в тот день, коли мали іхати, але никто

нич собі зо зимы не робил, каждый ся зберал. Марта позбегалася зараз зрана, абы быти готовом, як закличут. Імосць уж нарыхтувала праня велику купу и пришла до кухні ознамити, абы пришла взяти. Смотрит, а Марта одіта в найліпшу святочну одежу.

— А ты, дівче, где ся так прибрала? — звідуюся зло.

— До міста іду.

— А кто то тобі позволив распоряджати ся зо собов? А гдеж-ж то твоя мама, што так долго не приходит?

— И мама идут зомнов до міста.

— И мама иде? А кто-ж буде свині кормити и прати, коли вы так обі выбралися? — звідуюся зло імосьць.

— Вы сами будете, імосьць, и свині кормити, и прати, бо мы выїжае до России...

— До России? Ци ты дівч ошаліла? Таж там большевики!

— Та и мы до большевиков належимо, бо нас ест больше, а вы, меньшевики, остане сами.

Імосць почала выкрикувати штоси, але Марта не слухала, взяла свой тлумачок и вышла с кухні...

На дорозі уж ей ждали мама, Филип, бабка и ціла гурма селян, переселенцев на новы землі Совітского Союза.

ДОРОБИЛИСЯ

Панько и Текля приїхали в Америку того самого літа, пред першов войнов. Товды Америка была ище Америков, роботы было дост, як лем чоловік мал добре здоровья и кріпкы руки, то роботу все мог достати. Правда, мало за роботу платити, але як ошадно жил, то можно было ище пару долларов отложить.

Текля приїхала до едного місточка в Нью Йорк стейті. Были там розмаиты фабрики, але Теклю дали знайомы люде на плейз, на службу. Радили, што так буде для ней найліпше: поробит з рок на плейзі, то научится американской бесіды, розозрится, а потом може ийти уж и до фабрики, бо уж не буде "гринорком".

И зараз такой трафилася ей работа на плейзі. Миссис Брунштайн ено довідалася,

што приїхало дівча с краю, с того самого села, што и она, то дораз пришла сама за нев и такой забрала ей зо собом до свого гавзу. Гавз был на три поверхы. Миссис Брунштайн опровадила Теклю по цілом гавзі, всьо ей показала, а наостатку завела ей до кухні, котра была в бейсменті.

— Ту, — гварит, — ест кухня, ту ты будеш робити, а ту дораз маш свой рум, где будеш спати.

Отворила двери до того руму коло кухні, в котрой стояло желізне покривене лужко зо старым матрацом. Рум был без окна, лем што шклянны двери вели с кухні. Текля была рада, што може збесідуватися зо своим “паньом”, хоц в душі не была довольна ни бейсментом, ни своим румом. Здавалося ей, як арешт. Але роботу взяла. Треба было обыйти семеро людей и роботы было немало. Платили Теклі 8 дол. на місяц. Кажду неділю казали ей идти до церкви, бо и сама Миссис Брунштайн была дуже религиозна жена. В субботу была николи істи не зварила, ани мечку в субботу не взяла до руки. Зато каждую субботу шла дораз зрана з мужем до штору, бо в субботу продавали найбільше черевиков в своем шторі. Але зато што ся тычило їдла, то трималися строго свого религиозного закона. Боже заваруй было помішати мясны миски и горчкы з молочныма. Навет пятрочный Сали знал, што до чого было. С тым Салим Теклі было спочатку барз добри, бо она сама не могла розпознати горчкы и миски, и помішала бы на свою біду, а Миссис была бы ся барз злостила и была бы може и горнец або миску выкинула, якбы так Текля помішала. А помішати было легко, бо написано на горчках не было. Но малый Сали все ходил по кухни и заглядал, ци Текля не мішат мясных гратов з молочныма, и барз был задоволенный, што и он уж може дачого поучити другого.

Текля працювала тяжко. Але зато и она мала утіху, же коли собі по роботі сіла, то все рахувала доллары на австрийскы коруны. На місяц 8 дол., то за пят місяцов буде 40 дол., а 40 дол., то уж ціла стара стивка, то ест двіста корун. “Та где бы я в краю заробила стілько? Там треба бы было пят літ робити на сотку... Одошлю за дорогу, а потом собі буду складати до банку. А як

зложу пару соток, то поїду до краю и там выйду замуж, за кого схочу. И уж буду газдыньов, може таков богатов, што других буду брати на службу, а не я буду служити у дакого...”

За крайом цілося ей барз, за своим родным селом, за мамов и за родинув взагалі. Робота на полю здавалася ей о много лекша и весельша, як ту в том бейсменті. Ту так чоловік, як скований, ани босо немож ходити, як привыкла в краю, ноги болят, а скучно так цілыми днями, як в арешті, нее до кого слова речи, ани кому пожалуватися, все една и тота сама нудна робота. Часами ся ей здавало, што кебы лем за дорогу отдала, то бы зараз тоту роботу шмарила и до фабрики шла. Там бы хоц зо своима людми могла жити. Але знов ей отгваряли знакомы, гварили, што во фабриці спочатку нич не заробит, покаль роботу ся не научит, а борд мусит платити. И розмаїтї думала и робила дальше у миссис Брунштайн.

Праві што неділя Текля ходила до церкви. Уж и егомось ей зауважили нераз, але ище ей не записали. Но єдної неділі гварят:

— Днесь по службі божой отбудеся парافیальный митинг, прошу всіх до галі под церквою...

Церковник дораз выходны на двор двери замкнул, а отворил двери до пивниці, под церков, и так мушены были всі идти под церков, на митинг. Объявили митинг открытым. Перша справа на программі, то церковна колекта:

— Кто ище не платит колекту, то має ту вписатися. Кто вписанный, а долгуе колекту, то має долг выровнати, бо то ест обовязково, в Америкі, то шеста заповідь церковна.

Теклі шкода было дати 6 дол., бо як поррахувати на австрийскы грошы, то вышло тридцет корун. Но але виділа, што други платят, то и она не буде остатня. Вписалася, заплатила отразу, дали ей книжечку и конец.

По митингу вышли на улицу, поставали. Каждый еден з другим знакомый, бесідуют, а Текля никого ту ище не знала, тай пустилася дораз идти гет. Але слухат, а ктоси ей доганят, стукат за нев общасами по тротуарі. Текля оглянулася, а за ньом молодой паробок, здоровый хлоп, як риджик:

— Чом ся так понагляш? Ани тя догнати не можу, — гварит.

— Та бо ем забавила долго и в церкви и на митингу, — рекла несміло Текля и почервеніла.

— Та днеска не робиш, бо неділя. Шкода, абы таке шумне дівча так вчас до дому шло. Знаш што? Я мам два тикеты на пикник на фарму — музыка старокрайова, потанцуе ме...

— Гей, а хто знає, який ты? Ани-м тя ніколи не виділа...

— Але мя чуеш, по бесіді можеме познати едно друге, же зме краєне. Як твое мено?

— Текля. Текля Филяр.

— А мое Панько Штельма. Та уж ся знаме, — рюк весело Панько и взял Теклю под руку, по-американскы.

Постояли хвильку, побесідували, вивідалися, котре з якого села, а же были з недалеких собі сел, з одного повіту, то ище ліпше осмілилися едно к другому.

Были и на пикнику, и Теклі от того часу лекше на сердці стало. Сходилися каждую неділю и все дагде разом вышли. До себе Текля го не кликала, бо боялася, абы миссис Брунштайн не мала дашто против того.

Обое были ище барз молоды. Панькови заледво минуло 20 літ, а Теклі 18. Панько робил дуже тяжко, во фандри, лял желізо, горяче, біленькое, як молоко, до формы. Робота тяжка и опасна, не мало работников там попарилися, навет на смерть. Панько был хлоп працовитый, молодой и сильный, недбал, што тяжко працуе, абы лем заробити и отлежити долларов, то даколи собі даяку фарму купит ту, або до краю поїде, то и там може загаздуватися добри. Часом нарабился так тяжко, што як сіл їсти, то ся му руки трясли, як старушкови. Часами руки и плечи боліли до невытриманя. Але Панько нич не дбал, абы лем работа была, то робил.

Текля уж перешло рок выслужила на том самом плейзі. Но одного дня гварит своей газдынї, што ей оставит, бо думат виходити змуж. Миссис Брунштайн аж прослезилася зо жалю за Текльом. Но ничего не помогло, бо Текля и Панько уж зговорилися, коли поберутся.

Побралися и добралися. Обое были трудолюбивы, трезвы и надвычай ошадны,

лем кебы им Бог помог, дал здоровья, то они доробятся дачого. Тепер уж разом працювали, доведна грошы складали на одну книжку до банку. Уж за дорогу вернули и наскладали пару соток и думали выбератися до краю, аж ту война в краю выбухла и запалила цілу Европу. Ждали нетерпеливо, коли покончится война, но война не кончилась, мало не пять літ затягла. А по войні знов даякий час не пускали до краю. Но и работа шла под конец войны добри, Панько зарабатял втрое тилько, што пред войном. Уж почали собі бесідувати обоє, ци не ліпше в Америкі остати. Та и сын им росне. Панько ничым не интересовался, лем своим домом и своим фамилийом. В нияку организацию не належал, нигде не ходил, довольный был тым, што мае роботу, добру жену и сына. Тишила го його фамилия.

Так минали дни за днями, а навет рокы минали за роками, а Штельмы собі жили и ничего не зауважили, што дієся во світі и коло них. Газеты ниякой не выписували, не читали и нич таке их не интересовало. Хоц часом им дакто дал газету, то ей не прочитали, они думали, што газеты лем про панов.

— Што то мі може газета помочи? — гварил нераз Панько. — Як не буду робити, то не буду мати ничего. А як будеме робити, то ся дачого доробиме и будеме спокойнійше на стары рокы жити.

Но якоси раз Панько зауважил, што босс сквитувал пару работников, и то добрых. Але собі подумал, што може их не любил, може дашто даколи му отrekli, як не треба, або што. Та и до юнии нагваряли, а босс дознался. А юнии босс страшно не любит. Таку юнию он не любит, што йому за плечами работники организуют. Он лем таку любит, што сам организует, в той и Панько стоит, то йому нич не грозит.

Но раз якоси и Панька босс на офис закликал, усміхнулся до него ласкаво, бо Панько робил ту уж 20 літ, тай гварит до него, што тепер нїт надост работы, то най он на даякий час остане дома, а як работа появится, то он дораз по него напише...

Панько свято вірил своему боссови. Почкати пару тыжнів, а хоцбы и пару місяц, Панько може, бо центы сут. Но где тыждень, другой, місяц, пять, рок, а босс не пи-

ше ани слова. Текля гварит, што она иде глядати роботы, бо и як обом дома сидіти. С трудом нашла — чистити офісы от 10 в нocy до 8 рана за 40 дол. на місяц. Робота тяжка и брудна, але што робити? Робила так Текля два роки, тай едного разу закликала ей форлейди до офісу и просит-ся, ци Текля ситизин? Текля гварит, што но.

— Так ты ту не можеш робити, бо мы те-пер лем про ситизенов роботу маме, а дру-гы мусят ийти преч...

Жде Панько того листу от босса уж деся-т літ. Уж посивіл добри, и грошы уж давно вышли гет. Текля ище часом дакому праня возме, але не може уж тыж и прати, бо мае в руках ревматизм. Сын вырос на великого хлопа, и школу мае, здоров, та и ту родже-ный ситизин и тоже жде на роботу. Но сы-нови уж никто ани не обіцуе роботу, лем му отразу гварят, што ніт ничего до работы...

Так доробилися нашы краяне, Панько и Текля.

“ПИСАТЕЛЬ” И “СЧЕСТЯ”

Артур Ключ покончил калледж, начитался розмайтых мудростей, видит світ ясніе от других звычайных людей. Задумал собі бы-ти писателем, перворядным, таким, абы го читали всі, кому лем попаде його книжка до рук, абы о нем писали всі газеты. А особливо, абы го читали народны массы и училися з його творов нового погляду на світ и житя. А Артур Ключ дуже ясно смот-рит на світ и житя, коли бы так всі смотрі-ли, то всі мали бы грошы, то ест всім всім поводилося бы барз добри. Артур Ключ по-становил быти благодітелем людства, пере-ляти свои погляды на папер для всіх людей, показати массам на несправедливости, нев-згоды, ошуканства, причины терпіння лю-дей и на выход с того. всього, як распутати тот запутанный світ.

Жил Артур Ключ в Нью Йорку на Авни Б., на третом поверху, жил зо женом, бо скончивши калледж, оженился зо своим свитгартом. Мали три румы: еден цілком темный, то была спальня, — другой от улицы, “ливинг-рум”, маленка кухня и “бат-рум”. Комбинация всього потребного на по-чаток. А дальше лем счастья, та буде ліпше

и ліпше — каждый же в Америкі мае полне право на “пирсут оф геппинесс”.

Писатель Артур Ключ пересиджувал, ро-зуміеся, во фронт-румі, где зрана на даякы два метры падало світла солнечного. То была його писательска канцелярия, пахло сильно папером.

Сидит Артур коло окна при столику, пи-ше, потом ходит и думат, то знов читат на-писане, перемазуе и дописуе, потом пере-писуе, а все гуму жуе, што, видно, додае му енергии и фантазии. Карток записанных пол-но на столі и под столом.

Мери, то ест молода жена молодого писа-теля, ани не приходила до фронт-руму, бо-ялася, абы не спугнути писательской фанта-зии, не помішати мысли. Она же дуже до-бри розуміе, што значит писатель. Навет істи му немож было дати на час. Коли го Мери кликала істи, то або воркнул як лев, або цілком не чул. Нераз принесла му істи, поставила скраю на столику, то так стояло, покаль совсім не выстыло. Но йому было всьо равно, лем жебы му горяче не дати, бо собі рот попарил. Часом до зупы насы-пал цукру, а до кавы соли, бо мысли його ходили далеко по світу.

Днеска Артур не пише, а свои мысли со-средочил на одном, видно, бо ходит беспрес-танно по румі и заглядат через окно на ули-цу. Пару дней тому выслал свою знаменито написану “тру стори” в едну широко знану издательску фирму, и як приймут для напе-чатания, то Артур получит 500 долларов. А як не як, доллары головна справа. Хоцбы чоловік и наймудріше написал, а як не приймут, то ест не дадут за написане долла-ры, то на чорта здастся всьо.

Иде листонош, уж ест в сусідном домі, уж иде в наш коридор. Едным скоком злетіл Артур надолину, открыл баксу, вынял пару писем. Розорвал перший зверху. Пишут с корреспонденцийной школы, с такой школы, што каждого можут выучити на писателя. Великыма червеныма буквами выписанный заголовок:

“Хочеш быти писателем? Хочеш быти ар-тистом и зарабатяи легко великы грошы? Мы тебе научиме, як уж зме тысячы других научили. Напиш нам сегодня за подробностями. Мы знаме, што ты великий талант...”

Тот лист Артур зараз вложил до бочки.

То не был первый такой лист от них. Они уж зробили з него писателя.

Ту ест другой, гладенький, с “Поблишинг Гауз”. Аж му сердце затрепетало. Открыл, читат. Письмо было дуже коротеньке. Хотіл зараз роздерти и до бочки кинути, але роздумал. Вышел на улицу, купил газету и жвачки и вышел помаленьку горі сходами. В кухні Мери уж зварила каву и довнац принесла. Артур сіл за стол снідати, тай гварит:

— Кримпаф, — так называл Меру, коли хотіл пожалуватися або дашто порадитися. — Кримпаф, смот, што они мі ту пишут, — и подал ей лист.

А писали вот што:

“Дорогий Пане, нам дуже жаль, што мы не можеме печатати вашу “тру стори”, бо мы праві подобну печатаме якраз в том номері. Пробуйте знов, желаеме вам лучшого успіха на другой раз ... Ваш вірный...” и т. д.

Видиш Мери? Пишут, што мают таку саму стори. Та-ж я от никого свою не отписал... —Зато нич, што трафилосся раз так, што и другой тото само написал. На другой раз уж таке не трафится, лем пиш, а знам, што ты можеш добри писати — потішала го жена.

— Так, буду писати, драму буду писати,— рюк твердо Артур, выхилил остаток кавы, встал, вынял с папера жвачку, вложил до гамбы, перешолся пару раз жуваючи завзято, потом заперся в румі, сіл за стол и почал писати знов отпочатку. И так само писал и перекреслял, переписувал, ходил и думал, ажи до себе часом бесідувал. Писал до

полудня, ціле пополудни, писал в ночи, но не знати, як долого писал в ночи, бо рано Мери го нашла спати на креслі, з головою на столику, под котру подложил собі руки.

И чудесный сон мал Артур. Снилось му, што його штука докончена, куплена театралистом мистером Вулфом, и уж выучена акторами, уж мают грати на Бродвею, уж Артур сидит в первом ряді, абы смотріти на сцені свою штуку. Людей полно в театрі, а ище все приходят. Куртина подносится помалу. Артур выставил голову, починают грати, грают, уж конец первого акту, куртина падат. А ту люде починают бучати, свистати. Зачинают грати другой акт, а люде не перестают бучати, свистати, тупкати, мечут што-си на сцену, кричат, бурятся и выходят гет. Не остал в театрі, лем Артур, а на сцені акторы позерают по собі, што ся стало, а за хвильку зникают и акторы. Навет и Мери го лишила. Слышит голос: “автор, автор!” То мистер Вулф го кличе. Артур хоче скрытися, но не може встати с кресла... Борся против той невидимой силы, што го приконала до кресла, хоче утікати, але не може...

Мери с кухні зауважила, што муж рушатся штоси, тай кличе:

— Артур, поле-гев! Я мам сюрпрайз для тебе! Пришла картка з “Доблюю Пи Ей”, завтра до работы!

— Што ты кажеш, Мерцю? Што за счестья! — крикнул Артур Ключ и обнял жену. — Спаль вшитко тото папіра ище днеска.

(Юркова, Нью Гайд Парк, Н. Й.)

ЛЮДЕ И ЗЕМЛЯ

От Карпатского хребта до холмов Бессарабии роскинулася Сіверна Буковина. Машина їде горском дорогом, омытом дождями, выкручат поза яругы, наминаючи яругы Южного Кавказа и несеся по лісам, таким самым густым, як тайга, потом вырываются в долины, подобны на кубанскы и донскы, открыты оку на много километров.

И всяди — в горских, лісных и степных селах — кипит бурне житя. Десятки и сотки тысяч людей покинули свои хижи, вышли под открыте небо, на травники, в тінь дерев, на береги рік, в паркы панских фольварков, штобы поговорити, обсудити, рішити — як, с чого начинати нове житя.

Неділя 7-го юля. Крайова, то ест найголовнійша державна дорога Черновцы—Яссы—Бухарест. Узенька смужка землі, посыпана чорными не впрессоваными каменчиками. Ямы. Гнилы, присівшы мосты. По обом бокам крайовой дороги розложилось село Горбатово. Стаеме. Білют хаткы, крыты соломом. Чернохвосты, червеноногы боцаны на жолтых коминах. Рідкы, бідны садыкы, огорожены высокыми штучными плетнями. Студні пред порогом. Дворы посыпаны каменцями з берегов Прута, котрый виднієся сквозь сады. Поля подроблены на кусочки, — кусок благодатной, всеспасающей кукурузы, меньший кусок жита, ище меньший — фасолі, а уж совсім маленький кусочок — подсолнечника.

У “примарии” — сельского уряду — собралося ціле село. Надзвычай много черно-го — и в одежі селян, и в лицах. Молдаване.

Ніт и в помині ціломудренной чистоты, чистоты в одежі украинских селян Буковины. Крисоваты чорны капелюхы. Чорны старомодны сурдuty сорокалітньої давности, доставшыся, очевидно, в спадку. Чорны твари. Босы, предчасом постарівшыся селянky, физично здушены нуждом, отіды майже во всю

чорне. Чернонога, опалена дівтора несміло тулится к отцовским и материнским ногам.

Сколько столітий из покоління в покоління треба было бити людей, морити голодом, штобы они выглядали вот такими жалкыми, не радувались радости, не чули счастья, держачи його в руках. Сколько треба было румынским боярам и поміщикам кламати, хитрувати и крутити, штобы посіяти в душах тружеников зневіру в свои власны силы.

— Чия тота земля? — просится советский чоловік, вглядуючись на юг, запад, восток.

— Поміщика Михаила Опря, поміщика Сегала, поміщика Пирложана.

— А кто на ней працювал, на той землі?

— Мы, — в еден голос отповіли селяне.

— А ваши отцы, діды, прадіды?

— Наши отцы, діды и прадіды тоже на ней працювали.

— А што робил поміщик?

— Зберал урожай и продавал.

— Так чия то земля — ваша, ци панска? Кто на ню має больше права — вы, котры ей віками обрабляте, ци дармоїд поміщик?

Советский чоловік ждал, што селяне дружно в еден голос крикнут, што лем они, и никто другой, мают право на землю. Йому было дивно, коли селяне не отповідали.

— Так чия же то земля, полята потом и кровью дідов и отцов, вашей власной, ваших дітей?

— Наша земля, — отповіло пару селян.

— Раз земля ваша, то што з ньом треба робити?

Селяне молчали. Ни шопоту, ни шороху, ни вздоху. Знойне полудневе солнце пекло с самой середины неба. Селяне хмурились и молчали, не глядячи на солнце, ни на советских людей.

Им дуже хотілося сказати того, о чым они могли лем снити — земля наша, мы ей газ-

дове, аж тепер мы будеме обрабляти ей, аж тепер мы будеме зберати свой урожай. Но было страшно выговорити тоты смертельно заборонены слова. Віками приучали селян, што панска и понастырска земля — то дар божий. Што на том и світ стоит: едны мают быти бідными, а другы богатыми. Што по божому закону и по людской судьбі селяне мают жити в голоді и холоді, поливати землю кровью и потом.

Молчал и совітский чоловік, добри понимаючи, што происходит в сердцах селян. З великом радостью смотріл он на своих братов, чувствуячи, из какой беспросвітной темноты подносится світла радость жизни, через якы двери зневіры пробивается віра в свое счастье.

10—20 секунд прошло — селяне молчали.

Из задних рядов собрания протолкался босый, черноногий, опаленый солнцем селянин — літ 40. Суха, жиляста шия. Впавшы очы. Узкы згорблены груди. Долгы худы руки зо зграбильма пальцами. Опустивши очы в землю, селянин рюк:

— Я хочу жити так, як я жил все.

Никому не треба было поясняти, як жил черноногий селянин все. Громкым, бурным, недовольным шумом собрание заявило, што оно не згодно з його желанием.

— Оставить землю на 5 літ таком, яком она была до тепер, — чути новый голос.

И на тот голос селяне отповіли бурно и недовольно.

— Што-ж тогды робити с панском землем? — повторил совітский чоловік свои слова.

Селянин в старом соломяном капелюху, тяжкых солдатских боканчах, зношеном сердачку, смуглолицый и беззубый — Дмитро Мизунский воскликнул, звертаючись к селянам:

— Так што-ж нам робити с панском землем? Чого-ж мы так долго думаем? Розділити! Розділити!!

Вот оно сказано рішающе, завітне слово, котре снилося им віками. Розділити. Отразу народ ожил. Без остатку роздоптаный страх, покорность судьбі.

— А если вернется пан!? — роздался голос з задних рядов.

— Там, где вступила нога Красной Армии, николи уж не буде поміщика.

Селяне радостным говором и усміхами подтвердили: так, то правильно, такую армию немож побідити.

— Значит, розділити панскы землі? — звидується совітский чоловік.

— Розділити!!!

— Як розділити — поровні меж всіми селянами?

Громогласный протест. Ніт, в нияком случаю, треба дати землю найперше тым, што цілком не мают землі, и тым, што мают мало. А як с овцами, коровами, коньми, и инвентаром, панскимин будиками? Худобу и зерно треба роздати найбіднійшым. Панскы будинкы — два под школы, третий под кооператив, а в четвертом устроити клуб.

Высока худа жена в теплой волняной хустинкі, зо сурового полотна сорочкі, боса, мати великой фамилии — Мария Кицук, котра николи перше не посміла бы подати свой голос меж мужчинами, внесла предложение, штобы при розділі землі взяти на увагу число дітей бідных людей. Столітний Харламп Андроник порадил розділити уж засіяну землю так, штобы жито, кукуруза досталися тым, котры сидят без хліба.

И о кормі для панских коров, котры попадут в руки бідняков и виробников, и о запрягу для вічно без робочой худобины селян — о всім уже успіли подумати селяне.

Просто-напросто оказалось, што великы жизненны вопросы селяне обдумували давным-давно.

А. Авдиенко.

БІДА С ТАЛАНТОМ

Демко Гарайда, сын коморника Максима, рос коло свого отца и от дитинства показывал рідкы способности. Люде говорили, што Демко родился с талантом. Та и його отец мал талант. Робил скрипки, басы и знал на них грати, так што коли цыгане складали музыку, то Максима все брали до бас. А коли подрос Демко, то воліли Демка, як старого Максима. С часом и скрипку Демко зробил ліпшу, як Максим, т. е. перевышил свого учителя отца. Всі говорили, што Демко ліпший майстер и ліпше грае от Максима.

Демко, хлопцом, пас чуже стадо, и все дашто стругал, и выстругувал ножиком таке, што школений різбяр, абы таке выстругати, послугувався розмайтыма прирядами. Каждый мусіл признати, што Демко талант. Ажи духовник, едина учено-музыкальна особа на околицу, виділ што-си в Демку. Єгомосць, приміром, без камертона не мог найти голосу настроити скрипку, а Демко на память настроил всі струны.

Свою чудну музыку на скрипках брал Демко не з готовых нот, котрых не знал, а просто з натуры. Прислухувався вітрам в дєбрях, шуму поточка, співу птиц и людей и передавал звуки натуры на своей скрипкі.

Но природному таланту потребна школа, котра бы розвила талант и направила го по правильному пути. Иначе талант загине бесследно, як загинул в наших горах нееден.

Всі знаме, што кто в краю из нашей молодежи был живший, способнейший, талантливый, тот шол в Америку глядати ліпшой долі. Нич дивного, што и наш Демко выбрался в Америку. Пожичил грошей на дорогу и поїхал.

В Америкі роботу дораз Демко нашол, хоц и тяжку и не так добри платили, но але при своем музыкальном таланті дораблял суботами и неділями. Ходил грати по весілях крайнов и по малых забавах. А притом и дівча нашол и оженился. Працувал через тыждень и пак дашто доробил при музыкі, так што устроил свою фамилию, як належится. Бо уж и трое діточок им Бог дал с часом. На всьо старчило ище и отложити

мож было на чорну годину пару долларов. Бо знате, як то ест: захворіє дакто с фамилии, або даякий другий випадок... Дост, што житя укладалося Гарайдам так, як треба.

Но лем раз штоси сталося в Америкі, настало безроботя. Миллионы народа остало без работы. От чого, никто не знал. В церкви говорили иначе, в школі иначе, в клубі иначе и на улиці иначе. И Демко остал без работы. Лем што суботами и неділями музыком пару долларов заробил, но и весіль и забав стало меньше. Хлопці штотраз меньше женилися, люде меньше на забавы ходили и меньше забав справляли. Што Демко откладал на чорну годину, проіли давно.

За цілий тот час Демко ходил за роботом по Нью Йорку, но нигде для него работы не было. Порадили му походити по 6-ой евни, што там ище мож роботу найти до ресторану. Ходил долго по 6-ой евни от офису до офису, от ресторану до ресторану, и наконец роботу нашол. Взяли го за помыйника. Та знате, яка то работа, як платят. Но але и то работа, як ніт другой:

— Доллара денно, и істи — гварит агент.

Демко смотрит на агента, ци не жартує. Што-ж он з долларом зробит для своей фамилии, для жены и дітей.

— Береш роботу? Бо я не мам часу. Доллар днеска добра плаца, а ище и істи. Миллион дней, миллион долларов. Всі наши великы американскы люде, миллионеры, не от долларов, а от центов починали, а днеска миллионеры, — поучує агент Демка.

Итак, почал Демко наново от доллара. И якже был зачудуваный, коли за помыйным столом встрітил старого русского генерала, доктора, инженера, норсу, студентов. А меж учеными американцами звичайного словака. Всіх разом зогнала ту людска судьба и поставила за помыйным столом.

Вот, где починали наши американскы миллионеры! Выходит, што они певно дуже стары, почали таку роботу от центов певно ище пред Христом.

Якоси по пару місяц той работы за по-

мыйным столом в ресторані подходит старший и звідується, кто с чым, з яким талантом мог бы похвалитися, бо великий босс так старается о своих работников, што им хоче устроити концерт-баль. А в концерті должны выступати выбраны таланты из його работников соток його ресторанов. Подходит старший и ку Демкови и звідує, ци не мае даякого таланту, ци не співат, або танцує, або грає. Демко гварит, што он грає на скрипкі.

— Гуд! — гварит старший и записал му “точку”...

В субботу в великой галі собралось три тысяч работников компании на концерт. Танцевали, співали, грали, як кто знал и мог.

Пришло на Демка. Кличут:

— Демко Гарайда, “дишвашер” 45-го штора заграє нам на скрипкі старокрайовы карпатскы мелодии...

Вышел Демко со своим скрипком, вкложился и заграл. Град, як найліпше мог, свою крайову музыку. Такой чудной музыки тоты люде ище не слышали, тот “дишвашер” не так грає, як другы грали. Тота його скрипка говорит до души, штоси оповідат за далекий край, за його природу, историю, життя людей. В галі утихло, якбы маком сіял. У дакотрых показались слезы в очах. Може то у тех, што знают тот край, тот народ, тоту природу, о котрой Демко грал. Но уж друге што-си грає Демко, уж його скрипка оповідат о Америкі, о ей машинах, о безработю, о природі богатой, промышленной Америки, о Нью Йорку.

— Таж тот “дишвашер” великий талант, лем неученый, — шептали єдны другим. А коли Демко покончил грати, вся галя забурилася от восторга. Дакотры выскочили на сцену, подняли Демка на руки. Нашлись и квіты, полну бочку квітов принесли. Демко стал первым чоловіком того концерта. Обнимали го и цілували дівчата и жены. Навет сам “биг босс” подошел до него, подал му руку и поздравил с талантом. Спорунякого не было, перву нагороду получил Демко...

Даколи, коли был ище хлопцом в краю, оласка цыганка ворожила му, што субота його счастливый день. Припомнул собі Демко тепер и тоту ворожбу старой цыганки. “Правду стара мала!” Бо Демко уж был то-

го певный, што тепер уж веце помыйником не буде, тепер напевно го назначат до компанийной музыки. Сам “биг босс” звернул на него увагу. Раз пришла тота счастлива субота, о котрой цыганка ворожила...

На другой день, в неділю, Демко приходит до работы, як звичайно. Но ище не взялся до работы, як го кличут до офису.

На столі увиділ Демко коперту для выплаты и документ, подписанный ним при принятию на работу.

Старший посмотріл на Демка через окуляры и звідує:

— Ты музыкант?

— Як видите...

— И ты не мал желания стати “дишвашером”? Профессиональным “дишвашером”?

— Николи.

— А вот ту ты подписал документ, што ты был “дишвашером” и маш желание ним быти.

— Я задоволенный и таком роботом.

— Але мы не задоволены. Воз-же свой ка-лап и ковт и ид дому, поглядай собі роботы по своей профессии. Ту твоя выплата.

— Але-ж мистер, я мам жену и діти, я по своей профессии роботы не найду. Я хочу быти помыйником...

— Но, ты талант, музыкальный талант, и мы не можеме взяти на себе такой великий гріх, абы мы погубили такой талант при помыйном столі. Мы звольняме тя з роботы и даеме ти свободу глядати возможности быти тым, для чого ты рожденный...

* * *

Днеска уж Демка при помыйном столі не было.

— А где Демко? — звідуют товаришы помыйники старшого.

— Демко музыкант, — отповідат тот. — Пред ним велика будучность. Його місце не за помыйным столом. Сквитувал и глядат роботы по своей профессии.

Помыйники, — инженеры, доктора, студенты, норсы, — порозуміли справу и ище ліпше причулилися за помыйников, абы старший виділ, што они всі профессиональны “дишвашеры”, а не даякы иншы таланты, як, приміром, Демко музыкант. Никто, ани єден другому не признается, чым он был, або яку школу, який талант має...

Н. А. Цисляк.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

(СОВІТСКА НОВЕЛЛА)

Што ни день, то все прибавлялося роботи листоношу. Його торба не вмещала и половины почты в село Бондари. Треба было класти писма в кишені широкого сірого сурдута, а цілу вязанку газет влечи на плечах.

Но в тот день, несмотря на переладунки, Панько шол легко и быстро. То, што он дознался про Стефана, глубоко взрушило листоноша. Лем бы скорше в Бондари. Вот порадуе Панько колхозников! Найперше треба буде повісти Харитону Васильевичу. То-то новостъ буде для старика. Лем бы го дома застати. На ноч уходит Харитон Васильевич ку стаду.

Сім літ служил Панько листоношом, но односельчане каждый раз зустріают го так, якбы не виділися з ним долги роки. Именно за тото само и любит Панько свою роботу. Он розуміе, што захворуй Паньку хоц на єдну добу, житя в Бондарях стане немиле. Ніт, Панько не може хворіти, он должен раненько покидати село, штобы ку вечеру принести му массу новостей.

Роздаючи газеты и письма, Панько каждому загадочно вспоминал о какой-си важной новости, котру он выложит аж за годину.

— Наши Бондари поднялися ище на ступеньку вверх, — многозначно поднявши палец, говорил Панько... Розумієся, што тоты слова розпалювали цікавостъ. Колхозники рушали плечами и ище сильнійше переконувалися в том, што Панько дуже важный чоловік для села.

Пастух Харитон, глухий на ліве ухо, мало згорбленный сивый старик, был ище дома. Коло ворот встрітился с Паньком. Старик держал в руках мериндю и флягу з водом.

— Витайте, Харитон Васильович, витаю и поздоровляю сердечно.

Дідо повернул ку листоношу ліве ухо, штобы ліпше чути.

— Новости ест, Харитон Васильевич. Стефана вашого генерал-майором именовали. Портрет в газетах отпечатаный.

Панько вынял газету, развернул. Направду, меж генералами был и Стефан, сын Харитона. Старик посмотріл на лице сына и

широко усміхнулся. Таким самым выглядал Стефан минувшого року, коли в Бондари приїзжал.

Листонош был особливо рад не лем тому, што первый дознался о генералі Стефані, но и потому, што Стефан друг дїтства. Замітивши приближающогося председателя колхоза Никиту Григорьевича, Панько крикнул му навстрічу:

— Читали? Вот, прошу любоватися. Стефан — генералом. Тот самый Стефан, котрый в Бондарях родился и вырос! Взагалі, Бондари...

Послїдню мысль Панько высказувал и в районі, где виділся з листоношами. Он говорил им, што такы люде, як Стефан, могли вырасти лем в Бондарях. Взагалі Панько был твердо переконанный, што ліпшого села не найти нигде. И сад отличный, и став замічательный, и хор прайз получил в Києві.

Председатель развернул газету. Стефан смотріл на него мудрыми очами. Энергично затыты губы, высоке чело, кріпка шия, простый нос — все говорило о сильной волі характері генерала. Никита Григорьевич ровесник генералу, они знают еден другого от маленкости, разом добровольно пошли в Красну Армию, разом навіщали чорноярских дівчат. А потом розышлись: Никита любил поле, к агронотехнікї мал склонность, а Стефан стремился к военному ділу. Бывало, приїзжал Стефан в село. Никита брал го с собою в поле и з видом знатока звідувал го о травах, о сівоборотах. Стефан дакус отставал в земледілію, зато он росповідал Никиті такы чудеса о военной штуці, што Никита часами забывал, што перед ним Стефан. Як профессор розберался он в военном ділі. И оба были дуже довольны, што каждый на своем місци.

Дораз на другой день было рішено послати делегацию к своему знатному односельчану. Колхозницы напекли пирогов, приготовили два ведра черешен, поймали в ставі карпов и припражили. Никита Григорьевич не хотіл заганьбитися. Кто знае, може як

раз у Стефана Харитоновича буде дакто з Москвы.

Труднійше было зо складом делегации. О собі Никита Григорьевич и не думал: он при всяких условиях должен поїхати. Само собом розумієся, што поїде в гости к генерал-майору и Харитон Васильевич. Треба буде взяти и бригадира Васюту, орденоносца.

На засіданні правління оказалось, што делегацию треба росширити. Если включити Васюту, то чом же не взяти Марию Безверху. Два роки еден за другим Мария — участница выставки в Москві, медаль получила. Рішено было включити и Марию.

Коли погодились о складі делегации, несподіванно попросил слово сторож Савва:

— Если правду повісти, то я должен непременно поїхати и притом первым в списке быти, — сказал он.

— Длячого?

Савва рюк:

— Найперше, Стефан мой крестный сын, штобы вы знали. А головно, што коли я в партизанах ходил, я все Стефана зо собою брал. Если не вірите, най Харитон скаже. Вот и россудте: Може Стефан именно через мене и полюбил военне діло.

Согласились з доводами Саввы, включили и його в склад делегации. Ктоси предложил кандидатуру Панька, но тот сам заявил, што служба не дозволят. Зато, если не забуде пресідатель, то найперше має передати привіт от листоноша.

В город колхозники прибыли раненько. Город ище спал. Постовой милиционер росповіл, як найти потребну улицу. Колхозники поспішили ей найти.

Харитон Васильевич всмотрювался в лица военных. Йому здавалося, што вот-вот встрітится зо сыном. Едного он уж хотіл остановити, так был подобный на Стефана.

Улица, котру глядала делегация, была на другом конце города. У великой будовы встрітил делегацию пост. Харитон Васильевич жмурил очы, якбы солнце сліпило го, и позерал на окна. Дежурный по штабу запросил колхозников в невелику комнату. Никита Григорьевич вошел первый, Харитон Васильевич за ним. Мария Безверха замітно непокоїлася: черешни в кошику чогоси змокли.

— Мы бы хотіли видіти генерал-майора

Стефана Харитоновича, — рюк, сідаючи, пресідатель колхоза.

— То мой сын, — додал старик.

— Так? — звідал дежурный. — Дуже приятно. Значит вы, видно, односельчане генерал-майора. Дуже рад. Но ... генерал-майор куды-то уїхал. Сегодня його не буде.

Тоты слова совсім огорошили колхозников. В еден миг рухнули надежды. Добру сотку километров проїхали они поїздом, каждый уж приготовил найтеплійшы и найсердечнійшы слова поздравления и нараз...

— Якже то так? — звідал страченный Харитон Васильевич. — Може он уж вернулся?

— Ніт. Я точно знаю, што уїхал. Но вы не смуттєся. Я заведу вас в садик, отдохнете, чаюм угощу.

— Ніт, ніт, як так, то нам треба спішити дому, — рюк пресідатель.

Делегация оставила подарунки у дежурного, попросила го передати генералу поздравление от цілого колхоза и сказати, што был ту и отец Стефана, и його товаришы. Он знає каждого.

Всю дорогу до самой своей станции колхозники майже не бесідували. У каждого было якеси чувство обиды, хотя и понимали, што наименьше тому был винен генерал-майор. Вот если бы послали му телеграмму. Никита Григорьевич не мог собі того пребачити. Панько вспоминал му про телеграмму, но пресідатель не послухал. Вот и вышло, што вернуться они не солено івши.

Но як лем зышли с поїзда и пошли полями, каждому полекшало. Рано выдалося незвычайно приятным и ласкавым. Жаворонки заливались звонкими піснями. Колхозники шли мимо ошетинившогося ячменя. Ранна роса блестіла на буйных зернах. Говорили колхозники про урожай, о том, якы зерна красшы — чорноярскы ци бондаривскы. О генералі забыли...

Коли делегация повернула направо, предньом открылася широка долина. Ту починалися колхозны дукуы. Откаль-си доносился мелодичный мягкий звон кос.

— Таж то нашы косят,—воскликнул пресідатель. — Завчасу вышли.

Колхозники повеселіли. Увидівши своих, косари нараз кинули косы, подняли крик, дакотры чого-си почали хохотати. Лем еден

косарь, выпередивший других, продолжал косить.

Никита Григорьевич знал каждого колхозника по походке, по руху в работе. Косаря в попелястой сорочке он не мог признать своим.

Когда делегаты подошли ближе, косарь обернулся к ним лицом и, усмехнувшись, пустился ку дорожке.

— Таж то Стефан!

Никита Григорьевич подбегал к нему и крепко его обнял. Стефан нашол среди делегатов отца и тоже расцеловался с ним. И так за порядком с каждым односельчаном из делегации.

— Яжже то так вышло? — зачудуванный звѣдал председатель.

— Дуже просто. Выходный день, — дай думаю махну в Бондари. А ту, оказуеся, сенокос не законченый. Ну, и я рішил припомнути собі. Треба же заробити на обід? Як не як, а трудовень ты мі записати должен.

Коли покончили сенокос, всі гуртом пустилися в село. Генерал-майор шол рядом с отцом, слухаючи його бесіду о стаді, котре уж нт где помістити — треба будувати новый кошар. Солнце щедро поливало зеленые поля теплом и ослепительным світлом: Колхозники росповідали гостю новости. А гость шол рядом з ними с косом на плечу — загорілий, простый, звычайный Стефан, сын чабана Харитона.

Направду, Бондари замічательне село!

(Ал. Носенко, "Советская Украина").

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

КАЛОШЫ И МОРОЖЕНЕ

Коли я был маленький, я дуже любил морожене (айскрим).

Розуміеся, я його и сейчас люблю. Но тогда то штось было особливе — так я любил морожене.

И коли, наприклад, іхал по улиці мороженщик со свойов колясков, то у мене прямо починался заворот в голове: до того мі хотілося покушати то, што продавал мороженщик.

И моя сестричка Льоля тоже страшно любила морожене.

И мы с ней мечтали, што вот, коли мы вырастем великы, будеме істи морожене не меньше, як три або штыри раз в день.

Но в тоты часы мы дуже рідко іли морожене. Наша мама не позволяла нам його істи. Она боялася, што мы простудимеся и захворіеме. И по той причині она не давала нам на морожене грошей.

И вот едного разу літом мы з Льольом гуляли в нашем саду. И Льоля нашла в корчах калошу. Звычайну гумову калошу. И притом дуже выношену и подерту. Певно дакто выкинул ей, як больше несущу.

Вот Льоля нашла тоту калошу и для потіхы наділа ей на палку. И ходит по саду, махат том палком над головой.

Як раз по улиці иде шматяр. И кричит: "Купую фляжки, банькы, шматы и все, што вы мі продасте."

И тот шматяр, увидвши, што Льоля держит на палиці калошу, говорит Льолі:

— Ей, дівчатко, продаеш калошу?

Льоля думала, што то така гра, и отновідат шматяру:

— Так, продаю. Сто рублей стоит тот калоша.

Шматяр засм'ялся и говорит:

Ніт, сто рублей — то задуже дорого за тоту калошу. Але если хочеш, дівчатко, то я тобі дам за ню дві копійкы, и мы с тобой расстанемся друзьями.

И с тима словами шматяр выбрал с кишени мішочок, дал Льолі дві копійкы и сунул нашу подерту калошу в свой міх.

Мы с Льольом поняли, што то не гра, а направиду. И дуже мы зачудувалися.

Шматяр уж давно ушол, а мы стоиме и смотриме на нашу монету.

А ту лем раз по улиці иде мороженщик и кричит:

— А вот продаю земляничное мороженое ("строберри айскрим").

Мы с Льольом поб'жали к мороженщику, купили у него дві кулочки по копійкы, мо-

ментально их зіли и почали жалувати, што мы так таньо продали калошу.

На другий день Льоля мі говорит:

— Миньку, сегодня я рішила продати шматяру ише одну даяку калошу.

Я обрадовался и гварю:

— Льоля, а ци ты знов нашла в корчах калошу?

Льоля говорит:

— В корчах больше ничего нїт. Но у нас в сїнях стоит напечно, я думаю, дас пятнадцет калош. Если мы одну продаме, то нам того нич не пошкодит.

И с тьма словами Льоля побіжала до дому и скоро появилась в саду с одним, довольно хорощом и майже новеньком калошом.

Льоля рекла:

— Если шматяр купил у нас за дві копійкы таку рвань, яку мы йому продали в ірошлый раз, то за тоту, майже новеньку калошу он, напечно, даст нам найменьше рубль. Представ собі, сколько мороженого буде мож купити на такы грошы! Минька, на сей раз ты продавай калошу. Ты мужчина, и ты зо шматяром бесідуй. А то он мі знов лем дві копійкы даст. А то нам, для нас двоих, задуже мало.

Я зділ на палицу калошу и почал махати палицом над головою.

Шматяр подошол и звїдался:

— На продай?

Шматяр осмотріл калошу и рюк:

— Як жаль, діти, што вы все по одной калоші продаете. За тоту одну калошу я вам дам пятачок. А если бы вы продали мі отразу дві калошы, то получили бы двадцет або и тридцет копійок. А то зато, бо дві калошы больше потребны людям. И от того они подсказуют в ціні.

Льоля мі сказала:

— Минька, полет-ле на дачу и принес зо сін ише одну калошу.

Я полетіл дому и принюс якуси калошу дуже великих розміров.

Шматяр поставил на траву тоты дві калошы обок себе и, смутно вздохнувши, рюк:

— Нїт, діти, вы мене вконец ростроюете своим торговльом. Одна калоша дамска, друга — с мужской ноги, розсудте сами: нашто мі такы калошы? Я вам хотіл за одну калошу дати пятачок, но, сложивши ра-

зом дві калошы, вижу, што то не може быти, так от того стратила в ціні каждая калоша. Нате за обі калошы штыри копійкы, и мы розыйдемся приятелями.

Льоля хотіла летіти дому, штобы принести ише дашто с тых калош, но в тот час роздался гдеси мамин голос. То мама нас кликала дому, так як с нами хотіли попрощатися мамины гости. Шматяр, видячи наше замішание, рюк:

— Итак, друзья, за дві калошы вы могли бы получить штыри копійкы, но вмісто того вы получите три копійкы, бо одну копійку я вам мушений отрахувати за то, што даремно час трачу на пусту бесіду з дітми.

Шматяр дал Льолі три монеткы по копійки и спрятавши калошы в мішок, пошол собі.

Мы с Льюльом моментально побіжали дому и почали прощатися с мамиными гостями: с тетом Ольою и уйком Кольом, котры одівалися в сїнях.

Лем раз тета рекла:

— Што за чудо. Одна моя калоша ту, под в'шалком, а другой чогоси нїт.

Мы с Льюльом поблідніли. И стояли анируш.

Тета Оля рекла:

— Я дуже добри памятам, што я пришла в двох калошах. А ту сейчас лем една, а где друга, незнати.

Уйко Коля, котрый тоже глядал свои калошы, рюк:

— Што за чудасия в решеті! Я тоже дуже добри памятам, што пришол в двох калошах, тым не меньше другой мойой калошы тоже нїт.

Услышавши тоты слова, Льоля от страху розжала пяст, в котрой у ней находилися грошы, и три монеткы з бренком упали на подлогу.

Папа, котрый тоже отпроваджал гостей, звїдал:

— Льоля, откаль у тебе тоты грошы?

Льоля начала штоси брехати. Но папа сказал:

— Што може быти горше от брехни!

Тогды Льоля заплакала. И я тоже заплакал. И мы сказали:

— Мы продали шматяру дві калошы, штобы купити морожене.

— Горше от брехни — тото, што вы зроби.

Услышавши, што калошы проданы шматяру, тета Оля поблідніла и захвіялася. И уйко Коля тоже захвіялся и хватился руком за сердце. Но папа им сказал:

— Не турбуйтеся, тето Оля и уйку Коля, я знаю, як нам треба поступити, штобы не осталися без калош. Я возму всі льолины и минькины игрушки, продам их шматяру, и за выручены грошы мы набудеме вам новы калошы.

Мы с Льольом заревіли, услышавши тот приговор. Но папа сказал:

— То ище не вьсо. За час двох літ я забораю Льолі и Минькі кушати морожене. А по двох роках они можут його кушати, но всякий раз, кушаючи морожене, най вспоминают тоту печальну историю, и каждый раз най они думают, ци заслужили они того сладке.

В тот самый день папа собрал всі наши игрушки, позвал шматяра и продал йому вьсо, што мы мали. И за получены грошы

наш отец купил калошы теті Олі и дяді Колі.

И вот, діти, от того часу перешло много літ.

Первы два роки мы с Льольом наравду ни раз не іли морожене. А потом почали го істи и каждый раз, кушаючи, нехотячи вспоминали о том, што было с нами.

И даже тепер, діти, коли я стал совсім взрослый и даже немножко старый, даже и тепер часами, кушаючи морожене, я чую в горлі який-си тиск и якуси ганьбливость. И при том каждый раз по дітской привычкі, думая: “Ци я заслужил того сладке, не збрехал я и не ошукал я дакого?”

Сейчас, діти, дуже много людей кушают морожене, потому што у нас тепер цілы огромны фабрики, в котрых вырабляют тоту приятну страву.

Тысячы людей и даже миллионы кушают морожене, и я бы, діти, дуже хотіл, штобы всі люде, коли кушают морожене, думали о том, о чом я думая, коли ім того сладке.

ВАСЯ ОРЕШКИН

(Рассказ советского учителя)

Мене давно звідували діти, а частійше всіх — Орешкин:

— А чом вам, Григорий Степанович, ордена не дають?

Они, діти, всегда так, — кого любят, тому орден и давай. Усміхнешся, отповіш:

— Значит, я не заслужил. Вот заслужу, так дадут.

Но Орешкин недоволен.

— Як же то, — говорит, — не заслужил. Вы вот всіх учите, учите, — учителей — и тых учите.

— Та где я их учу?

Прижмурил едно око, смотрит на мене лукаво.

— Думате, я не знаю. А вот собрания бьвають.

— Ну, — гварю, — я найстарший, вот и учу. Видиш, у мене голова сива.

Орешкин задумался на минутку.

— А они вас слушают?

— Слушают. Ліпше, як ты слухаш.

Орешкин любил красти. Без матери рос,

отец — пьяница, закрывал білый світ своим сыну. Хлопці у нас, в Новшині, боялися го, як огня. Собрал шайку, набили, ограбили. Рыбакам сіти порвали. Всі говорят мі: “Ты с ним не связуйся, он тебе окраде и утече. Негодный он”. А я знаю: житя го зробило негодным; коли я — учитель, то я должен го наравити. Зробил я його своим помочником, — ключ дал му от шафы, от библиотеки.

Он товаришам гварит (мі того повідали):

— Ох, я бы мог сколько книжок украсти. Лем Григорию Степановичу платити бы треба.

Ну, думая, ничего собі. Може, як выросне, не буде красти, скаже: “Был у мене учитель, Григорий Степанович, мене красти отучил.”

Трудно, однако. Иду селом, а мі повідают:

— А ваш Вася Орешкин когута украл.

— А ваш Вася Орешкин мому Сенькі голову розвалил.

Звідую:

— Чого ты Сенькі голову розвалил?

— Наїжился, очами блиснул.

— А што мі з ним робити. “Таинственный Остров” — перву и третю книжку вернул, а другой не несе и не несе.

Што му повісти? Он о добре старатся, а вышло зле. Так у дітей буває.

— А когута украв? — звідую.

А он спустил голову, не смотрит на мене.

— Украв, Григорий Степанович.

Ну, стыжу я його: мі, гварю, прикро дуже. Другий рок учу. Приду до skleпу — мене ганьблят. В робочий комитет приду — мене ганьблят. А ту я — до тебе привык. И порозумій ты, мі тяжко.

Стоит, молчит.

Нараз як выпалит ни с чого, ни с того:

— Ёй-богу, Григорий Степанович, не буду красти больше.

— Ты бы, Вася, других дітей ганьбился.

— А я других не ганьблюся, лем вас.

Я розумію: он ласкы не виділ. Никто його не любит, никто не сварит. И ни страхом, ни стыдом його не возьмеш.

А принес му новы пончохи — он обдертый ходит — поможе. И то не подкуп, — он старунок чувствуете, ласку. И перестает свои выбрыкы.

Мі совхоз купил хорошей материи, а я Васі дал ушити костюм. Прихожу в комитет, гварю: “С той материи я дал ушити шаты Орешкину, дайте тепер для мене другу.” В комитеті недовольны, журят мене: “столько труда положено, а ваш Орешкин не поправляется.”

Оно понятно. Комитет не обовязаный го утримувати, його отца, пьяницу, уж выгнали из совхоза. Я объясняю: не пропадати же хлопцу. Мы за него отвечаем, чтобы не вырос из него планый чоловік. Воспитание — то война.

На войні житя отдают. Вот и ту треба житя отдавати. На то я и учитель.

Оно так, людям не видно, а діло у нас починает идти на лад.

Дал я Орешкину пять рублей за молоко заплатить. Приходит вечером. Я пишу, он обок вертится.

— Вы мене будете сварити, Григорий Степанович.

— За што я тя мам сварити?

— Та-ж я за молоко не заплатил. Я патронов купил за тоты грошы.

Я помолчал, нароком подольше помолчал. Потом гварю му тихо:

— Ты же знаш, што у мене грошей ніт. Вижу, губы у него дрожат. А сам радуясь, як маленький.

— Ну, ничего, думаю.

— А я меньше істи буду, — гварит.

Мі го жаль стало.

— Ладно. Ты уж іч, лем патронов не росстрат.

— Я, — гварит, — лучше вам их дам, на схованку, Григорий Степанович.

Я йому руку на плечо положил. Мокрый цілый, взмок от волнения.

— Вот то-то ты правильно придумал. Мы ище ку патронам стрільбу купиме. Літом в экспедицию пидеме, возьмем зо собом.

Экспедиция у нас давно была задумана. Геологом мои діти заинтересувались, а Вася Орешкин — больше всіх.

Один раз желізну руду нашли — бігут ку мі всі, кричат, а Орешкин далеко отстал. За пять километров скалу привлюк дас пуд тяжку. Потом мы з ним цілу зиму училися. Мі сказали, што то не магнитный желізняк, а камень такий, базальт, котрый в великой массі може притягувати магнитну стрілку. Сколько раз подойдет ку скалі Орешкин, погласкат ей.

— Григорий Степанович, ци то направду буде не руда, а базальт?

Руда-то оказалась рудом, и добром — сімдесят процентов желіза. Уголь нашли, сім метровый пласт угля. Магnezит нашли, цілу гору, — не гору, а горы. Спочатку думали, што то вапно. Взяли на квас — не шипит. Взяли опалювати — не опалюется, я в кузню побіжал, дул, дул, мало міх не спалил. Не опалюется. Чистый магnezит. А магнетизова цегла — велике діло. Огнеупорна цегла.

И учителей наших мы розохотили — по всему району. Шлют камені, руду.

Яка-си женщина остановила Орешкина, звідует:

— Ты из Новшина? Передай Григорию Степановичу оловяну руду.

Орешкин схватил кусок руды и біжит. Приб жал, нашол мене. Выпалил:

— Руду... одна ... женщина.

А больше не може, дух заперло. Яка женщина, откаль руда — того мы не знали. Где

глядати ей? Так и не нашли.

Мы с Орешкиным все мечтаем: пошлеме наши находы в край, дадут нам нагороду, дас десят тысяч. Купиме приряды всякы, што нам треба.

А до експедиции готовимеся: оловяну руду треба найти, котру Вася стратил, и горный хрусталь, и кальцит — то ест чисте вапно. Цілу зиму грошы складали. Тепер у Орешкина причинилося роботы. Библиотека — одно діло, квитанции выдавати и грошей пильнувати — друге. По пять, по десять, по пятнадцать копійок діти приносили. Так и писали на квитанциях: принято от Наді, скажеме, Лыковой пять копійок на экскурсию. Квитанция для родителей, значит. А подписувал всі квитанции Вася. И много назберали: сто двадцет рублей. Як рубль набереса, Орешкин иде в шпаркасу, кладе на книжку. И все радуеса, што там проценты роснут.

— Уже, — говорит, — Григорий Степанович, три с половином наросло.

Мішков на сухари нашили, — тым Таня Глебова завідувала.

— Сухари — то каждый у себе дома сушил.

И нараз пришла телеграмма.

Мене так совість мучит, што я з дітми не поіхал в экскурсию. Таж я их обманул, моих геологов, — так серьезно выбралися!

Ученье-то у нас уже кончилось, взяли мы собі классу, всі камені розложили, ціле царство получилось. Орешкин слышал про телеграмму, кусок угля выронил.

— Скорее идте, Григорий Степанович. Што там экскурсия, скорее привезте орден. Біда, як хочеса вас с орденом посмотри́ти.

Шило взял, котрым мы минералы выскрябували, почал мі в отвороті сурдута дюрочку вертѣти, а у самого руки так ходуном ходят. Очы мокры — и то первый раз я у него мокры очы видѣл.

Ну, ту уж больше и нѣт што оповѣдати. Вернулся я из Москвы, от Михаила Ивановича (Калинина). Орешкин як видѣл мене, біжит через кропиву, через ров, на зламания карку.

— Дали? Дали? Покажете, Григорий Степанович.

Ну, йому я первому и показал. А потом сіли діти в ряд, выкрутил я орден, вынял из той самой дюрочки, што мі Вася провертіл, и пошел орден из рук в руки, зарядом. Та-ж то діти, каждый обовязково хоче в руках подержати, потрогати, погладскати.

Они мі пребачили, што я не повюз их в экскурсию. ("Юный пионер").

ВОПРОСЫ

(Из литовского)

Прилетел аист (боцан) с большим клювом.

— Аист, аист, что у тебя в клюве?

— Ксендзовы деньги.

— Начто деньги?

— Косу купить.

— Начто коса?

— Травку косить.

— Начто травка?

— Коровок кормить.

— Начто коровки?

— Молочко доить.

— Начто молочко?

— Пастушков поить.

— Начто пастушки?

— Свиной пасти.

— Начто свиньи?

— Поле рыть.

— Начто поле?

— Ячмень сеять.

— Начто ячмень?

— Баранки печь.

— Начто баранки?

— Баб кормить.

— Начто бабы?

— Порох тереть.

— Начто порох?

— Зайцев стрелять.

— Начто зайцы?

— Господ (панов) кормить.

— Начто господа?

— На заборы (плоты) вешать.

Перевел АЛЕКСАНДР БУЖА.

НАРОДНІ СКАЗКИ

ЦАР І ДІВЧИНА

(Українська народна сказка)

Один цар звелів своїм слугам зібрати весь народ до свого палацу. Слуги кинулися в різні кінці міста і за кілька годин біля царського палацу була сила народу.

Тоді цар вийшов на балкон і крикнув:

— Я загадаю вам три загадки. Хто відгадає, тому дам половину свого царства. Перша загадка — що в світі найсмачніше? Друга — що в світі найшвидше? І третя — що в світі найбагатше?

Після першої промови люди розійшлися додому. Прийшов і старенький дідусь, який залишив удома п'ятнадцятирічну онуку. Дід розповів їй, які загадки цар дав людям, обіцяючи, що хто відгадає їх, тому він дасть половину свого царства. Онука вислухала діда і каже:

— Не вірте, діду, цареві, бо він бреше. Ніколи в світі він не віддасть за якісь там дурниці комусь половину свого царства.

— А може, хоть грошей дасть? Давай подумаємо, може відгадаємо, — каже дід.

— Н.чого тут довго думати. Підете після завтра і скажете: найсмачніше в світі — сон, найшвидша — думка, а найбагатше — літо.

На третій день почали люди сходитись до царського палацу. Пішов і дід. Недовго прийшлося чекати — вийшов цар і запитав:

— Ну, хто як отгадав?

Один каже, що найсмачніші вареники (пирогы), другий — що сало, третій — що пироги з мясом...

Один каже, що найшвидший — килим-самольот, другий — що голуб, третій — що орел...

Один каже, що найбагатший — купець, другий — що граф, третій — що цар, інший — що фабрикант...

Дійшла черга й до діда.

— Ну, а по-твоему, трухлявий пенёк, що найсмачніше — вареники чи каша з салом? — запитав глузливо цар.

— Ні, по-моему найсмачніше і найсолон-

ше — сон, — відповів дід.

— Так, твоя правда. Ну, а що найшвидше?

— Найшвидша, по-моему, — думка.

— Так. Ну, а хто найбагатший?

— Найбагатше — літо, — відповів дід і з радісною усмішкою почав чекати, що цар піднесе йому якийсь подарок.

Але цар дуже розсердився, що не в нього один є найрозумніший, як він себе вважав, а є ще розумніші від нього та ще такий старий, обірваний мужик, і запитав грізно:

— Хто це тебе навчив?

— Онука (внучка) — відповів дід.

— Ну, коли твоя онука така розумна, то ось тобі десять варених крашанок, і хай твоя онука на завтра висидить курчата. Коли ж не буде курчат, завтра ж повішу і тебе і її.

Узяв дід варені крашанки і пішов з плачем додому.

— Чого ви, дідусь, плачете? — запитала онука.

— Як же мені не плакати, коли я чекав од царя подарунку, а він дав ось десять крашанок і сказав, щоб ти на завтра висиділа курчата, а коли не висидиш, то звелить повісти і тебе, і мене.

— Не плачте, діду, ідіть зараз до царя і скажіть йому, щоб засіяв просо, бо на ранок треба пшона для курчат...

Побачивши діда, цар подумав, що той прийшов прохати помилування, але, коли дід йому розповів те, що звеліла онука, цар ще гірше розсердився, вибив дно з пляшки і крикнув:

— На! Хай твоя розумна онука залатає.

Прийшов дід додому і знову плаче.

— Чого ви плачете? — запитала дівчинка.

— Та ось дав цар пляшку, щоб ти залатала. Як же ти її залатаєш? Ти ж не скляр. От побила мене нещаслива годинонька!

— Нічого, якось воно буде, — весело відповіло дівчатко. — От що: несіть цю пляшку до царя і скажіть йому: хай виверне її, бо з лица ніхто латки не латає, а з вивороту.

Поніс дід пляшку до царя, а цар зрадив, побачивши діда, бо подумав, що дід прийшов таки помилування прохати.

— Ну, що, залатала? — запитав з усмішкою цар.

— Ні, казала, щоб її вивернули, бо з лица ніхто латки не латає, а треба з вивороту.

Цар так оскаженив, що тут же й помер з пересердя. А дід з онукою живуть і досі та розповідають свої пригоди з царем добрим людям.

Записано в с. Рокулово, Піщанського району, МАРСР, у колгоспі
“Червений Перекоп”.

БЕДНЯК И БОГАЧ

(Литовска народна сказка)

В лесу, на берегу реки, бедняк рубил деревья. Вдруг топор — хрясь! — соскочил с топорича в реку и затонул. Опустивши руки, горько заплакал бедняк.

— Ай, ай, несчастный я! Чем я теперь буду рубить, на хлеб зарабатывать?

В это время — топтык, топтык — выходит из леса хромой старик с можжевелевой бородой, с хвойным носом и спрашивает:

— О чем плачешь, добрый человек? Что с тобой приключилось?

— Как мне не плакать, коли топор мой упал в воду, а другой купить не могу, очень уж я беден. Чем теперь я буду дров рубить, чем на хлеб заработаю детям?

— Ладно, не плачь, я тебе его выловлю!

Старик скинул тулуп, снял лапти и бултых в воду. Через минуту вынырнул с золотым топором и говорит:

— На, бери! Ведь это твой топор?

— Нет, нет! Не мой, — отвечает бедняк.

Старик опять нырнул в воду. Через минутку вынырнул с серебряным топором.

— Ой, нет! Не мой топор! — воскликнул опечаленный бедняк.

В третий раз нырнул старик и вытянул железный топор.

— Вот это мой топор! Мой! — крикнул бедняк, приплясывая от радости. — Спасибо тебе, старичок, за добрую помощь, за услугу.

Хотел уже было бедняк, взяв топор, бежать домой, как старик его окликнул:

— Эй, эй! — говорит: — Раз ты такой правдивый и нежадный, на, возьми и эти топоры — золотой и серебряный.

Пришел бедняк домой с тремя дорогими

топорами и обо всем рассказал домашним. Услыхал про счастье бедняка богатый сосед. Взял он свой топор и пошел в лес. Пришел на то же самое место, к реке, и стук-стук в дерево... Топор легонько был прикреплен к топоричу — шлеп и упал в воду. Застонал богач:

— Ой, ой, я несчастный! Ой, ой, я пропащий!...

В это время из леса — топтык, топтык, — приковылял хромой старик с можжевелевой бородой, с хвойным носом. Подходит и спрашивает:

— О чем, человек, горюешь?

— Как мне не горевать: рубил дерево, топор с топорича соскользнул, упал в воду и утонул. Кто мне его теперь выловит?

— Успокойся, я его выловлю! — сказал старик и, скинув тулуп, бултых в воду. Через минутку выплыл с железным топором в руках:

— Это твой?

— Нет, не мой! — отвечает богач.

Старик опять погрузился в воду и через минутку вынырнул с серебряным топором:

— А этот?

— Нет. Мой был лучше!

В третий раз погрузился старик на речное дно и вытащил золотой топор.

— Вот, вот, этот мой! — воскликнул обрадованный богач. — Я узнал его издали!

Пока ненасытный так бесстыдно лгал, старик — бултых в воду с золотым топором и больше не показался. А богач, может быть, еще и сегодня сидит на берегу, ожидая, когда старик вынырнет и принесет ему бриллиантовый топор...

— О —

— Па, чом то индияне малюються?

— То лем тогды, як идут на войну.

На другой день:

— А где мама, Джонни?

— Намалювалася и пошла на войну.

— О —

— Што вы такой неспокойный, як почуете трубити авто?

— Та бо минувшого тыжня ктоси мі украв жену на авті и тепер коли почую авто трубити, то ся мі выдає, што ей везут назад.

— О —

Сестричка

Товариш красноармеец, я тоже хочу вам розповісти дашто интересне... Я розповю вам о своей сестричці, Оксанкі. Добри? Вы, певно, о ней не чули. Ёй ту всі знають. Минувшого року Оксанкі осем літ было, а мі еденадцет. А тепер мі уж скоро дванадцет буде. И я вам правду говорю, товариш красноармеец. Оксанка была добра дівчина...

— Микола, чом я не можу поспотріти в зеркало? — звідала раз у мене Оксанка.

— Том, што ты там ничого не увидиш, ты сліпа...

— А ты видиш?

— Вижу...

— А што ты видиш?

— Я вижу, як з долов, где богаты живут, хмарка подноситься. Если закрыть едно око, то не хмарка буде, а велика голова з долгом бородам...

— А коли закрыть оба ока?

— Тогда ничого видно не буде...

Оксанка и родилася сліпа... Перше мене всі дразнили, што сестричка у мене сліпа. Дразнили и Оксанку. Но коли она почала плакати, ёй пожалували, и всі дівчата почали з нѐм дружити.

— Што вы видите? — звідувала она у своих приятельок.

И приятелькы розповідали. Они виділи, як над их головами возвышалася висока скалиста гора, ище больша от нашої. На той горі лежал сніг. Білий-білий як цукер.

— Я хочу цукру, — попросила Оксанка.

— Цукру нїт у нас, — отповіли ёй подругы. — Тамтого року, коли ище літо было, мы пили чай с цукром...

Оксанка все ділилася зомном, коли ёй дашто принесли. А я брал... Я был голоден, товариш красноармеец. Отец наш не робил. Он был хворый. У него кров шла из горла. А мамы не было у нас совсім. Она давно умерла. Потом умер отец. Сусіды його похоронили там, у той скалы зо зубцами. Потом сусіды пришли ку нам и звідали мене, што я буду робити. Я кажу, што я не знаю, а потом кажу, што я уже знаю. "Милостынню с Оксанком просити будеме. Оксанка буде

співати, а я буду зо шапком обходити людей..."

Я взяв сестричку за руку и показал сусідам, як я буду милостынню просити.

— Люде добры, люде милы, люде милосердны... Пожалуйте мою маленьку сліпу сестричку...

Сусіде сміялися спочатку, а потом почали радити.

— Не дайме им пропадати. Всі мы их будеме кормити.

— Та чым? Кором? Снігом?

— Твоих дітей голодна смерть жде. Найидут и просят.

— А просити у кого будут?

— Долу, в городі...

Коли сусіде ушли, я сказал Оксанкі, што завтра зыйдеме долу, там, где богаты живут. Оксанка втішилася.

— И там жие тот чоловік, котрый зробит так, штобы я виділа?

— Так.

Оксанка почала скакати от радости. Тепер и она буде видіти! Она увидит солнце, сусідкину кицю, хмарку, котра подобна до великой головы з долгом бородам, скалу з зубцами, красивый водопад, о котром всі говорят, она поспотрит на себе в зеркало и увидит, яке у ней личко...

Встали мы вчасенько. Солнца ище не было. До самого водопада провожали нас сусіде.

— Смотте, діти, коли вам буде недобри поводитися — вертайте ку нам, — сказали они, — в долину идте вот том дорогом. Она вас до самого рынку доведе.

В город пришли вечером. Дома такы великы, улицы широкы, а людей там — не порахувати. Больше як тысяч людей буде. Не то што у нас на селі.

Зышли мы з горы и отразу — рынок. Но там нїкого не было, лем една сива бабуса крутилася у кошика з гнилыми огурками.

— Она што? Сліпа — звідала мене бабуса.

— Сліпа, — гвѣрю, — бабусю, дайте огурка...

Бабуса подарувала нам два великы огур-

кы с твердом жолтом лупом.

— А хліб у вас ест, діти? — звiдала она и дала нам ище по куску правдивого хліба.

Мы подякували и пошли дальше. Видиме — великий сад. Там много лампочок свiтит-ся и діти бавляться. Подходиме, а нам говорят, што тот сад не для бiдних дітей и прогнади нас. Пошли мы назад на рынок ку доброй бабусі, но бабусі уж не было.

Я выбрал місце и уложил Оксанку спати, а сам хотiл посмотрити на нашу гору. Но, як я не задерал вгору голову, конца ей не было видно.

Лежу. Оксанка мя будит.

— Микола, — спиш?

— Нiт. А што?

— Рано пиде́ме до того чоловіка, што може так зроби́ти, што я буду виді́ти. Добри?

— Добри, — гварю.

Ище не было рана, як нас збудили: пришли люде на ярмак. Спочатку мы смотріли, што они роблят, а потом Оксанка заспівала: “На горі великий маленька дівчинка живе”. Но нам ничего не дали. Тогда мы почали звiдувати, где живе тот, котрый може зроби́ти, штобы очы виді́ли. Нам показали где, и як называтся тоже сказали — Ротенеску.

Ці́лый день глядали мы го. А коли нашли, был уж вечер и падал великий дождь, и на небі блискавки скакали.

Вышли по сходах и сильно задуркали в двери, штобы нам отворили. Двери отворил высокий такий чоловік з долгими баюсами.

Посмотрі́л на нас, не дал нам слова речи и запер двери. Мы знов задуркали.

— Што вам треба?

— Моя сестричка, — показал я на Оксанку, — сліпа. Мы просиме...

Знову заперлися двери, я знову подуркал. В коридорі забре́хал пес. Мы хотіли утiкати в долину, но было поздно. Ростворилися двери и выскочил на нас великий пес и кинулся на нас. Хо́ч я сильно тримал Оксанку за руку, то и так ей удалося вырватися и с криком кинутися в сторону. Не здоляла она утечи пару кроков, як ей догна́л пес и превернул на землю...

А высокий чоловік з баюсами стоял в дверях и сміялся...

И другу нощ мы перебыли на рынку. Дождь ище лял. Мы скрылися в темной пивниці, где валялися розбиты баньки, пахло

соленыма огурками и затухлом капустом. Ці́лу нощ плакала Оксанка. Она тряслася от холоду и говорила сама зо собом. Я ей нияк не мог успокоити.

Дві нощы мы жили в той пивниці. Оксанка ище тяжше захворіла. Што я ей приносил істи, она не іла. Она лежала молчки, як мертва... На другу нощ, коли мене на сон зберало, в пивниці дался чути шум. Смотрю и вижу: вошел маленький дідусь в окулярах. Увидівши нас, он притулился ку стіні и тихо звiдал, кто мы таковы. Я отпові́л. Тогда мы познакомилися и я всьо распові́л му о собі и о сестричкі. Дідусь вздохнул:

— Тот чоловік, котрого вы глядите, не жи́е ту...

— А где-ж? — звiдал я. — Таж нам люде такий адрес дали.

Дідусь усміхнулся:

— Люде як люде, разны люде бывають. Не всі ище знають правдивый адрес.

— Там далеко?

— О, дост далеко. Ест, Миколо, такий край... — и дідусь мi распові́л много о том краю, о том, як люде там живут и их діти каждый день ідыт...

— Дідусь, а што с Оксанком? — звiдал я.

— Она дуже хвора. У ней напевно во́спаление легких...

— А што то значит, дідусь?

Дідусь усміхнулся и рюк:

— Я не дідусь, Миколко. То я просто так зарос. Из тюрмы утiк... — рюк он тихо. — Но о том потом...

Коли мы вышли высоко в горы, Оксанка нараз почала стонати. Я утiшился: “Оксанкі лі́пше!” А то она ці́лый час молчала и молчала...

— Оксанка!

Оксанка не отпові́ла.

— Дати ти грушку? Добра грушка, не згнила...

Оксанка ище раз нич не отпові́ла. Она лем почала плакати. Потом она и плакати перестала. А за годину — умерла...

— Где мы ей будеме хоронити? Ту, або там на верху? — звiдал мене тот чоловік.

Я не отпові́л. Я смотрі́л на Оксанку и плакал...

Оксанку тоже похоронили вот там, у той скалы, што з зубцами...

Чоловік, котрый пришол зомном из го-

рода, сказал всім сусідам:

— Товаришы, тому дівчатку не посчитилося видіти того чоловіка, и край, котры роблят всіх сліпых зрячими, всіх несчастных — счастливыми, но вы их скоро увидите...

Чоловік, котрый пришёл зомном из города, правду сказал, товариш красноармеец...

(М. Шмушкевич, "Юный Пионер").

ЯКУ-МАМА

Кто не жил в восточном Перу, тот не знает, каким добрым товаришем, сторожом и нянком для маленьких детей может быть страшный для европейца удав (дуситель Боа, огромный уж, гад, змій). У нас гады вызывают страх и омерзение. Даже на неškodливых ужей дакотры люди не могут смотреть без страха. Однако уже легко привыкают к чоловіку и освоюются, они приносят даже пользу в господарстві, нищат мышей.

В Южной Америкі, в долині ріки Амазонки, водятся змій, страшнішы от наших ужей. То огромны удавы, дусители. Тіло их досягат часами десять метров долготы. Дусители страшны для найсильнішых звірей. Дуситель кидается несподівано на свою жертву, обвивает её своим сильным мускулистым тілом, дусит её и полыкат цілу. Потом надолго западат в сон и тровит свою добычу.

Индийцы Южной Америки приучают молодых дусительов, освоюют их и там часто притрафляться, што тотта страшна потвора робится совсім ласкавом с чоловіком и выполняют роль домашнего найвірнійшого сторожового пса, стереже дітей от опасности, котрой не мало в джунглях, населенных разными дикими пажерными звірами.

Испанский писатель Кальдерона, котрый хорошо изучил быт и обычаи Перу, в одном из своих перувианских рассказов пишет:

"Искатель каучука отпраляючись в джунгли, оставил дома сімлітнього сына. Выходячи с хижины он долго кликал домашнего дусителя, но тот дримал в воді, перетровлюючи убитого вчера звіра, и не пришол на клики господаря. Не было што робити инше, лем треба было оставить сына самого. Чоловік, штобы потішити сына, оставил му пражених мурянок — любиме лакомство

жителей Перу, котрого смак подобный до английских освіжительных кваскуватых цукерков, — припер двери зо двора огромном тарчом черепахи и поскакал в джунгли.

Хлопцу скоро наскучило сидіти самому, и он почал голосно кричати:

— Яку-мама! Яку-мама!

Дословно то значит — "мати ріки". Так индияне называют дусительов.

Из ріки вынюрнула огромна ростворена пасть, ліниво зіваючи. Пятиметрове зеленувате тіло, ползучи, рушило ку берегу. Хлопец заплескал в долони от радости, што огромный звір явился на його зов, як домашний пес. Та ци дуситель — то не сторожевый пес и не слуга маленьких дикарей!

Дуситель пхнул двери и вошел до-хиж.

Хлопец скочил ку нему. Он любил засувати пястукы в пасть звірю и стрілами щекотати чешую. Потвора терпеливо зносила всьо от маленького тирана.

Дуситель схватил хлопчика на звитый хвост и подкинул до повалы. Хлопец завискал от радости.

В тот час в дверях дался чути шелест. Дуситель оставил дитину и замер, як сухе дерево. В дверях стоял ягуар (в роді тигра), готовый до скоку на хлопца. Дуситель, як спугана мама, заслонил своим тілом хлопца и борьба почалася. Уж кинулся на звіря и обвил го своим тілом... Потом — лужа черной крови...

Хлопец виділ всьо. Зо страхом он слідил за борьбом...

Вернувшийся отец отразу понял, што ту было. Спочатку он кинулся к дитині и, успокоивши, начал ласкати мертву голову друга дусителя, шепчучи:

— Яку-мама! Яку-мама!"

М. Турова.

Лейди служанкі: "Мари, виділа-м, што ты мой муж рано стискал. Што то має значити?"

— Може мі педу подвысшат.

О

Судья: — Вам, чоловіче, шкодит найбільше зле товариство, в котром ся обертате. Покиньте зле товариство.

Обвиненный: — Та я тепер бесідную найбільше с судьями и адвокатами...

О

ЛЕМНЫ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

До первой світової імперіалістичної війни лемки, як взагалі всі карпаторуссы спасалися от нужды в родном краю массовом эмиграциом в Сіверну Америку, головно в индустриальны Соединенны Штаты. Но коли послі війны иммиграция в США была сильно ограничена, карпаторусска эмиграция почала пробиватися в други краи Америки, головно в Канаду. Мимо всяких перешкод в Канаду почавше от 1925 року выіхало с Карпат около 10 тысяч переселен-

просили их помочи им достатися назад на свою родну землю. Мы знаме, як то тяжко жити и як легко пропасти в чужом краю, меж чужыми людьми, не знаючи их языка. Безсовістны южноамериканскы плантаторы выкорыстували таких страченных иммигрантов, примушали их тяжко працювати за лиху поживу в страшных условиях.

Но якоси читателі нашої газети выслали своим родным в Южну Америку пару н-ров "Лемка", потом предплатили пару родным и знакомым, так што нашы братья в Южной Америкі запозналися з нашою организаци-

цев, и если не было бы никаких ограничений, выіхало бы далеко больше.

Кромі США и Канады лемковска эмиграция почала пробиватися в Южну Америку — в Бразилию, Аргентину, Уругвай и други южно-американскы республики. О той нашої карпаторусской эмиграции в Южной Америкі мы дуже мало знаме, по той простой причині, што она рostrясена, неорганизована. Много из наших молодых людей там пропадо без висти от безработя, нужды, голода. Нам попадали в руки распачливы письма, котры нашы иммигранты из Южной Америки писали своим родным в США и

ом и ей роботом и пришли на то, што и им там такой народной культурно-просвітительной организации потребно.

Итак, познакомившись через нашу газету с организациом и довідавшись о собі, собралася их там перва группа лемков и основали такую организацию в Монтевидео, Уругвай и назвали "Товариство Лемко". На помещенной выше фотографии видиме тоту перву нашу народну организацию в Южной Америкі, основану в 1937-м року. При Товаристві Лемко основано драмкружок, котрый поставил на сцені пару наших народных штук с великим успіхом. Дальше, при

организации неграмотны учатся читати и писати, товариство старатся поширити газету и литературу Л. С. меж нашими иммигрантами в Южной Америкі. Наши страчены за долгий час люде починают находитися через такую свою организацию и помогати собі взаимно в житю. А притом учатся нового житя и борьбы за него в единстві с прогрессивными народными организациями Южной Америки. Наши братья порозуміли, што при своей народной организации жити в чужом краю лекше.

ІЖ И ЛИШКА

Змерком выходит іж на польовачку из своей норы. Он ловит мышей, хробаков, хрущов и змій. Так, іж не боится ужа и дуже зграбно розправляється з ним.

Но и сам іж находится в опасности, на него тоже полюют, особливо лишкы и совы дуже любят його смачне мясо. Але не так легко приходит им побідити колючого іжа, бо тот, коли замітит опасность, звиватся скоро в колючу кулю и стає неприступным для дзюба совы або писка лишкы. Хитра лишка радит собі з іжом так, што осторожно попыхат го лапком ку воді, ку річці або поточку, а потом попхне в воду. Хотячи спастися, іж ростігат свое тіло, а лишка в тот момент хватат го там, где не охраняют го колючкы...

Іж пожиточне звирятко. Он освоится и може заступити в домі кота. Где мают такого іжа в обыстю, там мышы не мают што робити.

— Сыну, сыну, коли ты мя уж раз будеш слухати? — нарікала мама.

— Як вы, мамо, будете няня слухати...

МУЖ: — Слухай-ле стара, так мы нияк не выйдеме, як ты будеш так грошы марніти. Та тобі мойой педы не выстарчат...

ЖЕНА: — Та кто-ж тому винен, як не ты? Чом веце не заробиш?

— Уж пятый день мя так зуб болит, што не ім и не сплю...

— Та чом не даш вырвати?

— Боюся, абы мя не боліло.

ГЛУПЫЙ ГРИЦ

(Народна сказка)

Пошел Гриц в ліс по дрова. Вышел на дерево, сіл на сук и почал рубати.

Иде цыган, тай кричит му:

— Смот, хлопе, упадеш!

— Ніт, не упаду.

— Одошел цыган, а Гриц дорубал сук и упал.

“Но видите, — подумал он, — цыган всьо знае. Догоню я го и звідам, як мойой сестрі имено”.

Догнал он цыгана и гварит:

— Повіч мі, цыгане, як мойой сестрі Марті имено?

— Та Марта...

Зачудувался Гриц.

— А повіч, кельо я мам братов?

— А якы они великы? — звідує цыган.

— Михал скоро женится, а Фецко в тоту зиму до школы почал ходити, а Ваньцьо ище в колыскі лежит.

— Та у тебе три браты.

Ище веце зачудувался Гриц.

— Та ци ты не чаровник, цыгане, што вшитко знаш?

Засміялся цыган:

— Правда, што чаровник, — и пошел дальше.

— Мой муж, як приде осін и зима, все так кашле, што не можу вытримати...

— Та не робите нич против тому?

— Выїду на зиму до Флориды.

Мама: — Не тягний кота за хват!

Сынок: — Я го не тягну, я тримам, а он сам тягне...

— На што образы мают рамы?

— Абы маляр знал, где перестати малювати.

— Што ты там старый глядаш потемку?

— Мечку...

— Та чом собі лампу не засвітиш?

Муж ест такой старый, як выглядат пред голіньом и мытьом. А жена ест така стара, як выглядат по умыттю.

МАКОВИЦКЫ ДІВЧАТА

Маковица — народна назва чисто карпатурской-лемковской території Бардиовського, Свидницького и Стропковського окресов в Пряшевській Русі, котра граничить з галицком Лемковщином Горлицького, Ясель-

гинальну народну одєжу и одіватся уж во фабричу, Маковица стоить и ту завзято при своїй одєжі, особливо дівчата. Маковицкы дівчата не можуть привыкнути до містєцкой моды.

АННА ЗАВАДА и МАРИЯ СКІРКАНИЧ

ського и западної часті Сяноцького повітов.

Маковичане — стойкий и завзятий народ в обороні своїй національности.

Маковица вєла завзяту боротьбу против католицизма и мадыаризации школы и церкви в часі минувшой імпералистичной войны, коли то мадыарське правительство хотіло насильно омадыаршити націоналы меньшинства, особливо карпатурске національне меньшинство. В той роботі помагало мадыарським панам омадыаршенє духовенство и учительство, через церков и школу. Но простый

народ оперся насильной мадыаризации школы и церкви и почал завзяту боротьбу против мадыарського духовенства и учительства в обороні своїй національности.

Маковицкий народ — то тоты самы лемкы, што по галицкой стороні штучной границы, тота сама народна бесіда, обычаи, рижняты лем дакус народном одєжом. Интересно, што коли наш народ по других околицях в краю в послідных часах занєдбує свою ори-

Маковицкы дівчата одіватся так, як тоты дві нашы крайкы на той фотографії. Тоты нашы крайкы, родом из Юрковой Волі, шарішської столицы, называються Анна Завада и Мария Скірканич. Приїхали в Америку два роки тому назад и жиють в Клифтон, Н. Дж. Принесли зо собою в Америку и свою народу старокрайову одєжу, видно, што не могли легко росстатися з нєм.

Обі належат до Пассайського хора и Аматорського кружка при Л. С. в Пассайку.

Родиче их жиють в краю, в Юрковой Волі,

но у Анны остался лем отец. Мати померла при родах, коли Анні было залєдво 24 годин.

Як их маковицкы товаришкы в краю, так и они ту в Америці все весєлы, живы, скромны и працюєты.

— Чом вы кланяєтєся так тому шоферу?

— Усмертнил мого найбільшого ворога, што-м му был должен пару соток.

КАРПАТОРУССКА СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РОБОЧОГО ОРДЕНА — СИМВОЛ СОЛИДАРНОСТИ РОБОЧЫХ В АМЕРИКИ

Многы читателі Лемко календаря уже знают, што собою представляет Международный Робочий Орден, в котром, начинаючи с 1-го августа, 1940р., начала существовать самостоятельна Карпаторусска Секция. Для тех, кто ище мало знает о хосновитой роботі Орден, думаеме написати сих пару рядков, штобы таким образом познакомити их с программой Орден, и тым придбати их за членов Орден, в котром каждый оден робочий найдет своего ближайшого приятеля, советника и помощника в случае нужды.

Международный Робочий Орден является братско-запомоговою робочою организацией. Сия робоча запомогова организация родилася всего 10 літ тому назад, 30 марта, 1930 рока. Днесь в Ордені нараховується 165,000 членов. С появлением Орден в Америкі было положено начало прогрессивному братско-запомоговому житю. Под прогрессивизмом Ордена подроуміваеме то, што в программу Ордена вошел не фальшивый патриотизм, што мы види-

ме у большинства карпаторусских запомоговых организаций, котры под покрышкою "русскости" обманюют народ, но слідуоча программа:

1. Борьба за социальные обезпечение американского народа посредством законодательства и братской взаимопомощи.

2. Доступное для всіх и дешевое обезпечение на случай смерти и хвороты.

3. Подвышение добробыта народа посредством кооперации с организованными работниками и другими такими организациями, котры борются за робочы интєресы.

4. Просвіщение робочых о правах и их обязанностях.

5. Обучение народа правдивому американизму и понятия принципов демократии и свободы, котры суть сформованы в Американской Конституции и в "Билль оф Райтс".

Благодаря вышеприведенной программі Орден, котрый только 10 літ тому назад побачил світ, днесь объединяет в своих

Делегаты Карпаторусской Секции на 5-ом Съезде Орден, на Світовой Выставкѣ от 9 до 14 юня, 1940.

Сидят (из права на ліво): Павел Товт, Мононгагела, Па.; Мария Кинь, Колдейл, Па.; А. Рушак, Филадельфия, Па.; М. Катунак, Бинггтон, Н. Й.; Ст. Гумецкий, Карнеги, Па.; А. Коннчук, Колдейл, Па.; А. Лабик, Клевеланд, О.; И. Адамьяк, Бруклин, Н. Й.

Стоять: М. Логойда, Нью Йорк, Н. Й.; А. Кетц, Пассайк, Н. Дж.; П. Гузлей, Бруклин, Н. Й.; И. Кривоняк, Клевеланд, О.; И. Стуцка, Елизабет, Н. Дж.; Е. Бетлей, Нью Йорк, Н. Й.; М. Дуфинец, Ембридж, Па.

рядах 165 тысяч членов. Сей великий рост Ордена был зроблений за той час, коли карпаторусскы запомоговы организации тысячами тратили своих членов из-за своей діяльности. Тоді, коли "Грекокатолическое Соединение", котре на своей конвенции 1940 р. выкинуло слово "карпаторусский", утратило 60 тысяч членов за послідных 10 літ, коли Православное Соединение только за 1939 рок утратило выше 900 членов, а Общество Русских Братств до 6,000 членов, Международный Робочий Орден придбал 165 тысяч членов.

ШТО ЕСТЬ ПРИЧИНОЮ ТАКОГО ОГРОМНОГО РОСТА ОРДЕНА

Всі ті организации, котры утратили членов, звалюют вину на кризис, котрый шаліл над американским континентом с 1930 року аж по 1934р. Однако той факт, што Международный Робочий Орден, котрый родился в кризисі и за час кризы придбал 165,000 членов, розбиват таке оправдание и показывает на правдиву причину ухода членов от карпаторусских запомоговых организаций, котры служат корытом для дакотрых фальшивых патриотов, што боятся труда.

Днесь много карпаторусских людей гордится своим членством в Ордені, бо 10 літнее существование Ордена открыло многим нашим людям очы, штобы ясно виділи, што обовязком одной запомоговой организации является не только брати от членов што місяця потом и мозолями зароблены членскы взносы, штобы таким образом забезпечити легке житя кучкы урядников, но вести борьбу за то, штобы робочы Америки, котры составляют 99% членского состава любой запомоговой организации, мали роботу, штобы робочы сей краины были спасены от непевной будущности, штобы діти робочых могли посіщати школы, штобы тым, котры не мают работы, правительство давало або роботу, або таку подпору, яка бы могла забезпечити работнику человеке житя, штобы боротися за тым, штобы жилищный вопрос Америки был рішений так, штобы не было такого дома в Америкі, котрый бы был без електрикы, без газу,

без воды. З огляду на то, што Орден борется за вышеприведену программу, (бо Орден все держал своим обовязком заступитися за демократию и права робочых), Орден вырос за 10 літ на одну из наибольшых запомоговых организаций Америки. Не дивно, што Международный Робочий Орден має много ворогов, котрых мы находиме меже найчорнійшой реакцией, меже врагами робочых. Орден и его программу страшно не любят панскы слугы, фашистскы авантюриники, котры бы люббили запровадити в Америкі панство фашизма над робочыми, стерти демократию. Однако чым больше нападают на Орден всякы слугы Гитлера, тым больше и тіснійше скуплюются около него робочы.

Красный Комитет Карпаторусской Секции Ордена. Стоять: М. Логойда и В. Саламак. Сидят: П. Гузлей, А. Кец, и М. Лайчак.

ИЗ ЧОГО СКЛАДАТСЯ ОРДЕН

В 1940 року Орден складался из 12 нагродностных секций. Приводиме ті Секции по величині членства: американска, еврейска, русска, украинска, словацка, мадьярска, польска, итальянска, карпаторусска, румынска, сербска и испанска.

Каждого одного из нас ище в молодости учили, што в единстві силэ. Орден

является того найкрасшим доказом. Орден является також одним из найкрасших приміров робочого братства, о котром нам только снилося. В краю нас учили ненавидіти оден другого, и як псов, всяки пански слуги тровили нас оден против другого, мадьяра против русского, поляка против украинца, серба против хорвата. А тут вам примір! Поляк идет рука в руці с русским, украинцем. Наш карпаторусс идет рука в руці с мадьяром, бо каждый из нас отчувает то, што мы сами не зможеме помочи собі, а в едности з другими роботниками зможеме. Сознательны робочы мадьяре с однаковой силой ненавидят Гортія, як и карпаторуссы. Тому Международный Робочий Орден многими робо-

**Делегаты Отділов Карпаторусской Секции
Питтсбургщины на Окружном Съїзді
в Питтсбурзі в осени 1939.**

чими называется "символом единства робочых". Сего единства робочых найбільше бояться паны, бо такое единство означат конец знущания над робочыми, такое единство в практиці означат полное освобождение робочых от гнета панующых. Тому Международный Робочий Орден прозывают всякими именами. Паны знают то, што несвідомого робочого легко отстрашити, бо несвідомый человек боится своей тени.

Всі вышеприведены секции в правлении Ордена мають равне слово. Каждая Секция Ордена має своего представителя в центральном уряді. Орден наилучше рішил

народностну проблему, бо всім секциям Ордена дал полную автономію, полную свободу дійствий. То значит, што русскы пишут и ведут администрацію на русском, мадьяре на мадьярском, словакы на словацком языках. Не дивлячися на страшны напады со стороны реакции на Орден, за послідны 8 літ из межи всіх 209 запомоговых организаций Америки, Орден вырос найбільше из всіх американских братских организаций.

ОРДЕН БЕСПЕЧНЫЙ И КРІПКИЙ

Международный Робочий Орден має лайснис в 19 штатах Америки. То означет, што стейтовы власти в 18 штатах дали Ордену полне право и законну зашиту для ведения бизнесу. За десять літ своего существования Орден выплатил своим членам больше як 4 миллионы долларов в формі смертной, хворой подпор и людям хворым на сухоты и скалічившимся. Только за 1939 року Орден выплатил 800,000 долларов своим членам. Было многими примірами доказано, што Орден скорше всіх других запомоговых организаций спішит на помощь в біду попавшим своим членам и найскорше выплачет запомогу.

Помощь Ордена своим членам не ограничуется только выплатою всяких подпор. Освідомление робочых о их правах и борьба за социальне обеспечение, в великой мірі дополняют материальну помощь, котру выплачет Орден. В великих місцевостях Орден має свои медичны центры, завдяки котрым просты робочы мають доступ к специалистам докторам за доступны цны.

В Америкі находится 209 запомоговых организаций, котры признаны правительством и находятся под прямым доглядом иншуренсовых властей. Из межи всіх 209 запомоговых организаций наш Международный Робочий Орден занимает 2 місто по солвентности. По статистиці от 1929 року Международный Робочий Орден был на 140 процентов солвентный. То значит, што резервы Ордена были 40 процентами выше от того, што вымагают американски иншуренцовы законы. Резервы Ордена в

апрілю 1940р. вынесли \$1,620,000.

Резервы Ордена инвестованы беспечно. Только \$300,000 инвестовано в недвижимо-стях, а остальна сума находится в стейтовых, городских або федеральных бондах. Сии бонды приносят Ордену до 5½% доходу рочно. Тому Орден только в том случае может попасться до финансовых трудностей, если бы получился за-гальный крах всей Америки.

КТО МОЖЕТ СТАТИСЯ ЧЛЕНОМ ОРДЕНА

Точка 89 статуту Ордена голосит сліду-юще: "Членом Ордена може статися каждая особа, доброго здоровья, здорового ума, котра провадит моральне житя, у віці от 16 до 60 літ от роду, независимо от национальности, віры, пола, расы, цвіта ко-жи или политических убіждений". Из при-веденного видно, што вся та брехня о том, што Орден коммунистичный, выдум-ка врагов Ордена, бо як из вышеприве-денной точки каждый замітит, што чле-ном Ордена может статися каждый здо-ровый чоловік, всякого политичного пере-реконания, всякой віры. До Ордену при-нимают також дітей до 16 літнего віку, в дітску секцію Ордена. Каждая одна дитина в Ордені одержует не только обезпечение на случай несчастья, но також науку о том, штобы выроснувши, діти не стыдались своих родичов-работников, но штобы сталися загартованными борцами за ро-бочы права и за демократію. В каждом одном отділі Ордена на діточу активність звертається специальна увага под догля-дом специалистов-инструкторов.

КАРПАТОРУССКА СЕКЦИЯ ОРДЕНА

До августа 1939 р. в Международном Робочом Ордені не было Карпаторусской Секции. Наш народ находился розкидан-ным по другим Секциям Ордена. В 1939 року, с 1-го августа, в Ордені начала су-ществовать самостоятельна Карпаторусска Секция, котра имеет полную свободу автоно-мию для ведения культурно-освітней ро-боты, кромі той, яку она провадит в ділі забезпечения членов Секции.

За послідный рок Карпаторусска Секция Ордена выросла скоро на 1500 членов, так што в декабрі 1940р. в Карпаторусской Секции нараховувалося больше як 3000 членов. Отділы Карпаторусской Секции пороскиданы по всім закуткам Америки, начинаючи от Чикаго через Детройт, Кле-веланд, Питтсбург, Скрантон, Филадель-фию, аж по Нью Йорк и Нью Джерзи. В каждом одном місточку, где находится от-діл Карпаторусской Секции Ордена, наш народ начинат жити новым культурным житьем, бо члены отділов Карпаторусской Секции получают науку о том, як мають

Діточа Оркестра Карпаторусского Отділа в Пассайк, Н. Дж., котра выступала на Світо-вой Выставці в Нью Йорку под час Съезда Ордена.

боротися за краше житя. По всім плейзам, где находятся отділы Карпаторусской Се-кции Ордена, ведся культурна работа, какой ище наш народ не виділ. Карпаторус-ска Секция Ордена борется за освобож-дение нашего народа, находящегося под гнетом фашистских горлорізов в краю. Мы боремеся за свободу нашего народа так тут в Америкі, як и в краю. Для осягне-ния сей цілі карпаторусский народ имеет поддержку 165 тысячного членства Ордена.

ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ КАРПАТОРУС-СКОЙ СЕКЦИИ ОРДЕНА — КРІПИТЕ ФРОНТ МИРА!

Межи карпаторусским народом в Аме-рикі ніт панов. Мы всі работники, майне-

ры, фермеры або малы бизнесмены. Всі мы старамеся забезпечити не тільки самих себе, но нашу цілу фамелію. Обезпечуємося на случай нещастя и тому шукаємо за подходящим забезпеченієм, бо жиємо в таком світі, в котром сами маємо старатися о собі. Тому перед нами вопрос не в том, "чи хочу я себе забезпечити", але в том, "яке забезпеченіє отповідат мойой кешені"?

Делегаты Карпаторусской Секции на Окружном Съезде в Клевланді.

Карпаторусска Секция Ордена має як раз таке забезпеченіє, яке ви шукаєте и котре сходится с вашими можливостями его оплачувати. Робочий Орден основано спеціально для того, шобы робітники могли забезпечити себе и их фамелію на случай смерти и хвороты.

Робочий Орден може дати вам найлучше забезпеченіє за найнишу ціну, бо Орден не является приватной компанією, для профита, но братской робочой заповоговой організацією. Орден не только заповогова організація, но прогрессивна робоча сила, большинство членов котрой берут участь в боротьбі за социальное забезпеченіє, за мир и демократію.

Орден является найскорше растущою організацією в Америці. Орден робоча організація, она принадлежит своим членам, она вам дасть найдоступнійший иншуренц, тому вступайте в ряды ОРДЕНА.

Членом может статися каждый чоловік от 16 до 60 літ. Орден виплачує крім смертних подпор и хворы подпоры своим членам в суммі от 4 до 10 дол. Члены Ордена в случаю хвороты на сухоты получают 600 дол. одноразовой подпоры або по 20 за 30 неділь.

Орден является чисто американской заповоговой організацією и має лайснис в 19 штатах Америки. Из того выходит, што Орден находится под прямым доглядом иншуренцовых властей каждого штата. Слово "международный" употребляется тому, бо в Ордені находится 14 разных народностей. Членами Ордена могут статися так американскы граждане (ситизены) як и не-граждане. В Ордені каждый робітник найдет своего найкращого помощника в біді и своего найщирійшого приятеля. Коли хочете чувствовати себе беспечны, коли хочете поддерживать свою народность и робочу справу, станте членом Карпаторусской Секции Ордена. От вам один взорец, як ціла фамелія в Ордені может забезпечитися за 2 дол. и 82 центы. Иван Рыбаль, 39 рочный, забезпеченый на 1000 дол. смертного и 8 дол. тыжневой хворой подпоры, што включает в собі право на получение по 20 дол. за 30 неділь в случаю хвороты на сухоты и 400 дол. в случаю скалічення, платит в місяц 1 дол. и 48 цен. Його жена Мария 38р., маюча 500 смертной подпоры и право на сухотну подпору, платит 47 цен. в місяц. И дочка Анна, 18 рочна, маюча 250 дол. смертной подпоры и 6 дол. тыжневой подпоры, платит місячно 72 центы. Их найменший сын Михаил, 8 рочный, має 250 дол. смертной подпоры за 15 центов в місяц, так што фамелія Рыбаря забезпечена за 2.82 в місяц. Вступайте в Карпаторусску Секцію Ордена! За всякой информацией пишите на слідуючий адрес:

**INTERNATIONAL
Workers Order, Inc.
80 FIFTH, AVENUE
NEW YORK, N.Y.**

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

ЕДВАРД БИСКУП

THE LATEST HATS ARE HERE

This Year we also assure you, we have a large assortment of Light, Medium and Regular Weights, all Shades, they are not only of Exceptional Value but complete in every detail.

EDWARD BISKUP

CUSTOM HATTER

ALL HAND FINISHED, FINE FUR
FELT HATS

NO CHANGE IN PRICES. STILL \$3.00

992 N. SECOND Street, (Corner Wildey St)
We have a modern hat **RENOVATING** service plant.
PHILADELPHIA, PA.

Phone: Ambridge 731

M.C. DROZ

WALL-PAPER—PAINTS—GLASS

House and Sign Painting, Paper-hanging
Picture Framing, etc.

FOURTH & MERCHANT STS.
AMBRIDGE, PA.

Phone: Ambridge 1109-J.

SAM'S SHOE SERVICE

WINNER of GRAND NATIONAL SILVER CUP
Beaver Valley's Most Complete

SHOE SERVICE

NO JOB TOO SMALL — NONE TOO BIG
Первый прайз в Соед. Штатах — получил
за напаву обува.

5TH & DUSS AVE., AMBRIDGE, PA.

VALLEY RACKET STORE

PAINTS & WALL PAPER

Household Utensils

PLUMBING and HEATING

Свой до своего!

313 SCHOONMAKER AVE.
MONESSEN, PA.

Tel. Mar. 0476

POPLAR CAFE

DANIEL HUMECKI, Prop.

CHOICE WINES and LIQUORS
Fine Home Cooked Meals

Крайне до краяна!

N. E. Cor. 4th & POPLAR STS.
PHILADELPHIA, PA.

J. R. CHECK'S

SLAVJANSKY POHREBNIK

AND

Furniture Store

Удавайтесь до краяна!

370 DONNES AVE., MONESSEN, PA.

Phone: 918

MONESSEN WALL PAPER & PAINT SUPPLY

CHARLES KURLAK, Prop.

— O —

В ПОТРЕБИ УДАВАЙТЕСЯ
до своего краяна!

415 SCHOONMAKER AVE.
MONESSEN, PA.

N. M'S BAR & GRILLALL KINDS of WINES, LIQUORS
& BEERS

НИКОЛАЙ ПРОНЬКО, Власт.

Light Lunches & Sandwiches

Коли хочете дашто выпити и смачно закусити,
то заходте до коршмы свого краяна,
а добри Бає погостит.

202 GRANT STREET.

Concord Bldg., OLYPHANT, PA.

Phone: 1039

**JOHN W. TURKO
UNDERTAKERS**

Funeral House

ИВАН В. ТУРКО

Всім знаний нам Лемко-Погребник. Дає добру
а честну обслугу. Вынанимат автомобили.
Удавайтесь до свого краяна!

317 WILLOW AVE., OLYPHANT, PA.

Phone: 4-5960

MANHATTAN RESTAURANT

A. J. OMELUK, Prop.

CHOICE FOOD, LIQUORS, WINES & BEER

Краєне!

Свой до свого!

37 MANHATTAN ST., STAMFORD, CONN.

Phone: 3-3241

**KESNICK'S
LIQUOR STORE****BEER - WINES - LIQUORS**

IMPORTED and DOMESTIC

A Complete Line of
Russian and Polish Imported
CORDIALS & VODKAS

Free Delivery

734 SO. PACIFIC ST., STAMFORD, CONN.

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯТовар первой кляссы,
Гросерия и колбасы.
Свіжы мяса и ярины,
Привозят му што години.
Добри важит и рахуе,
А кто приде, не жалуе.**JOHN DUDRA, Prop.**

604 CENTER AVE., LOCK № 4, PA.

НАИБОЛЬША И НАЙКРАСША**ГОСТИНИЦА**Где можете достати найлучшы пива, водкы и добры
закуску. Кто што захоче, у нас достанете
и добре зайти, бо то на контрах.
Добра и честна обслуга!

ЧЛЕН Л. С. и К. Р. А. ЦЕНТРА

JOHN GURNIK, Prop.

R. D. I.

CHARLEROI, PA.

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯЗавсе свіжы товары — мяса, колбасы, ярина
и фрукты. Честна и приятельска обслуга.
Заходте до краяна! — Член Л. С.
и К. Р. А. Центра.**JOHN RENCHKOWSKY, Prop.**

1113 CREST AVE., CHARLEROI, PA.

Phone: 3411

EAT

Pure Rye Bread & Pastries
Baked by the**NESQUEHONING BAKING CO.**Здоровый и найліпший хліб
Ордеруйте из нашей пекарни.

114 W. CATAWISSA ST,

NESQUEHONING, PA.

PHONE: PASSAIC 2-2677

ПЕРВОРЯДНА ГРОСЕРНЯ И БУЧЕРНЯ

ОСИФА МОНЧАКА

До Осифа, до Мончака
Идут люди из далека,
Не лем русскы, а и чужы,
Бо всі знают, же обслужит,
Ци мало, великого
Однаково справедливо,
Честно, скоро, што аж мило...
Єст у него свіже мясо.
И то все, не лем так "часом",
Ци Вам треба из "бучерні",
Вшитко там достанете
И так, што не пожалуете!

JOSEPH MONCHAK

GROCERY & MEAT MARKET

112 VAN RIPER AVE., CLIFTON, N. J.

*

PHONE: PASSAIC 2-5521

QUALITY!

SERVICE!

SATISFACTION!

Найліпшы меблі, рефрижерейторы, машини до
прання и до шиття, комбінацийны печкы на уголь
и гез, — олейовы печкы до паленя и огріваня,
карпеты, лінолеум и всьо потребне для
выгоды в домі. Продається у нас деше-
во и на легкы сплаты.

PULASKI FURNITURE CO.

STEPHEN MYSLINSKI, Prop.

108 MARKET ST. PASSAIC, N. J.

* *
*

PHONE: 2-8728

ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

МИХАИЛА МАСЛЕЯ

Треба, знате, Вам повісти,
Як хочете смачно їсти,
Же в Маслея мясо свіже,
Велький фалат Вам отріже.
Яйка, сыр, масло, колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всього шире Вам наважит
А и честно Вас обслужит.

MICHAEL MASLEY

GROCERY & MEAT MARKET

322 HOPE AVE., CLIFTON, N. J.

*

PHONE: PASSAIC 2-0733

КОМПЛИМЕНТ

ОТ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

В ПАССАЙКУ

ВЕЛИКА ГАЛЯ

для
Представлений—Балев

Вынанимаме также на весіля-банкеты и всякы
другы забавы по приступной ціні.
Крайне подтримуйте свои народны дома
и институции.

Свой до своего!

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

159 FOURTH ST. PASSAIC, N. J.

* *
*

Phone: LA. 9619

CHRIS' BAR BEER GARDEN

BEER - WINES - LIQUORS

SPECIALIZE IN ROAST BEEF SANDWICHES

6439 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.

2 blocks West of Livernois

КРАЙНЕ! Коли має спрагу, и хочете
выпити або смачно перекусити, то заходте
до свого краяна, где достанете добру
и честну обслугу.

* *
*

HARRY W. SMITH

FORD DEALER

General Repairing — Electric Welding

Tires, Tubes & Accessories

В потребі купуйте у свого!

MAIN ST., RICHFIELD SPRINGS, N. Y.

*

REgent 4-9537

MEMORIAL FLORIST

THOMAS DUNIAS, Prop.

WEDDING DECORATIONS
and FLORAL DESIGNS

Fresh Cut Flowers Every Day

В потребі удавайтесь до свого!

1268 FIRST AVE.

Cor. 68th Street

NEW YORK, N. Y.

TEL. NEPPERHAN 1206

PRIVATE INSTRUCTIONS

Alfidi Accordion Academy

WESTCHESTER LARGEST ACCORDION
SCHOOL

Accordions Sold, Rented, Repaired.

SPECIALIZE IN ALL TYPE of MUSIC

15 PALISADE AVE.

YONKERS, N. Y.

Cretaro's Live Poultry Market

PETER CRETARO, Prop.

MARKET С КУПАМИ

Куры здоровы, тлусты, а не дороги.

Купуйте у нас, а переконатесь.

21 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

*

Phone: EL. 3-4444

PUBLIC RADIO

WE CARRY A COMPLETE LINE OF
RADIOS, REFRIGERATORS, FURNITURE

Repairs on Radios as low as 75c.

All Work Guaranteed

1165 E. JERSEY ST.

ELIZABETH, N. J.

PHONE: PASSAIC 3-2046

RUDY'S BAKERY

Orders taken for
PARTIES, PICNICS, ETC.

ПЕРВОКЛАСНА ПЕКАРНЯ

Завсе достанете свіжы печива: житный хліб,
ролсы, кейкы и проч. — Доставлят ордери
на організаційны забавы.
Заходте до пекарни, а сами переконатесь.

Услуга перwokлассна.

Наш крайн и член Лемко-Союза.

389 LEXINGTON AVE., CLIFTON, N. J.

* *
*

CHICKEN MARKET

PHIL WEISS, Prop.

Продаеме живы куры на заріз.
Куры молоды и тлусты.
Просто с фармы.

216 PARKER AVE., CLIFTON, N. J.

Tel. Little Falls 4-0626

PANCO DAIRY CO., Inc.

DEALERS IN

GRADE "A" MILK and CREAM

FROM TUBERCULIN TESTED HERD

Русский фермер доставлят молоко, як до штеру,
так и до приватных домов

JACKSON LAKE W. PATERSON, N. J.

*

PHONE: PASSAIC 2-8782

ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

ЗАХАРІЯ МЕРЕНЬ

В шторі Мерены, крайна,
Як в полудне, в вечер, рано,
Товар мате першу кляссу,
Гросерию и колбасы.
Свіжы мяса и ярины
Привозят там каждой днины,
Бо Мерена бизнес знае,
И старого не продае.

ZACHARY MERENA

BEST MEATS and GROCERIES

127 ACKERMAN AVE., CLIFTON, N. J.

* *
*

Phone: PAssaic 2-4990

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

СИМЕОНА БАСАЛЫГЫ

На корнері Центрер стриты,
Красный штор, ест што видіти!
Свіжий товар першой кляссы
Гросерия и колбасы.

GROCERY & MEAT MARKET

74 CENTER ST., CLIFTON, N. J.

Phone: PAssaic 2-6543

SELOFF BROS., Inc.

MEN'S PANTS and OVERALLS

GENT'S FURNISHINGS & SPORTSWEAR

135 MARKET ST.
PASSAIC, N. J.

*

AMERICAN CLOTHES, Inc.
MEN'S & BOY'S CLOTHING
SUITS, TOPCOATS,
OVERCOATS

Phone: PAss. 2-2106 Journal Square 2-4090
 Factory and Sales Room Branch Store
 251-255 Clifton Ave., 310 Hudson Blvd.
 CLIFTON, N. J. JERSEY CITY, N. J.

Домашня кухня, где достанете завсе свіже
 и смачне як в. дома, а недорого

MARKET RESTAURANT
HOME COOKING
GOOD MEALS — REASONABLE PRICES
J. MAKSYMIEZ

163 MARKET ST., PASSAIC, N. J.

Phone: PAss. 2-7882

COMPLIMENTS OF
TOWN RESTAURANT

HOME COOKING — EXCELLENT FOOD

Добрий приятель "Карпатской Руси". Як хочете
 смачно поїсти, то заходте до свого приятеля

A. W. BRYLA

169 PASSAIC ST. PASSAIC, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦА

СТЕФАНА ВОЛЧКО

Где Русскы ся люде сходят,
 Часом чужих тыж приводят.
 В приятельстві попивают,
 И по русскы сой співають.

STEPHEN WOLCHKO, Prop.

159 — 3rd STREET, PASSAIC, N. J.

*

Telephone:
 PAssaic
 2-10048
 2-10049

H. BAKER MILK CO., Inc.

MILK and MILK PRODUCTS

Молочны продукты потребны
 для здоровья человека.

2 E. MONROE ST. PASSAIC, N. J.

Tel. PAssaic 2-7462

J. KOVALCIK, Prop.

GROCERIES and MEAT MARKET
COFFEE, TEA, BUTTER, EGGS, ETC.

Завсе свіжы мяса и гросерия.

Свой до своего!

139 RAY STREET, GARFIELD, N. J.

Phone: PAssaic 2-1545

ALBERT P. BARTHOLD

COAL and COKE

Маме найліпшы угля на складі.
 Ордеруйте от нас!

465 RIVER ROAD, GARFIELD, N. J.

Call PAssaic 2-6336

GEORGE WAGDA, Prop.

WHOLESALE MEATS

СВІЖЫ МЯСА

204 LUDDINGTON AVE., CLIFTON, N. J.

*

Rhineland 4-4707
2075

J. SCHWARTZ, M. D. D. D. S.

H. SCHWARTZ, M. D. D. D. S.

PHYSICIANS and DENTISTS

Русский Доктор и Дентист

200 EAST 67th ST., NEW YORK, N. Y.

*

Phone: BUTterfield 8-9833

JOSEPH J. STOLBA

LICENSED FUNERAL DIRECTOR

Лайсенсованный Погребник

Первоклассна услуга!

NOTARY PUBLIC

1369 FIRST AVE., NEW YORK, N. Y.

Phone: BUTterfield 8-0100
8-0177

POUST WINE & LIQUOR CO.

CHOICE WINES & LIQUORS
IMPORTED and DOMESTIC

Special Prices on Case Lots

Prompt Deliveries

Склад наилучших Вин и Ликеров

1375 FIRST AVE.

Cor. 74th St. NEW YORK, N. J.

BEER GARDEN

Завсе свіже пиво, виска
и смачны закускы.

Гей краине, памятайте,
Все до свого загощайте,
А он радо Вам услужит,
Што лем кому ліпше пужит.

ГРИГОРИЙ КЛИЩ

R. D. I. ROUTE 28

R. D. I. Route 28, Richfield Spring, N. Y.

TELEPHONE: HAVEMEYER 8-0110

Monument Works

ДИМИТРИЙ ЛАЖУТА

Член 3059 Отділа ИРО

Выделяет памятники по очень доступным
ценам. В потребности желающих,
прошу обращаться по адресу:

Dimitri Lazuta

59-38 57 DRIVE

MASPETH, N. Y.

* *
*

Telephone: 235

The Old Mill Feed Store

STEVE SVOTA, Prop.

FEED—FERTILIZER—SEED—GRINDING

Свой до своего!

Купуйте у свого краина!

RICHFIELD SPRINGS, N. Y.

OLD MILSTONE TAVERN

ALEXANDER FILAK, Prop.

A GOOD PLACE TO STOP

Краине! Коли переїзжате поблизко,
не забудьте вступити до свого
сусіда.

R. F. D. 2. RICHFIELD SPRINGS, N. Y.

PHONE: ELIZABETH 2-6753

Гей краяне, свой до свого!

ДО

БИЛИЦЫ И ГРУБОГО!

Там Вам дадут свіжы мяса,
Гросерию и колбасы.
Добру раду и услугу —
Не достанете у других.
Костюмеры о том знают,
Зато радо в нас витают.
Заходите и Вы до крайнов:

NICK BROTHERS**GROCERY & BUTCHER STORE**

156 FIRST ST. ELIZABETH, N. J.

* *
*

Telephone: WA. 3-9846

COMPLIMENTS OF

LIBERTY TAVERN

BOWLING ALLEYS

JOHN F. CONNELLY, Prop.

48 Public Service Bus Stops at the Door

1390 LIBERTY AVENUE
HILLSIDE, N. J.

SHOP AT

BLAKESBERG'S

DRY GOODS — SHOES

and

HOUSE FURNISHINGS

Купуйте у нас, што вам потреба!

1321 LIBERTY AVE.

Near Long Ave.

HILLSIDE, N. J.

WAVERLY 3-0659

ДВА РУССКЫ ЛИКЕР ШТОРЫ

SHARKO'S LIQUOR STORE

1317 LIBERTY AVE.

Below Long & Liberty Aves.
HILLSIDE, N. J.

ALSO

MARKET 2-9693

FERRY WINE & LIQUOR STORE

MIKE SHARKO and EMIL SAWCHUK, Prop.

Выполняме ордеры на весіля, забавы и проч.
Довеземе вам бесплатно

158 FERRY ST. NEWARK, N. J.

* *
*

PHONE: UN. 2-3047

Cash Meat Market

CHOICE MEATS, GROCERIES and PROVISIONS

Гросерия и Бучерня, где достанете завсе свіжы
мяса и гросерию, а заплатите недорого.

Заходите до нас!

STEVE ZATKO, Prop

312 HILLSIDE AVE. HILLSIDE, N. J.

* *
*

PHONE: NEPPERHAN 5234

Карпаторусский - Американский

— Центр —

RESTAURANT & BAR

DINING and DANCING

FOOD PREPARED IN TEMPTING RUSSIAN STYLE

Beer served ————— direct from the wood

NEWEST ATTRACTION:

Our lovely upstairs hall. — Serviceable for all occasions!

КАРПАТОРУССКИЙ РЕСТОРАН

В КАРПАТОРУССКОМ АМЕРИКАНСКОМ ЦЕНТРЕ ОТКРЫТЫЙ
ВСЕГДА ДЛЯ ГОСТЕЙ.

В РЕСТОРАНИ К. А. Центра встретите всегда своих краянов и знакомых, и приятно проведете свободный час.

Удобный доїзд со всіх сторон, бо НАРОДНА БУДОВА Карпаторусского Американского Центра положена при Юнкерс евно коло самой Кросс-Кавнти Ровт, по котрой иде головный трафик из Пенн-сильвании и Нью Джерзи в Коннектикут.

CARPATHO RUSSIAN AMERICAN CENTER

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

TEL. NEPPERHAN 544

ИВАН МАЛЮТИЧ

В шторі Малютіча Івана,
В полудне, в вечер и зрана
Свіжий товар достанете,
Николы не пожалуете!
Он наш крайн из села Ріпок,
Всьо продає на ужиток!

*

JOHN MALUTICH
GROCERIES & DELICATESSEN

ALSO

ICE CREAM, SODA, CIGARS and CIGARETTES

131 YONKERS AVE.

YONKERS, N. Y.

TEL. YONKERS 5703 J.

ПРИВІТ ОТ

КРАЯНА

ВЛАДИМИРА ГОНЧАРИК

КРАЯНЕ ДО КРАЯНА!

СВОЙ ДО СВОГО!

*

WL. HONCHARYK
GROCERY & MEAT MARKET

ALSO

BOTTLED BEER, SODAS & CIGARETTES

46 BENNETT AVE.

YONKERS, N. Y.

PHONE: NEPPERHAN 7134

COMPLIMENTS OF

Woodsworth Restaurant

Where Good Fellows Get Together

FINEST FOODS—WINES—LIQUORS

*

СВОЙ ДО СВОГО!

КРАЯНЕ! Коли хочете смачно поїсти, а при том
и выпити, то заходте до гостиницы свого краяна
Лемка-Карпаторосса.

Он Вас добре погостит и честно обслужит.

Anthony Durkot, Prop. **АНТОНІЙ ДУРКОТ**

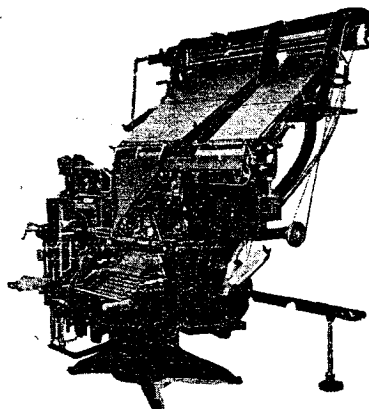
66 WOODSWORTH AVE.

YONKERS, N. Y.

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

ТИПОГРАФИЯ “КАРПАТСКОЙ РУСИ”

ПРИНИМАТ ВСЯКЫ ТИПОГРАФИЧНЫ
РОБОТЫ НА ВСІХ ЯЗЫКАХ
РОБОТЫ ВЫКОНУЄ ТОЧНО, ДЕШЕВО
И ХУДОЖЕСТВЕННО!

Коли Вам потребны летучкы, билеты, письма с Вашим именем, присылайте в нашу
типографию, мы Вам напечатаме.

Напечатаме Вам статуты для братств, так на литературном русском языке, як
по-карпаторусскы або по-украинскы, а также по-английскы — точно и поправно!

ПИШТЕ В РЕДАКЦИЮ:

“KARPATSKA RUS”

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

КАРПАТОРОССЫ, ЧИТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ ГАЗЕТУ
“КАРПАТСКА РУСЬ”

ТО ВАША
КАРПАТОРУССКА РОБОЧА ГАЗЕТА!

“КАРПАТСКА РУСЬ”

ОРГАН

ЛЕМКО-СОЮЗА И КАРПАТОРУССКОГО
НАРОДНОГО КОМИТЕТА

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАНАДІ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗЫ В НЕДІЛЮ

Предплата на рок \$3.00

“KARPATSKA RUS”

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.